

Alfred Kocher sacrament Journal

- Агата Кристи
 - Часть 1. Дом, где все тронутые
 - Часть 2. На сцене появляется полиция
 - Часть 3. Идеальный подозреваемый
 - Часть 4. Инспектор находит оружие
 - Часть 5. Алекс делает предложение
 - Заключение
 -
 - notes
 - 1
 - 2
 - 3
-

Агата Кристи
Игра зеркал

Часть 1. Дом, где все тронутые

Миссис Ван Райдок, глубоко вздохнув, отступила от зеркала.

— Ну что ж, — с трудом вымолвила она. — Тут ничего не поделаешь. Ты согласна со мною, Джейн?

Мисс Марпл обратила свой взор на изделие фирмы Лаванелли и отозвалась:

— На мой вкус, твое новое платье великолепно.

— К платью-то не придерешься, — снова вздохнула миссис Ван Райдок. — Помогите мне его стащить, Стефания.

Она подняла руки, и горничная, особа неопределенных лет, с профессиональной ловкостью сняла обновку.

Миссис Ван Райдок осталась перед зеркалом в комбинации кричащего абрикосового цвета. Ее талия была затянута в корсет, а стройные ноги обтягивала паутинка чулок. Лицо, привыкшее к массажу и притираниям, казалось очень моложавым под слоем искусного макияжа, а изящно причесанные волосы отливали скорее голубоватым цветом лепестков гортензии, чем вульгарной сединой. Ну а то, что было скрыто макияжем, оставалось для всех тайной. В ее распоряжении имелось все, что давали деньги, а забота о собственной внешности стала излюбленным занятием, которому она посвящала все время.

— Как ты думаешь, Джейн, многие ли способны догадаться, что мы с тобою ровесницы?

Взгляд Рут Ван Райдок был самодоволен и лукав. Мисс Марпл ответила с благородной искренностью:

— Относительно себя я не питаю иллюзий. Я-то выгляжу именно на свои годы.

С отбеленными седой волосами, спокойным выражением лица в мелких уютных морщинках, с пухлыми щеками мисс Марпл казалась самой обаятельной старушкой в мире, тогда как ее приятельницу миссис Ван Райдок никому бы не пришло в голову назвать приятной старушкой.

— Ты права, дорогая Джейн! — неожиданно рассмеялась та. — Впрочем, я тоже выгляжу на свои годы, но в ином смысле. Глядя на меня, многие недоумевают: и как она ухитрилась так хорошо сохраниться, эта старая ведьма! Им доподлинно известно, что я старая ведьма, да я и сама этого не отрицаю.

Она уселась в мягкое кресло, обитое бледным шелком.

— Благодарю, Стефания. Вы мне больше не нужны.

Горничная неслышно удалилась, бережно неся на вытянутых руках новое платье своей хозяйки.

— Милая Стефания! — сказала ей вслед миссис Ван Райдок. — Она прожила в моем доме уже более тридцати лет. Она единственная, кто знает, как я выгляжу на самом деле, безо всяких прикрас.

Внезапно тон ее изменился.

— Послушай, Джейн, у меня к тебе серьезный разговор.

Мисс Марпл с готовностью обернулась к подруге, всем своим видом выражая внимание. В этих роскошных апартаментах она, в своем вышедшем из моды просторном черном платье, с объемистым ридикюлем на коленях, выглядела совершенно неуместной.

— Я тревожусь за Кэрри-Луизу.

— Кэрри-Луизу?

Вопрос мисс Марпл прозвучал задумчиво: это имя уводило ее в далекое прошлое.

Пансионат во Флоренции... Она сама, юная англичаночка, вся в белом и розовом в тени собора... И две таких же молодых американки по фамилии Мартин, с забавным заокеанским акцентом и резкими эксцентричными манерами — жизнь в них была ключом.

Рут — рослая, пылкая, честолубивая, и Каролина-Луиза — миниатюрная, вся исполненная достоинства.

— Когда ты ее видела в последний раз, Джейн?

— Кэрри-Луизу? О, очень давно, пожалуй, четверть века назад. А после этого она, посылала мне рождественские поздравительные открытки.

Изредка доводилось и встречаться. Причем мисс Марпл чаще виделась с Рут, которая жила в Америке, чем с Кэрри-Луизой, обосновавшейся рядом — в Англии.

— Почему ты беспокоишься за сестру, Рут? — спросила мисс Марпл.

— В молодости Кэрри-Луиза была такой идеалисткой, — сказала миссис Ван Райдок, не отвечая на вопрос прямо. — В те времена было модно искать высокий идеал. Он был у любой девушки. И у каждой — непременно свой. Ты, помню, собиралась лечить прокаженных. А я хотела уйти в монастырь. Все эти химеры в конце концов улетучиваются. Но, видишь ли, Кэрри-Луиза... — лицо Рут невольно омрачилось. — Именно это меня в ней и волнует! Она в третий раз замужем, и каждый из ее мужей в своем роде уникален и феномен.

— Но, милочка... — начала мисс Марпл.

— Знаю, знаю, — перебила Рут Ван Райдок. — Гэлбрандсен, ее

первый муж, отнюдь не был лишен здравого смысла, несмотря на свою исключительность. Когда он на ней женился, ему было пятьдесят лет, он имел взрослых сыновей и огромное состояние.

Мисс Марпл утвердительно кивнула. Имя Гэлбрандсена было известно во всем мире. Этот удачливый делец прославился филантропией. Его имя продолжало жить в Фонде Гэлбрандсена, в стипендиях и приютах Гэлбрандсена, и в его знаменитом колледже для детей рабочих.

— Я никогда так не радовалась за сестру, как в тот день, когда она, овдовев, вышла замуж за Джонни Рестарика. Нет, я вовсе не принимала всерьез его блажь с театральными декорациями или его режиссерскую деятельность. Ведь он женился на ней, чтобы финансировать свои увлечения. О, конечно, не только из-за этого, но будь она бесприданницей, их брак не состоялся бы. А потом его соблазнила эта ужасная женщина из Югославии. Она его украла, увела почти насильно. И если бы у Кэрри-Луизы оказалась хоть капля терпения, она бы просто подождала немного, и он вернулся бы непременно.

— Она очень страдала? — спросила мисс Марпл.

— Это-то и странно: во всей этой прискорбной истории она держалась восхитительно... Впрочем, ей вообще свойственно самообладание. Она поспешила развестись, чтобы дать ему свободу, появившись у него желание жениться на своей соблазнительнице. Она предложила оставить у себя двух его сыновей от первого брака, чтобы не нарушать нормальное течение жизни мальчиков. Конечно, бедному Джонни не оставалось ничего другого, как жениться на своей пассии, которая немедленно превратила его существование в ад. А через полгода они ехали в машине и свалились в пропасть. Машиной управляла она. Это было квалифицировано как несчастный случай, но я-то уверена, что она поступила так умышленно, в обычном для нее приступе ярости.

Миссис Ван Райдок замолчала и снова уставилась в зеркало, изучая свою внешность. Пинцетом выдернула из брови волосок, который ей показался длиннее остальных.

— Затем Кэрри-Луизе понадобилось снова срочно выйти замуж чуть ли не за первого встречного. Им оказался Льюис Серроколд, еще один уникум! Очередной идеалист! Нет, нет, я не утверждаю, что он не любит Кэрри-Луизу. Он бесспорно дорожит ею. Но главная его забота — осчастливить всех вокруг себя. Как будто это возможно!

— По крайней мере, трудно, — согласилась мисс Марпл.

— Его конек — малолетние преступники. Ради этих бездельников он перевернул вверх дном все их поместье. Это уже не дом, а колония для

юных правонарушителей. И полно всякого постороннего народа: психиатры, психоаналитики, психологи. Льюис и Кэрри-Луиза живут в таком странном окружении! Да и многие из их подопечных действительно ненормальны. А набранный ими врачебный персонал прямо-таки соревнуется в энтузиазме. Этакая неуправляемая компания без руля и без ветрил... Каково нашей малютке жить среди подобного бедлама?

Рут с неподдельной грустью взглянула на мисс Марпл. Та тоже казалась озабоченной.

— И все-таки ты не объяснила, Рут, почему тревожишься за сестру?

— Наверно, потому, что толком ничего не понимаю. Я совсем недавно гостила у них в Стоунгейтсе и все время меня не покидало ощущение, что в доме происходит что-то неладное... Какая-то мрачная, гнетущая атмосфера. Клянусь, это не мнительность! Моя интуиция... Я всегда была чутка ко всему скрытному, угрожающему... Джейн, — взмолилась она, — я хочу, чтобы ты поехала туда и сама во всем разобралась.

— Я? — безмерно удивилась мисс Марпл. — Но почему именно я?

— Потому что у тебя явно нюх на таинственное. Внешне ты простодушна и безобидна, но в тебе есть мужество и готовность к худшему в жизни.

— Но подумай, дорогая, как это я ни с того, ни с сего вдруг заявлюсь к Кэрри-Луизе?

— Я все уже обдумала, не сердись на меня. Я написала Кэрри-Луизе о тебе и, вернувшись домой, ты наверняка найдешь приглашение от нее.

Однако до возвращения в Сент Мэри Мид мисс Марпл надеялась получить от Рут еще какие-нибудь сведения, более конкретные, чем ссылки на интуицию.

— Милая Рут, попробуй изложить факты. Мне нужно получить хоть приблизительное представление о людях, которых я там встречу.

— Постараюсь. История первого замужества Кэрри-Луизы тебе хорошо известна. Хотя у Гэлбрандсена было трое взрослых сыновей от предыдущего брака, супругов очень огорчало отсутствие общих детей. Они удочерили прелестную девочку и назвали ее Пиппа. Ей было тогда два года.

— А кто она такая? Они имели сведения о ее семье?

— Сознаюсь, я не в курсе дела. Наверное, мне об этом не рассказывали. Может быть, они обращались в приют? Или родители отказались от прав на ребенка? Самое интересное, что вскоре после того, как малютка появилась в их доме, Кэрри-Луиза почувствовала, что сама станет матерью. Врачи говорят, что подобные случаи встречаются довольно часто. Еще совсем недавно беременность сделала бы Кэрри-Луизу

счастливейшей из женщин, но теперь у нее возник комплекс вины перед Пиппой. К тому же новорожденная Милдред лицом пошла в отца, а бедняга Гэлбрандсен был добрым, надежным другом, но очень уж некрасивым. А Кэрри-Луиза из опасения, чтобы Пиппа не подумала, что она чем-то выделяет родную дочь, безбожно баловала приемьша. Милдред рано почувствовала это предпочтение и росла обиженной. Девочки выросли. Пиппа стала очаровательной, а Милдред осталась дурнушкой.

Когда Гэлбрандсен умер. Милдред было пятнадцать лет, а Пиппе восемнадцать. Общим дочерям он завещал одинаковое состояние. Вскоре Пиппа вышла замуж за итальянского аристократа, а Милдред — за неприметного каноника по фамилии Смит. Он был лет на десять старше ее. По-моему, они жили вполне благополучно и счастливо.

Милдред овдовела в прошлом году и вернулась к матери. Но я перескочила еще через одну или две свадьбы. Вернемся назад. Помнишь, Пиппа вышла за итальянца? Спустя год она умерла при родах и оставила младенца, дочку Джину. Эта драма всех потрясла. Кэрри-Луиза все время курсировала между Англией и Италией. Именно в Риме она встретила Джонни Рестарика и там же вышла за него замуж. Вдовец-итальянец тоже женился вторично и был рад сплавить новорожденную Джину в Англию, к богатой бабушке. Так что они все собрались в Стоунгейтсе: Джонни Рестарик и Кэрри-Луиза, оба сына Джонни — Алекс и Стефан, маленькая Джина и Милдред, которая недавно лишилась своего каноника. Потом грянула история с югославкой, развод и все остальное... Мальчики продолжали приезжать на каникулы в Стоунгейтс. Они очень привязаны к Кэрри-Луизе. А в 1948 году сестра вышла замуж за Льюиса.

Миссис Ван Райдок перевела дух и спросила:

— Ты никогда не встречала Льюиса, Джейн?

— Нет. Последний раз я видела Кэрри-Луизу в Лондоне. Она меня пригласила в Ковент-Гарден^[1].

— Ах, вот как... Льюис с любой точки зрения был для нее подходящим мужем. Известный эксперт-экономист, богат, почти одного с нею возраста. С безупречной репутацией. Но и он оказался уникалом! Был прямо-таки одержим идеей перевоспитания малолетних преступников!

Рут Ван Райдок вздохнула и, заметила, что мисс Марпл украдкой взглянула на часы.

— Спешись на поезд? А я и половины тебе еще не рассказала. Придется разбираться на месте самой.

— Придется, — согласилась мисс Марпл.

Продуваемый со всех сторон ветрами, вокзал в Маркет-Кэмбле был пуст и гулок. В нем едва можно было насчитать двух-трех пассажиров, да еще нескольких служащих. А славу вокзала составляли шесть перронов и застекленный навес, под которым мисс Марпл и высадилась.

Мисс Марпл неуверенно оглянулась. К ней спешил молодой человек.

— Вы мисс Марпл?

Голос его звучал с какой-то неожиданной тревогой, словно его смущало произнесенное имя. Он говорил с излишней аффектацией, как если бы находился на театральных подмостках.

— Я за вами... из Стоунгейтса.

Мисс Марпл поблагодарила его приветливой улыбкой. Она выглядела всего лишь милой безобидной старой дамой. Но если бы молодой человек взял на себя труд приглядеться внимательней, он не мог бы не заметить пронизательных глаз. Его собственная внешность не очень вязалась с голосом. Он был невидной наружности, да еще веки дергались в нервном тике.

— У меня один чемодан, — сказала мисс Марпл.

Встречающий не взял его сам, а щелкнул пальцами, подзывая носильщика, который толкал перед собой нагруженную багажом тележку.

— Прихватите и этот чемодан, — сказал молодой человек. — Мы в Стоунгейтс.

— Ладно! — крикнул на ходу носильщик. — Сейчас вернусь. Я быстро!..

Мисс Марпл увидела, как молодой человек поморщился.

— Ох уж эти носильщики! — воскликнул он. — Наглеют не по дням, а по часам!

Уже ведя мисс Марпл к выходу, он представился:

— Меня зовут Эдгар Лоусон. Встретить вас меня попросила миссис Серроколд.

В его тоне ощущался намек: занятого человека оторвали от важных дел, и он согласился только из любезности к супруге патрона. Опять в нем проскользнуло нечто театральное.

Мисс Марпл поневоле задумалась: что же представляет из себя Эдгар Лоусон на самом деле?

Они вышли на привокзальную площадь, и Лоусон направился к «форду» устаревшей модели.

— Вы любите сидеть рядом с водителем или на заднем сидении? — спросил он.

Но в эту минуту на площадь с рычанием вкатил сверкающий «роллс-ройс» и остановился перед «фордом». Из него вышла очень красивая молодая женщина и направилась к ним. Заляпанные глиной вельветовые брюки и простая блузка с распахнутым воротом только подчеркивали ее изысканную красоту.

— А вот и вы! Боялась, что не успею. Я тоже приехала встречать мисс Марпл.

На загорелом лице южанки в ослепительной улыбке сверкнули жемчужные зубы.

— Я Джина, внучка Кэрри-Луизы, — объявила она. — Как доехали? Наверное, ужасно? У вас очень симпатичный ридикюль. Я обожаю вязаные сумки. Разрешите мне взять его и ваше пальто. Так удобнее будет садиться в машину.

Эдгар покраснел от досады.

— Послушайте, Джина... Встретить мисс Марпл поручено мне. Это было обговорено заранее.

Джина повернулась к нему с той же обворожительной улыбкой.

— Знаю. Но мне вдруг пришло в голову, что будет лучше, если и я приеду на вокзал. Я посажу мисс Марпл к себе. А вы привезете ее багаж.

Она захлопнула за гостьей дверцу, перебежала на другую сторону, села за руль и рванула с места.

Обернувшись, мисс Марпл успела заметить кислую мину Лоусона.

— Милое дитя, — сказала она, — боюсь, что вы обидели мистера Лоусона.

Джина беззаботно расхохоталась.

— Он выглядел просто по-дурацки со своими высокопарными манерами. Можно подумать, что он что-то значит в доме!

— А это не так? — как бы невзначай ввернула мисс Марпл.

— Разумеется, нет.

В пренебрежительной усмешке Джины проступила бессознательная жестокость.

— В общем, он тронутый, — закончила красотка.

— Тронутый?

— Здесь, в Стоунгейтсе, все тронутые. Я не имею в виду Льюиса, бабушку, мальчиков и, конечно, Милдред. Но зато все остальные! Иногда я

себя спрашиваю: а не свихнулась ли немножко и я сама, живя здесь?

Покинув привокзальную площадь, машина понеслась по гладкой ленте пустынного шоссе. Джина искоса бросила быстрый взгляд на свою спутницу.

— Вы уже бывали в Стоунгейтсе? — спросила она.

— Нет. Никогда. Но много слышала о нем.

— Сам дом ужасен, — заявила Джина. — Чудовище в готическом стиле. Стефан называет его «классическим образцом викторианского времени с современными ваннами». Он так забавно меток в определениях! Зато во всех комнатах то и дело натыкаешься на серьезных людей, например, на психиатров. Льюис по уши увяз в своем деле. На следующей неделе он помчится в Абердин, в суд для несовершеннолетних. Парня будут судить уже в шестой раз.

— Молодой человек, который встречал меня, — мистер Лоусон, не так ли? — сказал, что помогает мистеру Серроколду. Это его секретарь?

— Эдгар? Да разве он способен быть секретарем?! Он тоже подопечный. Останавливался в гостиницах и обворовывал постояльцев, выдавая себя за героя войны, летчика-истребителя. По-моему, он так и остался подонком. Льюис пробует на нем различные методы перевоспитания, как и на остальных. Им внушают, что они члены одной семьи, дают поручения и развивают чувство ответственности. А мне кажется, что в один прекрасный день кто-нибудь из них прикончит нас всех.

Джина снова расхохоталась, но мисс Марпл оставалась серьезной.

Как и сказала Джина, Стоунгейтс представлял собой готическое здание в викторианском стиле. Нечто вроде храма богача-филантропа, который пристроил к нему два крыла и несколько разнородных флигелей. Впрочем, они не нарушали целостности ансамбля.

— Правда, ужасающе? — сказала Джина, и в ее голосе послышалась нежность к дому, в котором она выросла.

— Бабушка на террасе. Я вас высажу здесь, отсюда пройти ближе.

Мисс Марпл обогнула террасу и сразу увидела свою давнюю приятельницу. Издали эта худощавая невысокая женщина выглядела удивительно моложавой, хотя опиралась на палку и передвигалась медленно и с трудом. Однако и тут могло показаться, что просто молодая девушка балуется, передразнивая походку старухи.

— Джейн! — радостно воскликнула миссис Серроколд.

— Милочка моя, Кэрри-Луиза! — отозвалась та.

Да, это была та прежняя Кэрри-Луиза, какой запомнила ее мисс Марпл

много лет назад. На ее лице не было и следа косметики, которой так злоупотребляла ее сестра. Почти не изменился пепельный цвет волос. Щеки сохранили оттенок чуть привядшей розы. Глаза смотрели живо и невинно — точно так же, как в пору неискушенной юности, а голову она держала по-старинному немного склоненной, словно птичка, которая вслушивается в какие-то таинственные звуки.

— Я так сержусь на себя, — проворковала Кэрри-Луиза мелодичным голосом, — за то, что столько лет не видела тебя, Джейн! Дорогая, ведь с нашей последней встречи прошла целая вечность!

Обе дамы, полуобнявшись, двинулись в дом. На пороге у одной из боковых дверей их ожидала пожилая особа в элегантном костюме из толстого твида. Она носила короткую стрижку, а ее массивный нос выступал на лице как-то чересчур воинственно.

— Это просто безумие, Кара, оставаться так долго на улице — ведь уже вечереет и сыро, — напустилась она на хозяйку дома. — Неужели вы никогда не научитесь благоразумию?

— Не сердитесь, Джолли, — смиренно попросила Кэрри-Луиза.

Она представила гостье мисс Белевер.

— Джейн, мисс Белевер — моя спасительница. Она и сиделка, и домоправительница, и секретарь, и лютый сторожевой пес. А главное, самый преданный мой друг.

Джюльетта Белевер засопела, кончик ее объемистого носа покраснел от волнения.

— Я делаю что могу, — отозвалась она довольно резко, — но ведь у нас форменный сумасшедший дом! Попробуйте устроить тут что-нибудь по-человечески!

— Конечно, это очень трудно, милая Джолли. Я сама себе часто задаю вопрос: зачем вы продолжаете свои бесплодные старания? Ну, а куда нам поселить мисс Марпл?

— В голубую комнату. Хотите, чтобы я проводила туда вашу гостью?

— Пожалуйста, Джолли. А потом вы зайдете за ней пригласить к чаю. Сегодня мы пьем его, кажется, в холле?

Через некоторое время, спустившись вниз, мисс Марпл нашла Кэрри-Луизу перед одним из окон между книжными шкафами.

— Какой у вас просторный дом! — воскликнула мисс Марпл. — Я почти заблудилась. Пришлось, видимо, многое переделывать, чтобы разместить здесь и жилые комнаты, и заведение мистера Серроколда?

— О да, очень многое. Прежней осталась одна центральная часть: большой холл, примыкающие к нему комнаты и спальни наверху. А

западное и восточное крылья пришлось полностью переоборудовать под кабинеты, комнаты для преподавателей и всевозможные службы. Возвели много новых перегородок. Мальчиков мы поместили в школьном доме, его отсюда видно.

Сквозь ветки густых деревьев мисс Марпл увидела большое кирпичное здание. Потом взгляд ее снова остановился на Кэрри-Луизе. Без всякой связи с предыдущим разговором она неожиданно сказала:

— Какая красotka Джина!

Лицо Кэрри-Луизы просветлело.

— Ты тоже это находишь? Я так рада, что она снова здесь! Я отправила ее в начале войны в Америку, к Рут. Малютка вдруг решила, что ей надо пойти работать в военное ведомство. А потом она встретила этого молодого человека и уже через неделю они были женаты.

Мисс Марпл пристально разглядывала Джину, которая стояла с каким-то молодым человеком у бортика бассейна.

— Прекрасная пара, — сказала она. — Не удивительно, что девочка в него влюбилась.

Миссис Серроколд была в явном замешательстве.

— Видишь ли... Это вовсе не ее муж. Это Стефан, младший сын Джонни Рестарика. Он руководит у нас любительским театром. Мы ведь ставим здесь спектакли! Развиваем художественные наклонности у воспитанников. Стефан такой энтузиаст! Именно он вдохнул живую душу в это начинание.

— Ах вот как... — медленно произнесла мисс Марпл. Ее зоркие глаза отлично разглядели оживление на лице Стефана Рестарика, когда он смотрел на Джину, в чем-то горячо ее убеждая. Лица Джины не было видно, но то, что она отвечала, тотчас же, словно в зеркале, отражалось в глазах и улыбке юноши.

— Конечно, это меня не касается, — промолвила мисс Марпл, — но ведь ты сама видишь, милая, что он в нее влюблен.

Кэрри-Луиза поспешно отозвалась с видимым волнением:

— Нет, нет!.. Надеюсь, что это не так!

— Кэрри-Луиза, как ты любишь витать в облаках! Но я права — вне всякого сомнения.

Миссис Серроколд не успела ответить. Из холла появился Льюис, держа в руках распечатанный конверт.

Муж Кэрри-Луизы был невысок и не отличался броской наружностью, но на всем его облике лежал отпечаток сильной воли и энергии. Рут как-то пошутила, что он не человек, а динамомашина. Он был так поглощен

своими ежедневными делами, что почти не обращал внимания на окружающих его людей.

— Какой удар, дорогая! Этот парень, Джек Флинт, опять принялся за старое; если помнишь, у него была страсть к кражам в поездах. Мы-то с Мэйвериком надеялись, что если его устроить на железную дорогу, он станет дорожить местом и переменится. Но опять та же история: не удержался от соблазна! Сначала по малости, в отделе посылок. И брал вещи, которые не мог быстро сбыть с рук. Это лишний раз доказывает, что все дело в психологии...

— Льюис, это моя давнишняя подруга мисс Марпл.

— Очень приятно. Как поживаете? — машинально пробормотал мистер Серроколд. Вид у него был отсутствующий. — Его, конечно, будут судить. А такой славный юноша!.. Звезд с неба не хватает, но полон обаяния. Вырос в жалкой лачуге... Я...

Вдруг динамомашина дала сбой и переключилась на гостью.

— Мисс Марпл! Бесконечно рад вашему приезду! Надеюсь, ваше присутствие украсит жизнь Каролины. Сколько воспоминаний молодости! Ей здесь живет не так уж весело. Истории многих наших мальчиков крайне печальны. Надеюсь, вы погостите у нас подольше?

Он буквально очаровал своей любезностью скромную мисс Марпл, которая сразу поняла всю силу его влияния на Кэрри-Луизу. Без сомнения, собственные увлечения были для него важнее, чем интересы членов его семьи. Многие жены были бы этим оскорблены и обижены. Но Кэрри-Луиза не принадлежала к мелочным натурам.

Разбирая письма, Льюис Серроколд раздраженно заметил:

— Как с чаем, дорогая? Я думал, что сегодня мы пьем его здесь.

— Нет, в холле. Нас уже, вероятно, ждут там.

Кэрри-Луиза взяла мисс Марпл под руку, и все трое направились в холл. Во главе чайного стола восседала полная дама средних лет.

— Джейн, вот и моя дочь Милдред. Ты видела ее только маленькой девочкой.

Мисс Марпл показалось, что из всех встреченных здесь ею людей именно Милдред гармонировала с домом. Она выглядела скучноватой, но безупречно респектабельной, как и подобает вдове духовного лица. Мисс Марпл тотчас вспомнила, каким непривлекательным ребенком она росла.

— А вот и Уолли Хадд, муж Джины...

Нахмуренный молодой великан привстал и неуклюже поклонился, продолжая жевать сливовый торт.

Вскоре появилась и Джина со Стефаном, и еще несколько человек.

Мисс Марпл чувствовала себя как бы слегка оглушенной и после чая тотчас поднялась в свою спальню, чтобы отдохнуть от впечатлений.

Общество за ужином оказалось еще более многочисленным. Пришел молодой доктор Мэйверик, психиатр или психолог. Мисс Марпл плохо разбиралась в этих тонкостях. Он изъяснялся на профессиональном жаргоне, что делало его речь малопонятной. Сидели за столом еще два молодых человека в очках, преподаватели. И некий мистер Баумгартнер, штатный терапевт заведения. Сидели там и трое смущенных подростков — воспитанников, чья очередь быть приглашенными в дом пришла на этот день...

После ужина мистер Серроколд заперся в своем кабинете с доктором Мэйвериком, чтобы обсудить текущие дела. Терапевт и преподаватели разошлись по своим комнатам, а три «гостя» отправились в общий корпус.

Джине и Стефану понадобилось осмотреть сцену любительского театра, чтобы выяснить, подходит ли она для скетча, который предлагала поставить Джина. Милдред углубилась в вязанье, а мисс Белевер принялась штопать носки. Уолли откинулся в глубоком кресле, так что оно удерживалось только на задних ножках, и устремил неподвижный взгляд в пространство. Кэрри-Луиза и мисс Марпл стали вспоминать прошлое, и оно казалось им все более и более нереальным.

Только Эдгар Лоусон не находил себе места. Он то присаживался, то вскакивал и начинал ходить по комнате, и наконец громко произнес:

— Пожалуй, следует пойти к мистеру Серроколду, Может быть, я ему нужен.

Кэрри-Луиза остановила его:

— Не думаю. Он намеревался посвятить вечер беседе с доктором Мэйвериком.!

— Тогда, разумеется, я не пойду. С какой стати навязываться тем, кто во мне не нуждается? Сегодня мне уже пришлось зря потерять время с поездкой на вокзал. Я ведь не знал, что миссис Хадд тоже собирается туда.

— Ей следовало вас предупредить, — согласилась Кэрри-Луиза. — Но, видимо, мысль о поездке пришла к ней внезапно и в последний момент. Она не хотела вас обидеть.

— А я, представьте, убежден в обратном! Она поступила так нарочно, чтобы унижить меня...

— Послушайте, Эдгар...

— Вы не знаете и половины того, что происходит в доме, миссис Серроколд! Но в данный момент я могу сказать вам только одно — спокойной ночи!

Эдгар вышел, хлопнув дверью.

Мисс Белевер дернула носом:

— Ну и манеры!

— Он слишком мнительный, — вступилась Кэрри-Луиза.

Милдред решительно отложила спицы.

— Совершенно невыносимый молодой человек. Напрасно, мама, вы его не одернете.

Уолли Хадд впервые за вечер открыл рот.

— Да этот тип просто ненормальный. И нечего придумывать лишнего. Тронутый и точка!

На следующее утро мисс Марпл постаралась незаметно ускользнуть от хозяйки дома и направилась в парк. По своему опыту она знала, что люди, которых преследуют мучительные неотвязные мысли, находят утешение в том, чтобы довериться постороннему человеку, и даже ищут, кому бы исповедаться, облегчить душу. Старая дама терпеливо прогуливалась между двумя лужайками. Результат маленькой хитрости вскоре сказался. Уже минут через пять на дорожке парка возник взволнованный Эдгар Лоусон.

Она встретила его приветливой улыбкой.

— Доброе утро, мистер Лоусон. Я обожаю сады. Покопаться в цветочных грядках — это единственное удовольствие, которое остается у такой одинокой и бесполезной старухи, как я, не правда ли? А вы любите парки? Едва ли вы об этом задумывались: ваша голова заполнена более важными делами, у вас ответственность перед мистером Серроколдом. И так много настоящей важной работы! Это, должно быть, очень интересно?

Он охотно подхватил ее тон и отозвался с воодушевлением.

— О да, да!.. Разумеется, бесконечно интересно!

— Вы, вероятно, во многом помогаете мистеру Серроколду и весьма ему полезны?

Лицо молодого человека омрачилось.

— Право, не знаю. У меня нет никакой возможности оценить это.

Наблюдая за ним, мисс Марпл продолжала размышлять. Перед ней было чудосочное, вызывающее жалость существо в потрепанном спортивном пиджаке. Один из тех людей, которых едва замечают при встрече и тут же забывают.

Мисс Марпл присела на ближайшую скамейку, нахмуренный Эдгар остался на ногах возле нее.

— Я уверена, что мистер Серроколд относится к вам с доверием, раз дает поручения, — доброжелательно сказала мисс Марпл. — Иначе зачем

было приглашать вас в дом?

— Не знаю, — повторил Эдгар. — Говоря откровенно, я почти ничего не знаю. — Еще сильнее наморщив лоб, он присел рядом с нею и вперил глаза в пространство. — У меня чертовски затруднительное положение.

— Подумать только!

Эдгар все так же смотрел с отсутствующим выражением перед собою.

— Все, о чем я вам скажу, строго между нами? — неожиданно спросил он.

— Безусловно, безусловно.

— Если бы я захотел воспользоваться своими правами...

— Что тогда?

— В конце концов, я готов сказать... Ведь это не пойдет дальше?

— Ни в коем случае.

Она отметила, что Эдгар начал говорить, даже не дождавшись ответа.

— Мой отец... Мой настоящий отец — очень известный человек.

Теперь мисс Марпл не нужно было уже его подбадривать. Достаточно было лишь слушать.

— Один мистер Серроколд знает об этом. Понимаете, для моего отца было бы неприятно, если бы вокруг этой истории поднялся шум.

Он обернулся к ней и добавил печально-торжественным тоном:

— Дело в том, что я сын... Уинстона Черчилля.

— Ах! Понимаю! — только и нашла что сказать мисс Марпл.

Эдгар продолжал, а ей все больше чудилось, что перед нею разыгрывается какая-то комедия.

— У него были важные причины не признавать меня открыто. Моя мать не была тогда свободна, ее муж содержался в лечебнице для душевнобольных. О разводе и новом замужестве не могло быть и речи... Я не вправе их осуждать. Мой отец делал все, что мог, разумеется, втайне. Отсюда и все мои трудности. У него есть враги, они и меня готовы преследовать. Им удалось нас разлучить. Но за мною постоянная слежка. Где бы я ни появился, шпионы тут как тут. Даже и здесь я не в безопасности. Они делают все, чтобы унижить меня в глазах других. Мистер Серроколд уверяет, что это всего лишь больное воображение. Но он просто не знает... Если только... Иногда мне кажется...

Он умолк и поднялся со скамьи.

— Вы, конечно, понимаете, что это между нами? Но если вы заметите, что кто-то, может быть, наблюдает за мною, вы поставите меня в известность?

И он ушел... Прямой, трагичный, жалкий. Озабоченная мисс Марпл

проводила его взглядом. От размышлений ее отвлек чей-то голос рядом с нею:

— Тронутый! Право слово, тронутый!

Засунув руки в глубокие карманы, насупленный Уолтер Хадд также смотрел вслед уходящему.

— Хорошенькая у нас тут лавочка! Все подряд с приветом.

Мисс Марпл промолчала. Уолтер продолжал:

— Этот тип, Эдгар... Какое вы о нем составили впечатление? Он плетет, что его отец — лорд Монтгомери. Мне это кажется полной чепухой! Монти... Судя по тому, что я о нем знаю, это просто невероятно.

— Пожалуй, — согласилась мисс Марпл. — Едва ли...

— А Джине он рассказывал уже совсем другую историю. Будто бы он законный наследник русского престола. Сын какого-то там великого князя. Скорее всего, этот тип не знает вовсе, кто его отец!

— Похоже на то. Отсюда, наверное, вся его беда, — просто объяснила мисс Марпл.

Уолтер плюхнулся на скамью рядом с нею и повторил свою основную мысль:

— Они здесь все без царя в голове.

— Вам неприятно жить в Стоунгейтсе?

Он небрежно пожал плечами.

— Мне? Я молод, полон сил, хочу работать. У меня есть небольшие деньги, у Джины тоже, насколько я знаю. Мы собирались купить бензоколонку в Штатах. Джина уже согласилась. Мы жили как пара счастливых голубков. Но Джине захотелось съездить в Англию, повидаться с бабушкой. Это ведь так естественно. Мне тоже было интересно побывать в Англии, я так много о ней слышал. И вот мы приехали, совсем ненадолго. По крайней мере, я так думал. А обернулось по-другому. Мы оказались пленниками в этом дурацком доме! «Почему бы вам здесь не остаться? Почему вы не хотите поселиться тут навсегда?» — вот что нам талдычат целыми днями. Мне обещают интересную работу, какую я только захочу. Ничего себе работа! Она мне не по вкусу. Мне вовсе не нравится разносить конфетки здешним шалопаям, которые не кто иные, как гангстеры. Играть с ними в детские игры? Не вижу смысла. У меня ощущение, что я завяз в этом доме, как в липкой паутине... А Джина... Не понимаю, что с ней происходит. Она уже не та Джина, на которой я женился в Америке. Да ей нельзя просто слова сказать теперь, черт побери!

— Я очень хорошо вас понимаю, — ласково заметила мисс Марпл.

Уолли бросил на нее быстрый взгляд и поднялся со скамьи.

— Простите, что я так некстати разоткровенничался с вами.

Мисс Марпл впервые увидела на его лице улыбку. Она была светлой, прелестной и внезапно превратила неуклюжего увальня в трогательное беззащитное юное существо.

— Мне необходимо было выговориться. Сожалею, что все это вылилось на вас.

— Что вы! Я все поняла, бедный мальчик.

— А вот вам и новая компания, — сказал Уолтер. — Эта дама меня невзлюбила, поэтому мне лучше удалиться. Безмерно благодарен вам, что так терпеливо выслушали меня!

Он ушел, юный великан, а мисс Марпл наконец-то заприметила Милдред, которая не спеша пересекала лужайку.

— Вижу, что этот ужасный увальень избрал вас жертвой, — сказала она, немного запыхавшись, и присела на скамейку. — Для Джины такое замужество — форменная трагедия. И все из-за того, что ее некстати отправили в Америку. Я твердила матери, что этого не нужно было делать. Но ей всегда было чуждо благоразумие, если речь шла о Джине. Этого ребенка слишком баловали. Ее вообще не надо было увозить из Италии...

Она запнулась, словно недодумала свою тираду до конца.

Мисс Марпл миролюбиво заметила:

— Джина так хороша собой!

— Но этого не скажешь о ее поведении. Только моя мать не замечает, как она вскружила голову Стефану. Я нахожу это недостойным. Допустим, что ей не повезло в замужестве, но брак есть брак, и коль вы в него вступили, извольте подчиняться его законам. В конце концов, этот ужасный иностранец — ее собственный выбор!

— А он действительно такой ужасный?

— О, милая тетя Джейн! С моей точки зрения он просто гангстер. Злопамятный. Отвратительно воспитан. Не может связать двух слов. Груб и словно всегда чем-то запачкан.

— Я думаю, что он здесь несчастен, — произнесла мисс Марпл.

— Не вижу причины... Разумеется, кроме выходок Джины. Когда он появился, мы пытались всячески занимать и развлекать его. Льюис предлагал ему должности, где он мог бы стать полезным. Но ему больше по душе бездельничать и дуться на всех. Впрочем, признаю, что здешняя жизнь невыносима для свежего человека. У Льюиса голова забита лишь проблемой малолетних преступников. А мать занята одним Льюисом. Дом запущен окончательно. Взгляните на этот парк, он совсем одичал. И ведь дело не в том, что не хватает средств. Просто никто ничем не хочет как

следует заняться. Если бы я была здесь хозяйкой...

Она замолчала.

— Боюсь, нам всем следует понять, что условия жизни изменились и такие огромные дома ставят перед их владельцами неразрешимые проблемы. Вам, наверное, было грустно вернуться в Стоунгейтс и найти его в запустении? — тактично спросила мисс Марпл. — Вы и впрямь предпочитаете жить здесь, а не где-нибудь в ином месте, в собственном доме?

Милдред Смит покраснела.

— Но мое родовое гнездо здесь. Я здесь выросла. Это дом моего отца. Переменить мое отношение к нему уже невозможно. Я имею право находиться здесь, если мне этого хочется. Если бы мать не была такой вздорной! Она даже не хочет прилично одеваться. Для Джолли ее гардероб — большая проблема.

— Я как раз хотела поговорить с вами о мисс Белевер.

— Ее присутствие вселяет спокойствие! Она обожает мою мать и живет при ней много лет. Поступила к ней на службу еще во времена Джонни Рестарика, и мне известно, что в случившейся прискорбной истории она показала себя с наилучшей стороны. Не знаю, как бы мать перенесла все это без ее поддержки!

Миссис Смит явно собиралась продолжать, но появился мистер Серроколд, и она лишь торопливо добавила:

— Взгляните-ка, вот и Льюис, легок на помине. Как странно. Он почти никогда не выходит в парк.

Мисс Марпл, уже начавшая было гордиться успехами своей тактики, подумала, что, наоборот, ничего странного тут нет.

Мистер Серроколд поздоровался с мисс Марпл с видом человека, всецело поглощенного своими мыслями. Милдред он словно даже и не заметил.

— Я огорчен, — сказал он. — Мне хотелось бы обойти с вами все наше заведение, все вам показать. Меня просила об этом Каролина. Но, к сожалению, я тороплюсь в Ливерпуль в связи с судом над юношей, который похитил посылки на вокзале. Вернусь только послезавтра. Будет прекрасно, если удастся прекратить это дело.

Милдред встала и молча ушла, неодобрительно качая головой. Серроколд не обратил внимания и на это. Сквозь толстые стекла очков его взор был устремлен на гостью.

— Видите ли, судьи часто допускают ошибки, их приговоры не соответствуют тяжести проступков. Не тюрьма, а перевоспитание

трудом — вот что нужно юноше!

— Мистер Серроколд, — решительно прервала его мисс Марпл. — Вас не беспокоит молодой Лоусон? Он вполне нормален?

На лице Серроколда промелькнула тревога.

— Надеюсь, у него не будет рецидива. А что он еще натворил?

— Он сказал мне, что он сын Уинстона Черчилля...

— Конечно, конечно... Обычная история. Бедный парень! Он из очень простой семьи. Мне его рекомендовали в одном благотворительном обществе в Лондоне. Он набросился на улице на мужчину, который якобы шпионил за ним. Типичный случай навязчивой идеи... доктор Мэйверик может объяснить вам подробнее. Я узнал его историю с самого начала. Его мать вышла из небогатой, но уважаемой семьи в Плимуте. Что касается отца, то он был моряком, но толком неизвестно даже его подлинное имя. Ребенок рос в тяжелой обстановке и сочинил для себя целый роман, сначала о неизвестном отце, потом о самом себе. Некоторое время носил военную форму с орденом, на который не имел никакого права. Это тоже типично. Но Мэйверик считает, что все наладится, если нам удастся вернуть ему уверенность в себе. Я поручаю ему кое-что и даю понять, что главное в человеке не происхождение. Гораздо важнее то, кем он сумеет стать сам. Он делает заметные успехи. Но вот вы утверждаете, что он снова...

— Мистер Серроколд, вы не думаете, что его мания может стать опасной?

— Чем же? Склонности к самоубийству у него никогда не замечалось.

— Я не это имела в виду. Он твердил о каких-то тайных недоброжелателях, о преследующих его врагах. Простите, если ошибаюсь, но мне это представляется болезненным симптомом. Разве не так?

— Не думаю, чтобы дело дошло до опасной черты.

Но я поговорю с Мэйвериком. До сих пор Эдгар очень нас обнадеживал. Весьма обнадеживал.

Серроколд бросил взгляд на часы.

— Пора ехать. Но прежде представлю вам доктора Мэйверика. Он и будет вашим провожатым.

Они двинулись по саду, миновали калитку и подошли к центральному входу в массивное уродливое здание из красного кирпича.

Едва показался доктор Мэйверик, встретивший их на пороге, Серроколд откланялся и оставил их вдвоем. У мисс Марпл сразу же сложилось впечатление, что у доктора тоже не все в порядке с психикой.

— Мисс... э-э... простите! Мисс Марпл, я льщу себя надеждой, что

все, что здесь делается, заинтересует вас. Оригинальностью отличается наш подход к основной проблеме. Мистер Серроколд обладает тонкой интуицией. Его взгляд проникает далеко в будущее. Нас ведь занимает, прежде всего, медицинская проблема, и именно в этом надлежит убедить наших законников.

Он помолчал, переводя дух, и закончил:

— Мне представляется наиболее важным, чтобы вы с первых шагов прониклись именно той атмосферой гуманности, которой с самого начала окружены у нас воспитанники. Смотрите!

Мисс Марпл проследила за движением его руки и наткнулась взглядом на выбитое вдоль дверной перекладины изречение: «Вновь обрети надежду, всяк сюда входящий».

— Не правда ли, очень удачная цитата? Именно эти слова здесь и нужны. Не следует бранить этих несчастных. Наказания... Все только об этом и толкуют. Лишь мы хотим дать им ощутить не падение и никчемность, а, напротив, ценность каждой личности.

— Извините, вы имеете в виду юношей вроде Эдгара Лоусона? — уточнила мисс Марпл.

— У него весьма интересный случай. Вы с ним уже говорили?

— Скорее, он со мною говорил, — несколько смущенно вставила мисс Марпл. — У меня возник вопрос... может быть, он немного не в себе?

Доктор Мэйверик рассмеялся.

— Но, милая мисс Марпл, мы ведь все здесь немного не в себе, — воскликнул он, пропуская ее в дверях вперед. — В этом и заключается секрет нашего совместного существования!

Когда прошел этот день, он показался мисс Марпл чрезвычайно утомительным. Ее томило к тому же неясное ощущение, что она недовольна и собою, своим восприятием окружающего. Она никак не могла определить, что же все-таки происходит в Стоунгейтсе. Образы накладывались друг на друга и беспокоили ее. Постепенно в центре этого беспокойства, к ее удивлению, оказалась одновременно и жалкая и ничтожная фигура Эдгара Лоусона. Напрасно она доискивалась до причин этого. В то же время она не могла найти и намека на какую-нибудь опасность, которая могла бы угрожать ее давней подруге. Иногда мисс Марпл казалось, что она отчетливо различает, как под крышей Стоунгейтса тревожно сталкиваются беды и надежды его обитателей. Однако, насколько она могла судить, все это непосредственно не касалось Кэрри-Луизы...

На следующее утро, когда миссис Серроколд с трудом дотащила до садовой скамейки, села рядом со своей приятельницей и спросила ее, о чем

та задумалась, мисс Марпл ответила откровенно:

— О тебе, Кэрри-Луиза.

— Что же ты думаешь об мне? Ответь честно.

— Тебя что-нибудь беспокоит в этом доме?

С некоторым лукавым удивлением хозяйка дома уставилась своими голубыми глазами на гостью.

— Но что меня могло бы беспокоить здесь, Джейн?

— Еще не знаю, дорогая. Только ведь у тебя, как и у всех, имеются свои мелкие неприятности и заботы? Понимаешь, что я имею в виду?

Кэри-Луиза на миг заколебалась.

— Нет, Джейн, не вполне понимаю. Благодаря милой Джолли, я избавлена почти от всех забот. Джолли ходит за мною, словно я малое дитя, которое просто не в силах справиться со «взрослыми» делами. Ради меня она готова на все. Частенько мне даже совестно за это. Я готова поверить, что ради меня Джолли пойдет буквально на убийство. Наверное, я говорю ужасные вещи, Джейн?

— Она в самом деле бесконечно предана тебе, — успокаивающе проговорила мисс Марпл.

Миссис Серроколд засмеялась своим серебристым беззаботным смехом.

— Но до чего же она временами сердита! Она, например, убеждена, что наши воспитанники, эти симпатичные юноши — обыкновенные преступники, с которыми мы напрасно возимся, ибо они не заслуживают этого. Она считает, что наш дом слишком холодный и сырой, а это вредно для моего ревматизма. По ее мнению мне необходимо хоть на время отправиться в Египет или куда-нибудь еще, где климат сухой и теплый.

— А ты очень страдаешь от ревматизма?

— Последнее время я, пожалуй, стала ощущать его сильнее. Даже хожу с трудом. В ногах случаются судороги. Но чего же ты хочешь?.. С возрастом возникают многие недомогания. Это неизбежно, — закончила миссис Серроколд со своей обычной очаровательной улыбкой.

Обе заметили, как из стеклянных дверей появилась мисс Белевер. Она быстро направилась к их скамейке.

— Вам телеграмма, Кара. Только что передали по телефону: «Приеду сегодня после обеда. Кристиан Гэлбрандсен».

— Кристиан? Вот уж не подозревала, что он в Англии.

— Вы, разумеется, захотите поселить его в комнате с дубовыми панелями?

— Именно так, Джолли. Ему не надо будет подниматься по лестницам.

К тому же ему нравятся комнаты, выходящие на террасу.

Кивнув, мисс Белевер вернулась в дом.

— Кристиан — мой пасынок, старший сын Эрика. Вообще-то он на два года старше меня. Он живет в Америке, где управляет нашим фондом. Главный управляющий. Досадно, что Льюиса нет дома. Кристиан редко остается более чем на один день. Человек он деловой и вечно занят.

* * *

Кристиан Гэлбрандсен явился во второй половине дня, незадолго до чая. Это был рослый мужчина с тяжелыми чертами лица. Голос его звучал медлительно и размеренно-невозмутимо. При виде миссис Серроколд его лицо озарилось приветливой улыбкой.

— Как поживаете, моя маленькая Кэрри-Луиза? Вы не стали взрослее ни на один день, дорогая. Ни на один!

Кто-то тронул его за рукав.

— Кристиан!

Он живо обернулся.

— Ах, это ты, Милдред? Как поживаешь?

— Последнее время совсем плохо.

— Это очень неприятно... весьма сожалею...

Кристиан Гэлбрандсен и его сводная сестра были очень похожи. Разница между ними составляла тридцать лет, и их легко было принять за отца с дочерью. Чувствовалось что Милдред его приезд очень обрадовал. Пока она болтала с Кристианом, ее бледные щеки окрасились румянцем. Она беспрестанно твердила:

«Мой брат», «мой брат Кристиан», «мой брат мистер Гэлбрандсен».

— А как поживает малышка Джина? — спросил Гэлбрандсен, обращившись к молодой женщине. — Так вы с мужем все еще здесь?

— Да, мы окончательно тут осели. Правда, Уолли?

— Похоже на то, — подтвердил Уолтер.

Вид у него был, как обычно, надутый и строптивый.

На первый взгляд создавалось впечатление, что приезд Кристиана в Стоунгейтс вызван лишь деловыми заботами Центра. В этом была совершенно уверена мисс Белевер, да и все остальные. Лишь у мисс Марпл возникли сомнения: всякий раз, когда Кэрри-Луиза не могла этого заметить,

пожилой господин впивался в нее внимательным и встревоженным взглядом. Этот странный взгляд весьма заинтриговал бдительную гостью.

А когда взгляд Кристиана обегал другие лица за чайным столом, он словно подвергал каждого критическому разбору. Хотя и это он старался делать незаметно.

После чая мисс Марпл выскользнула из-за стола и скромно устроилась с вязаньем в одном из удобных кресел в библиотеке.

Каково же было ее изумление, когда за нею последовал Кристиан Гэлбрандсен и уселся рядом!

— Если не ошибаюсь, вы очень давняя подруга нашей дорогой Кэрри-Луизы? — без обиняков осведомился он.

— Мы вместе воспитывались в монастырском пансионате в Италии. Но с тех пор прошло много лет, мистер Гэлбрандсен!

— Вот как? И вы к ней до сих пор привязаны?

— Да, очень, — горячо подтвердила мисс Марпл.

— По-моему, вы ее любите. Да, я в этом убежден. И это вполне естественно, потому что Кэрри-Луиза поистине очаровательное создание! С той поры, когда она вышла замуж за нашего отца, мы с братьями всегда относились к ней с большой нежностью. Она стала для нас любимой сестрой, а отцу оставалась образцовой спутницей жизни, разделяя все его заботы.

— Она идеалистка, — заметила мисс Марпл. — Всегда была ею и не изменяла своим принципам.

— Идеалистка? Да, пожалуй, вы нашли верное слово. Следовательно, она не способна отдавать себе ясного отчета о том зле, которое царит в мире...

Выражение лица Гэлбрандсена исключало всякую возможность шуток. Он был очень серьезен и сосредоточен. Мисс Марпл смотрела на него с удивлением, стараясь разгадать намек.

— А как ее здоровье? Расскажите мне об этом.

Для мисс Марпл вопрос оказался еще одной неожиданностью.

— По-моему, оно не внушает опасения... Если не считать ревматизма или, скорее, артрита...

— Ревматизма? Вот как? А что у нее с сердцем?

Оно в порядке?

— Насколько мне известно, да. — Мисс Марпл удивлялась все больше и больше. — Но я ведь увидела ее только вчера и после многих лет разлуки. Если вам нужны более достоверные сведения о ее здоровье, вам лучше поговорить на эту тему с кем-нибудь из домашних, например, с мисс

Белевер.

— С мисс Белевер? Разумеется. Или с Милдред.

— Верно, или с Милдред.

Мисс Марпл находилась в некотором замешательстве. Кристиан пристально смотрел на нее.

— А вам не кажется, что между матерью и дочерью особой симпатии не наблюдается?

— Пожалуй, соглашусь с вами.

— А жаль. Ведь у нее больше нет детей. Что поделать, так уж сложилось. Но вы думаете, что мисс Белевер к ней искренне привязана?

— У меня создалось именно такое впечатление.

Кристиан помрачнел. Следующую фразу он скорее адресовал самому себе, чем своей случайной собеседнице.

— Имеется еще малышка Джина... Она так молода... Просто не знаю, что делать...

Он помолчал, потом заговорил доверчиво и просто:

— Иногда так трудно определить, какие действия будут наилучшими. Я так хочу, чтобы мне все удалось! Мое главное желание — оградить Кэрри-Луизу, которая мне так дорога, от малейшего страдания, от любой печали. Но это нелегко, ох как нелегко!

В этот момент в библиотеку вошла миссис Милдред Смит.

— Ах, вот где ты, Кристиан? А мы думали, куда ты делся? Доктор Мэйверик хотел знать, не намерен ли ты что-то обсудить с ним.

— Мэйверик? Это молодой врач, который недавно приехал? Нет, нет. Я дождусь возвращения Льюиса.

— Доктор сейчас в кабинете Льюиса. Сообщить ему об этом?

— Нет. Я все-таки скажу ему несколько слов.

Гэлбрандсен поспешно вышел. Милдред проводила его растерянным взглядом. Потом обернулась к мисс Марпл.

— Хотела бы я знать, что здесь происходит? Кристиан на себя не похож. Он вам что-нибудь говорил?

— Ничего существенного. Всего лишь поинтересовался здоровьем вашей матери.

— Здоровьем? Какого черта он завел этот разговор с вами?

Тон Милдред был неожиданно резким, на щеках пятнами проступил румянец волнения и досады.

— Право, мне больше ничего не известно.

— Здоровье моей матери отменное. Это даже удивительно для женщины ее возраста... Во всяком случае, она намного здоровее меня.

Помолчав минутку, она добавила:

— Надеюсь, вы уверили его в этом?

— Скорее, я ничего не могла ему ответить. Он спрашивал, например, в каком состоянии ее сердце.

— Сердце?

— Да.

— У матери сердце здоровое, абсолютно здоровое.

— Но я ничего не знаю об этом, — ответила мисс Марпл. — Хотя рада слышать это от вас.

— Но кто же вбил Кристиану в голову эти несусветные глупости?

— Понятия не имею, дорогая, — ответила мисс Марпл.

Следующий день прошел как будто совершенно спокойно. Кристиан Гэлбрандсен посвятил утро осмотру заведения, его сопровождал доктор Мэйверик. Они побеседовали о результатах тех методов, которые применяются в Центре. После обеда Джина увлекла его в автомобильную прогулку по окрестностям, а вернувшись, Кристиан попросил мисс Белевер показать ему сад.

Но мисс Марпл ощущала, что атмосфера сгущается. Конечно, она могла бы просто упрекнуть свое разыгравшееся воображение. Однако около четырех часов пополудни одно происшествие все же случилось.

Перед чаем мисс Марпл сложила свое вязанье и отправилась прогуляться по парку. Огибая куст рододендронов, она лицом к лицу столкнулась с Эдгаром Лоусоном, который, донельзя взвинченный, торопливо шагал по аллее. Он что-то бормотал себе под нос и чуть не сшиб с ног мисс Марпл.

— Простите, пожалуйста, — выпалил он, и мисс Марпл поразила его неподвижный блестящий взгляд.

— Вы плохо себя чувствуете, мистер Лоусон?

— Плохо? А разве я могу чувствовать себя хорошо? Я получил такой удар... Чудовищный удар!..

— Удар? О чем вы?

Молодой человек озирался с такой тревогой, что мисс Марпл невольно тоже ощутила беспокойство. Он в полной растерянности посмотрел на нее.

— Говорил ли я вам? Хотел бы я знать... Да, хотел бы наконец знать... За мною так часто шпионили...

Мисс Марпл не колебалась ни минуты. Она решительно взяла юношу под руку со словами:

— Пойдемте в эту аллею. Вы можете сами убедиться, что здесь нет никаких зарослей. Нас никто не подслушает.

— Да, вы правы.

Он глубоко вздохнул, опустил низко голову и проговорил сдавленным полупшепотом:

— Я сделал открытие... Ужасное открытие...

— Какое же?

Молодой человек дрожал с ног до головы и всхлипывал.

— Довериться кому-то... Поверить в кого-то!.. А все это была ложь! Только ложь и ничего больше. Ложь, придуманная для того, чтобы скрыть от меня истину! Невозможно смириться с этой горькой мыслью. В мире слишком много зла. Видите ли, этот человек... Я доверял только ему... А теперь я замечаю, что уже очень давно во всем виноват именно он. Ложь исходит от него! Он сам и есть тот враг, который посылал следить за мной, непрерывно шпионил! Но он так легко не отвертится! Я выскажу ему все, что мне стало известно. Скажу, что его махинации раскрыты.

— Кого вы имеете в виду? — рискнула вставить мисс Марпл.

Эдгар Лоусон выпрямился. В эту драматическую минуту он мог бы растрогать, но выглядел только смешным.

— Я говорю о своем отце!

— О лорде Монтгомери или о мистере Уинстоне Черчилле?

Взгляд Эдгара Лоусона выражал явное презрение.

— Они хотели заставить меня поверить в это, чтобы помешать докопаться до правды. Но теперь мне все известно. У меня есть друг, настоящий друг, который не предаст и не обманет. Он дал мне понять, до какой степени меня дурачили. Моему отцу отныне придется считаться со мной. Я ему докажу, что знаю правду. И всю его ложь я швырну ему в лицо. Посмотрим тогда, что он осмелится мне ответить!

Вдруг Эдгар сорвался с места и опрометью кинулся бежать, скрывшись в зарослях парка.

Мисс Марпл медленно направилась к дому. С ее лица не сходило выражение тревоги. «Все мы здесь немного не в своем уме», — так, кажется, пошутил доктор Мэйверик?

Но мисс Марпл казалось, что в случае с Эдгаром Лоусоном его определение было недостаточным и слишком мягким.

* * *

Льюис Серроколд возвратился в шесть тридцать. Он оставил машину у ворот и прошел через парк пешком. В окно своей комнаты мисс Марпл увидела, как у дверей они встретились с Кристианом. Пожав друг другу руки, мужчины стали прогуливаться взад-вперед по террасе.

Мисс Марпл не забыла захватить в Стоунгейтс свой театральный бинокль, чтобы наблюдать за птицами. Она не поленилась разыскать его, потому что увидела стайку чижей, круживших возле небольшой березовой рощицы.

Когда она направила свой бинокль в сторону рощи, в поле ее зрения попало кое-что еще, что располагалось ближе, а также Серроколд и Гэлбрандсен. Ей показалось, что оба чрезвычайно взволнованы. Пригнувшись к подоконнику, она смогла услышать даже обрывки их разговора. Но если бы кто-то из них случайно поднял голову, то мог бы побожиться, что внимание любительницы птиц сосредоточено на чем-то далеком, находящемся у черты горизонта, а вовсе не на них.

— Как защитить Кэрри-Луизу от этого разоблачения... — говорил Гэлбрандсен.

Когда они снова проходили под окном, до нее донесся уже голос Серроколда:

— ...если удастся скрыть это от нее. Считаю, что, прежде всего, нужно думать именно о ней.

До ушей мисс Марпл долетело еще несколько обрывков фраз, видимо, на ту же тему:

— Очень серьезно... ничем не оправданно...

— ...взять на себя слишком большую ответственность!..

Последнее, что она услышала, были слова Кристиана:

— Становится прохладно. Вернемся в дом.

Мисс Марпл в волнении отошла от окна. Услышанное его было слишком отрывочно, чтобы полностью восстановить смысл разговора. Но и несколько фраз оправдывали то смутное ощущение неблагополучия, которое испытали Рут Ван Райдок и она сама, едва переступив порог Стоунгейтса. Какая бы угроза ни нависла над домом, она имела прямое отношение к Кэрри-Луизе.

За ужином чувствовалось всеобщее напряжение. Гэлбрандсен и Льюис Серроколд полностью погрузились в свои мысли. Уолтер Хадд хмурился и дулся заметней обычного. В отличие от недавних прошлых дней, Джине и Стефану тоже, казалось, не о чем стало говорить между собой. Примолкли за столом и остальные. Беседу пытался вести лишь доктор Мэйверик, который пустился в бесконечную научную дискуссию с терапевтом

Баумгартеном.

После ужина все перешли в холл. Гэлбрандсен почти тотчас извинился и ушел под предлогом того, что ему сегодня еще надо написать важное письмо.

— У вас в комнате есть все необходимое? — осведомилась Кэрри-Луиза.

— Да, да, абсолютно все. Не хватало лишь пищащей машинки, но мисс Белевер была столь внимательна и заботлива, что мне ее уже принесли.

Он вышел из холла в левую дверь, которая вела в небольшой вестибюль. Из вестибюля уходила вверх парадная лестница и начинался коридор, который шел к спальне и ванной комнате.

— Итак, Джина, сегодня вечером никто не собирается в театр? — спросила Кэрри-Луиза, едва Кристиан удалился.

Молодая женщина покачала головой и присела у окна, откуда открывался вид на главную аллею.

Искоса глянув на нее, Стефан направился к роялю и начал потихоньку перебирать клавиши, наигрывая странную грустную мелодию.

Оба врача и доктор Мэйверик тоже попрощались. Уолтер повернул выключатель настольной лампы, раздался треск — и свет в холле погас.

Уолтер проворчал:

— Проклятый выключатель! Опять сломался. Сейчас я заменю пробки.

Глядя ему вслед, Кэрри-Луиза заметила с одобрением:

— Уолли так хорошо разбирается во всех этих электрических приборах! Помните, как ловко он починил тостер?

— Это все, на что он способен, — отрезала Милдред и добавила более мягким тоном: — Мама, вы приняли лекарство?

Мисс Белевер выглядела растерянной.

— Как же я запомнила это? — пролепетала она.

Неожиданно вмешался Льюис:

— Сегодня вечером ты не должна его принимать, дорогая. У меня нет уверенности, что оно приносит тебе пользу.

С присущей ему важностью он спокойно взял стакан из рук мисс Белевер и поставил его на старинный резной сундук.

Мисс Белевер воскликнула:

— Право, мистер Серроколд, на этот раз я не разделяю вашего мнения. Миссис Серроколд чувствовала себя гораздо бодрее с тех пор, как...

Она не успела закончить и недовольно обернулась на внезапный стук.

Входная дверь распахнулась, с грохотом ударившись о стену, и возник Эдгар Лоусон. Его появление было настолько театрально, что все на миг почувствовали себя, словно в ложах.

Эдгар дошел до середины холла и принял драматическую позу. Это, пожалуй, могло бы выглядеть забавным, только улыбнуться почему-то никому не захотелось.

Эдгар провозгласил:

— Итак, я вас разоблачил, враг мой! — Он обращался к Льюису Серроколду. Тот выглядел удивленным.

— Эдгар, мой друг, что с вами происходит?

— Довольно! Вам больше не удастся меня дурачить и обманывать. Ваша маска сорвана! Вы за мною шпионили. Вы объединились с моими врагами...

— Ну, ну, милое дитя, успокойтесь. Пройдем ко мне в кабинет — и вы мне все расскажете по порядку.

Льюис взял его под руку, пересек холл, и оба скрылись за правой дверью. Серроколд прикрыл ее за собой, и все явственно слышали скрежет ключа в замке.

Мисс Белевер переглянулась с мисс Марпл. У обеих возникла одна и та же мысль: дверь замкнул не мистер Серроколд.

— По-моему, молодой человек просто спятил, — резко сказала мисс Белевер. — Это становится опасным.

— Он ощупывал что-то у себя в кармане, — заметила Джина.

Стефан поднял лицо от рояля.

— В кино это был бы непременно револьвер, — саркастически заметил он.

Мисс Марпл деликатно кашлянула и проронила.

— Но, видите ли, это и был револьвер.

Через плотно притворенную дверь кабинета Льюиса сначала слышались повышенные голоса, затем стали различаться отдельные слова. Наконец раздался крик Эдгара, тогда как Льюис продолжал говорить отдельно и спокойно:

— Ложь! Ложь!.. — кричал Эдгар. — Вы мой отец, я ваш сын! Вы меня ограбили. Этот дом должен принадлежать мне. Вы меня ненавидите. Только и думаете, как от меня избавиться!

Послышался снова успокаивающий голос Льюиса, потом крики безумца, которые становились все визгливее. Эдгар выкрикивал бранные слова, видимо, соч всем перестав владеть собой. Время от времени прорывались вразумляющие слова Льюиса:

— Спокойно!.. Уймьтесь же!.. Вы отлично знаете, что все это неправда.

Но вместо того, чтобы утихомирить молодого человека, возражения только распаляли его.

В холле все примолкли и напряженно вслушивались, что происходит за запертой дверью.

— Я заставлю вас выслушать меня! — кричал Эдгар. — Я собью с вас этот высокомерный вид. Я возьму еще реванш, говорю вам! Вы ответите за все мои страдания!

Вдруг раздался резкий повелительный крик Льюиса, утратившего обычное спокойствие:

— Положите револьвер! Бросьте его! Говорю вам!

— Эдгар убьет Льюиса! — вскрикнула Джина. — Неужели мы не можем вмешаться? Вызвать хотя бы полицию? Или как-то еще?

Кэрри-Луиза, которую эта сцена взволновала меньше других, спокойно возразила:

— Не беспокойся, Джина. Эдгар обожает Льюиса. Он играет эту пьесу для самого себя. Вот и все.

За дверью раздался смех Эдгара, и мисс Марпл пришлось признать про себя, что так едва ли может смеяться нормальный человек.

— Да, мой револьвер заряжен. Ни слова больше! Не двигайтесь! Выслушайте меня до конца. Вы устроили весь этот заговор против меня и должны за это поплатиться.

Несколько минут он продолжал в том же духе, как типичный маньяк, и тем же визгливым голосом.

Вдруг раздался резкий звук, и все вздрогнули. Похоже было на выстрел, но Кэрри-Луиза сказала:

— Ничего страшного. Это за окнами, видимо, в парке. Или еще где-то, не знаю точно.

За дверью Эдгар продолжал выкрикивать:

— Вы сидите здесь, глядя на меня... Так глядя, словно вам все безразлично. Почему вы не падаете на колени, не просите пощады? Я сейчас выстрелю, предупреждаю вас. Я вас убью! Я ваш сын, ваш презираемый сын, которого вы отвергли. Вы хотели запрятать меня очень далеко... может быть, уничтожить? Вы натравили на меня своих шпионов... Они преследовали меня, охотились, как за дичью. Вы устроили целый заговор. Я всего лишь незаконный сын и ничего больше! Я сыт по горло вашей ложью. Вы прикинулись добряком, а тем временем... Нет! Вы недостойны жить!

За этой тирадой опять полилась грубая брань. Мисс Белевер внезапно очнулась от оцепенения и кинулась к запертой двери. Она принялась молотить по ней кулаками, но поняв, что ей двери не вышибить, быстрыми шагами вышла из холла.

Эдгар на секунду умолк, наверняка чтобы перевести дух, а затем снова принялся вопить:

— Ты сейчас умрешь! Умрешь на этом самом месте! Кайся, дьявол! Получай это... и это!

Послышались два выстрела подряд. На этот раз было совершенно очевидно, что стреляли за запертой дверью, а не со стороны парка.

Чей-то голос — мисс Марпл показалось, что голос Милдред — воскликнул:

— О господи! Что же нам делать?!

В кабинете Льюиса, за глухим шумом падающего тела сразу послышался другой, еще ужаснее, чем все остальное, это были звуки долгого мучительного рыдания.

Кто-то поспешно прошел мимо мисс Марпл и принялся с силой трясти дверь. Это был Стефан Рестарик.

— Откройте, — кричал он. — Откройте же!

В холл вернулась запыхавшаяся мисс Белевер. В руке она держала связку ключей.

— Попробуйте отомкнуть, — сказала она.

В тот же момент вспыхнули все лампы, и холл принял свой обычный вид. Но отчаянные безумные рыдания за дверью продолжались и, казалось, они никогда не кончатся.

Уолтер Хадд, неторопливо возвращающийся в холл, удивленно замер на пороге.

— В чем дело? — вскричал он. — Что здесь происходит?

Милдред, давась слезами, отозвалась:

— Этот негодяй убил мистера Серроколда!

— О, перестань, Милдред! — произнесла Кэрри-Луиза.

Она встала и двинулась к двери кабинета, осторожно отодвинув Стефана.

— Дайте мне поговорить с ним, — сказала она. И совсем тихо позвала: — Эдгар, Эдгар, откройте мне, прошу вас.

Все услышали, как ключ был вставлен в замочную скважину и дважды повернут.

Дверь медленно распахнулась. Но это сделал не Эдгар, а Льюис Серроколд. Он тяжело дышал, как после бега. Более ничто не выдавало его

волнения.

— Все в порядке, дорогая, — произнес он. — Все в полном порядке.

— Мы думали, что вас убили, — хмуро пробормотала мисс Белевер.

Мистер Серроколд недовольно оглянулся на нее.

— Нет, я жив, — ответил он резко.

В кабинете все увидели Эдгара Лоусона, который лежал на полу и горько всхлипывал. Рядом с ним валялся револьвер.

— Но мы ясно слышали выстрелы, — сказала Милдред с некоторой запальчивостью.

— Да. Он стрелял именно два раза.

— И промахнулся?

— Ясное дело, промахнулся, — раздраженно ответил Льюис.

Мисс Марпл дело не показалось таким ясным. В тесной комнате выстрелы были сделаны почти в упор.

— Где Мэйверик? — сердито осведомился Серроколд. — Сейчас он был бы здесь нужен.

— Я схожу за ним, — предложила мисс Белевер. — Позвонить в полицию?

— В полицию? Ни в коем случае! Конечно нет.

— Конечно да! — воскликнула Милдред. — Полиция необходима. Этот человек опасен.

— Что за глупости! Взгляните на него. Это он-то опасен, бедняга?

Разумеется, в данный момент Эдгар вовсе не выглядел опасным. Скорчившийся, рыдающий, он скорее вызывал смешанное чувство жалости и отвращения.

— Я не хотел этого, — твердил он, всхлипывая, но без всякой театральности и притворства. — Не знаю, что на меня нашло. Такое на вас наговорить... Простите меня, мистер Серроколд! У меня и в мыслях ничего подобного не было.

Льюис дружески похлопал его по плечу.

— Ладно, ладно, мой мальчик. Все обошлось, все цело. Вы ничего не разбили?

— Но я мог убить вас...

Уолтер Хадд пересек кабинет и внимательно осмотрел стену позади письменного стола.

— Пули угодили сюда, — сказал он. Он бросил взгляд на письменный стол, кресло и пробормотал:

— Счастливо отделались.

Затем он поднял револьвер.

— Где, черт побери, ты раздобыл оружие?

— Оружие? — Эдгар в ужасе уставился на револьвер.

— Очень похоже, что это мой револьвер, — произнес Уолтер, разглядывая его. — Ну так и есть! Черт возьми. Вот подонок! Ты что же, залез в мою комнату?

Мистер Серроколд поспешно встал между заплаканным Эдгаром и напористым американцем, у которого был весьма угрожающий вид.

— Мы еще успеем после во всем разобраться, — сказал он. — А вот и Мэйверик... Давайте осмотрим его, доктор.

Мэйверик приблизился к Эдгару с видом профессионала, удовлетворенного возможностью заняться интересным случаем.

— Хватит, Эдгар, — произнес он властно. — На сегодня достаточно, не так ли?

— Но это опасный безумец, — повторила Милдред, — всего минуту назад он стрелял из револьвера и ругался. Он чуть не убил моего отчима!

Эдгар застонал, а Мэйверик с упреком посмотрел на Милдред.

— Не говорите так, миссис Смит! Идемте со мной, Эдгар. Успокоительные таблетки, теплая ванна, постель, и завтра мы вернемся к этому разговору.

Эдгар встал. Его все еще колотила нервная дрожь. Мутным взором он обвел врача и Милдред. Но в эту минуту в холл с шумом вошла мисс Белевер. Лицо ее пылало.

— Я все-таки позвонила, — мрачно объявила она. — Полиция появится здесь через несколько минут.

Эдгар снова издал стон.

— О, Джолли! — с укоризной воскликнула Кэрри-Луиза.

Льюис Серроколд впал в ярость.

— Джолли! Я же ясно сказал вам, что не желаю впутывать в свои дела полицию. Это просто невротический приступ.

— Возможно, вы правы. Но у меня имеется своя точка зрения, — возразила мисс Белевер. — Во всяком случае, вызвать полицию — мой долг, ибо мистер Гэлбрандсен мертв. Он убит выстрелом из револьвера.

Часть 2. На сцене появляется полиция

Смысл ужасного сообщения мисс Белевер не сразу дошел до понимания присутствующих.

— Убит Кристиан? Вы не заставите меня в это поверить! — воскликнула Кэрри-Луиза. — Совершенно невысказано!

— Невысказано? Пройдите к нему и убедитесь сами, если не верите.

С поджатыми губами мисс Белевер обвела взглядом всех, словно обращалась не только к миссис Серроколд.

Кэрри-Луиза нерешительно шагнула к двери. Льюис Серроколд остановил ее, положив руку на плечо.

— Не надо, дорогая. Я пойду сам.

И он покинул холл. Доктор Мэйверик взглянул на Эдгара и после небольшого колебания вышел вслед за Льюисом. Следом за ними направилась мисс Белевер.

Мисс Марпл заботливо и бесшумно усадила хозяйку дома в кресло. Лицо у Кэрри-Луизы было несчастным и взволнованным. «Кристиан убит», — беззвучно повторила она. Так мог бы произнести эти слова вконец растерявшийся обиженный ребенок.

Уолтер Хадд, по-прежнему хмурый, продолжал неподвижно стоять возле Эдгара, сжимая в руках поднятый с пола револьвер.

— Кому понадобилась смерть Кристиана? — подавленно пролепетала миссис Серроколд.

Ей никто не ответил, да вопрос и не требовал ответа.

— Ну и банда психов тут собралась, — явственно проворчал сквозь зубы Уолтер.

Стефан стремительно подошел к Джине, порываясь — возможно, даже неосознанно — защитить ее. Лицо молодой женщины было единственным светлым, ярким и живым пятнышком в полутемном холле.

Внезапно входная дверь резко распахнулась, и в нее ворвался холодный ветер. На пороге стоял человек в теплом пальто. Его жизнерадостный голос прозвучал явным диссонансом с царившим в холле унынием.

— Привет, люди добрые! Что здесь у вас происходит? На дороге такой туман, что я ехал со скоростью ленивого пешехода...

Мисс Марпл чуть не подскочила от изумления. Ей почудилось, что в глазах у нее двоится. Не мог же один и тот же человек одновременно

поддерживать дрожащую Джину и входить в дорожном пальто с улицы?! Вскоре она сообразила, что это, конечно, разные люди, только очень похожие. Если внимательно приглядеться, то можно было заметить и отличия. Сразу приходило на ум, что они братья, и что сходство, скорее всего, фамильное. Стефан Рестарик был рослым. А новый гость оказался пониже. Пальто из толстого драпа с каракулевым воротником плотно облегло его гибкую фигуру, а непринужденность, с которой он держался, казалось, несомненно свидетельствовала о том, что он знает, как добиться успеха в жизни.

Мисс Марпл заметила, что, едва войдя в холл, он прежде всего задержал взгляд на Джине.

— Вы ведь меня ждали? Моя телеграмма пришла вовремя? — спросил он Кэрри-Луизу.

Когда он сделал несколько шагов в ее сторону, она почти машинально протянула ему руку, которую он почтительно поцеловал. И это не было просто галантностью — в его поцелуе чувствовались и привязанность, и искреннее уважение.

Миссис Серроколд едва выдавила из себя:

— Конечно ждали, милый Алекс... Только,, видишь ли, тут произошло столько событий...

— Событий? Каких же?

— Кристиан Гэлбрандсен... мой брат Кристиан... Он найден мертвым в своей комнате... Он убит выстрелом из револьвера.

Милдред произнесла эти ужасные слова немного нараспев, как бы причитая. Алексу показалось даже, что она преувеличивает свое отчаяние.

— Боже! Это самоубийство?

— О нет! — быстро возразила Кэрри-Луиза, — Кристиан и самоубийство? Конечно нет! Разумеется, это не самоубийство!

— Я тоже уверена, что дядя Кристиан никогда не наложил бы на себя руки! — воскликнула Джина.

Алекс обвел всех вопросительным взглядом. Его брат Стефан утвердительно кивнул ему. А Уолтер Хадд взглянул хмуро и недоброжелательно. Совсем непонятым для Алекса было присутствие в узком семейном кругу незнакомой ему старой дамы. Никто не позаботился объяснить ему, кто такая мисс Марпл, и он вопросительно уставился на ее лицо, обрамленное седыми волосами. Оно было тоже встревоженным и полным растерянности.

— Когда это произошло? — спросил Алекс.

— Почти перед самым вашим приходом, — ответила Джина. — Всего

несколько минут назад. Дело в том, что мы все слышали выстрел, но не обратили внимания на этот звук...

— То есть как это не обратили внимания?!

— Дело в том, что здесь в это время такое творилось! — Джина в замешательстве пыталась подобрать нужные слова.

— Да уж, творилось! — охотно подхватил Уолтер.

В холл вернулась мисс Белевер.

— Мистер Серроколд считает, что все, кроме миссис Серроколд, должны перейти в библиотеку. Так будет удобнее для полиции. Это ужасное потрясение для всех вас, Кара. Я велела положить вам в постель грелку и поднимусь наверх в спальню вместе с вами.

Но Кэрри-Луиза отрицательно покачала головой.

— Я хочу увидеть Кристиана, — настойчиво сказала она.

— О нет, дорогая! Зачем подвергать себя такому испытанию?

Кэрри-Луиза деликатно отстранила ее рукой.

— Милая Джолли, вам не понять...

Оглянувшись, она позвала:

— Джейн, не хочешь пойти со мной?

Мисс Марпл не ожидала такого приглашения и поспешно вскочила. Вдвоем они направились к двери, где чуть не столкнулись с доктором Мэйвериком.

— Доктор, удержите ее! — воскликнула мисс Белевер. — Ее желание абсурдно!

Кэрри-Луиза взглянула на врача спокойно и твердо, даже слабо усмехнулась.

— Вы в самом деле хотите его видеть?

— Это мне необходимо.

— Понимаю, миссис Серроколд, — произнес он, уступая дорогу. — Раз вы считаете это своим долгом, то идите. Но после этого я поручу вас заботам мисс Белевер. Вы находитесь пока в шоке, однако последствия потрясения скоро скажутся, уверяю вас.

— Вы правы, доктор. Обещаю быть благоразумной. Идем же, Джейн.

Комната Кристиана Гэлбрандсена напоминала скорее гостиную. Кровать укрывалась в алькове. Ванную отделяла дверь. Кэрри-Луиза невольно остановилась на пороге. Кристиан сидел за большим письменным столом красного дерева, перед ним стояла портативная пишущая машинка. Тело склонилось набок, и лишь широкий подлокотник кресла мешал ему рухнуть на ковер.

Возле окна стоял Льюис Серроколд. Слегка отодвинув портьеру, он

пристально вглядывался в ночную темноту.

Услышав шаги, он обернулся и нахмурился.

— Дорогая, ты не должна была приходить сюда.

Он поспешно подошел к жене, и она протянула ему навстречу руки. Мисс Марпл незаметно отступила.

— Ты не прав, Льюис. Мне необходимо было увидеть его. Наш долг — не закрывать глаза на то, что происходит.

Кэрри-Луиза медленно приближалась к столу.

— Ни к чему не прикасайся, — тотчас сказал Льюис. — Полиция должна застать все в таком же положении, как обнаружили мы.

— Разумеется. Значит, кто-то убил его? Умышленно?

Вопрос удивил Льюиса.

— Я думал, тебе это уже известно.

— Конечно. Кристиан никогда не покончил бы с собою. Он не допустил бы и случайного выстрела. Значит, остается одно. Произошло убийство...

Она запнулась, произнося последние слова.

Кэрри-Луиза обошла кресло и пристально взглянула в лицо убитому. В ее глазах были боль и нежность.

— Милый Кристиан, — прошептала она. — Он всегда был так добр ко мне!

Легонько коснувшись пальцами его лба, она повторила громче:

— Милый Кристиан! Благодарю вас и благословляю.

* * *

Прибыв в Стоунгейтс, инспектор Карри и его подчиненные встретили в большом пустынном холле только мисс Белевер.

— Я Джульетта Белевер, компаньонка и секретарь миссис Серроколд, — представилась она.

— Это вы обнаружили труп и сообщили нам?

— Да. Все остальные обитатели дома собрались сейчас в библиотеке. Мне позвать их? Или вы хотите сразу пройти в комнату мистера Гэлбрандсена?

— Вот именно, — отозвался инспектор, — проводите нас туда.

И они последовали за ней по коридору.

Следующие двадцать минут были посвящены обычным формальностям. Фотограф делал необходимые снимки. Приехал и медицинский эксперт. Спустя полчаса машина скорой помощи уже увезла тело Кристиана Гэлбрандсена, а инспектор приступил к расследованию.

Льюис Серроколд провел его в библиотеку, и инспектор наметанным глазом постарался охарактеризовать для себя каждого из свидетелей. Старая дама с седыми волосами выглядела безобидно, милостивая девушка, которую он не раз видел за рулем автомобиля — тоже. Немного странный американец, за которого она опрометчиво вышла замуж, вызывал некоторые опасения. Как и двое молодых людей, поразительно похожих друг на друга. Все остальные отлично вписывались в общую картину семьи. И, наконец, мисс Белевер, служащая здесь — умная, находчивая женщина, которая позаботилась о вызове полиции. Она же встретила их на пороге дома.

Инспектор Карри заранее подготовил маленькую вступительную речь. Он произнес ее, как и собирался.

— Знаю, что вас всех взволновало это происшествие. Постараюсь не утомлять вас и задержу сегодня вечером ненадолго. Завтра утром надеюсь внести в это дело уже некоторую ясность. Труп мистера Гэлбрандсена обнаружила мисс Белевер, поэтому именно ее я попросил бы изложить то, что произошло. Так мы сумеем избежать ненужных повторений. Мистер Серроколд, если вы намеревались подняться в спальню к жене, я этому не препятствую. Когда мы кончим беседовать с мисс Белевер, следующим я приглашу вас.

Все понятно, не так ли? Может быть, найдется комната поменьше этой?..

— Мой кабинет, Джолли, — прервал его на полуслове Серроколд. — Я собирался его вам предложить с самого начала.

Инспектор и сержант двинулись следом за мисс Белевер.

Она усадила их поудобнее и присела сама. Это выглядело так, будто следствие собиралась вести именно она, а не приехавшие полицейские. Однако инспектор ловко перехватил инициативу. У него был мягкий голос и приятные спокойные манеры. Этот человек выглядел деловитым и серьезным, может быть, только несколько более вежливым, чем это требуется полицейскому. Однако те, кто на основании этого недооценивали его проницательность, очень ошибались.

— Мистер Серроколд вкратце познакомил меня с основными фактами, — сказал он. — Мистер Кристиан Гэлбрандсен был старшим сыном покойного мистера Эрика Гэлбрандсена, основателя фонда

Гэлбрандсена, владельца биржи, носящей его имя, и многого другого. Он был членом административного совета здешнего учреждения и приехал вчера неожиданно. Так?

— Да.

Инспектор оценил краткость ответа и продолжал:

— Сам мистер Серроколд был в Ливерпуле и вернулся лишь поездом в шесть тридцать?

— Да.

— После ужина мистер Гэлбрандсен объявил, что собирается поработать в своей комнате и после чая тотчас ушел, оставив остальных членов семьи в холле. Так?

— Да.

— Теперь, мисс Белевер, не расскажете ли вы мне поточнее, при каких обстоятельствах вы обнаружили мертвеца?

Джульетта Белевер откашлялась.

— Сегодня вечером в доме произошла весьма неприятная сцена. У одного молодого человека, из тех нервных юношей, которых здесь лечат, случился приступ, и он стал угрожать мистеру Серроколду револьвером. Они заперлись в этом самом кабинете. Молодой человек громко бранился и в конце концов выстрелил. Вы можете увидеть отверстия от пуль в стене. К счастью, он промахнулся, и мистер Серроколд не пострадал.

После неудачного покушения молодой человек совершенно раскис. Мистер Серроколд послал меня за доктором Мэйвериком, врачом нашего заведения. Я попыталась позвонить ему по внутреннему телефону, но Мэйверика не было в его комнате. После некоторых усилий я разыскала одного из его коллег и просила передать доктору просьбу прийти сюда. Он явился очень скоро. На обратном пути я заглянула в комнату мистера Гэлбрандсена, чтобы осведомиться, что он хочет выпить перед сном: горячего молока, виски, сока...

Я постучала. Ответа не было. Слегка приоткрыв дверь, я увидела, что мистер Гэлбрандсен мертв. Тогда я позвонила вам.

— А как входят в дом? И как из него можно выйти? Как запираются двери? Мог ли кто-нибудь проникнуть сюда так, чтобы остаться незамеченным с улицы?

— В боковую дверь, выходящую на террасу, мог войти кто угодно. Через эту дверь проходят, когда хотят сразу попасть в центральную часть дома или в служебные помещения. Дверь запирается на ключ только когда все уже расходятся спать.

— Если я правильно понял, в вашем заведении живут не то сто, не то

сто двадцать пять молодых преступников?

— Да. Но здания Центра имеют надежные запоры и хорошо охраняются. Маловероятно, чтобы кто-нибудь сумел выйти оттуда незамеченным.

— Это мы проверим. Скажите, не мог ли мистер Гэлбрандсен вызвать к себе некоторую... как бы это сказать... враждебность, что ли? Может, кто-то был недоволен его воспитательными методами?

Мисс Белевер отрицательно покачала головой.

— О нет! Мистер Гэлбрандсен не имел ни малейшего отношения к тому, что происходит внутри Центра.

— А какова была цель его приезда?

— Не имею ни малейшего представления.

— Он был озабочен отсутствием мистера Серроколда и дожидался его возвращения?

— Да.

— Значит, он приехал, чтобы повидаться с мистером Серроколдом?

— Несомненно. Думаю, что это были какие-то дела, касающиеся деятельности Центра.

— Возможно. Состоялся ли у него разговор с мистером Серроколдом?

— Нет. Мистер Серроколд вернулся только сегодня вечером, как раз перед ужином.

— Однако сразу после ужина мистер Гэлбрандсен ушел в свою комнату якобы для того, чтобы написать важные письма. И он не пытался поговорить с мистером Серроколдом наедине?

После некоторого раздумья мисс Белевер отрицательно покачала головой.

— Странно... ведь он же ждал возвращения мистера Серроколда, хотя, видимо, это ожидание и не входило в его планы.

— Да, странно.

Казалось, что мисс Белевер только сейчас обратила внимание на этот любопытный факт.

— Не пошел ли мистер Серроколд провожать мистера Гэлбрандсена до его комнаты?

— Нет. Он оставался в холле.

— Как вы думаете, когда мог быть убит мистер Гэлбрандсен?

— Похоже, что мы слышали выстрел. Это случилось в девять часов двадцать три минуты.

— Вы слышали выстрел и вас это не встревожило?

— Мы же находились в весьма необычной ситуации...

И мисс Белевер снова подробно рассказала о сцене, разыгравшейся в тот момент между Эдгаром Лоусоном и Серроколдом.

— Значит, никому и в голову не пришло, что этот первый выстрел был сделан в доме?

— Да. Все с облегчением поняли, что стреляли не в кабинете мистера Серроколда... К тому же чуть позже я подумала, что это мог быть хлопок автомобиля мистера Рестарика.

— Автомобиля мистера Рестарика?

— Да, Алекса Рестарика. Он только что приехал... Сразу после всех этих событий.

— Понимаю. Итак, обнаружив тело мистера Гэлбрандсена, прикасались ли вы к чему-нибудь в его комнате?

Этот вопрос явно обидел мисс Белевер.

— Разумеется нет. Я знала, что ничего нельзя трогать или передвигать.

— А когда вы привели нас в эту комнату, все ли там находилось в точности на тех же местах, как тогда, когда вы обнаружили мертвое тело?

Мисс Белевер задумалась. Она сидела, откинувшись в кресле и прикрыв глаза. Инспектор предположил, что у нее неплохая зрительная память.

— Изменилось только одно: в пишущей машинке больше ничего не было.

— Вы хотите сказать, что когда вы вошли в первый раз, в пишущей машинке было письмо, которое писал мистер Гэлбрандсен, а потом это письмо исчезло?

— Да. Я почти уверена, что видела лист белой бумаги, торчащий из машинки.

— Спасибо. А кто еще побывал в этой комнате до нашего приезда?

— Мистер и миссис Серроколд и мисс Марпл.

— А кто такая мисс Марпл?

— Это пожилая седоволосая дама. Давняя подруга миссис Серроколд, они учились вместе в пансионе. Она приехала сюда три или четыре дня тому назад.

— Благодарю вас, мисс Белевер. Я очень признателен вам за четкие ответы. Теперь я поговорю с мистером Серроколдом. Но, может быть... вы сказали, что мисс Марпл — это пожилая дама... Тогда я поговорю сначала с ней. Было бы жестоко задерживать такую старую даму в столь позднее время. Кроме того, она, должно быть, перенесла большое потрясение, — сочувственно произнес инспектор Карри.

Мисс Белевер вышла. Инспектор уставился в потолок и размышлял

вслух:

— Гэлбрандсен?.. Почему Гэлбрандсен? В этом заведении столько парией, которые не в своем уме. Почему бы убийцей не оказаться кому-нибудь из них? Но почему Гэлбрандсен? Как посторонний вошел в дом?

— Мы знаем еще не все, — заметил сержант Лэйк.

— Мы еще ничего не знаем, — уточнил Карри.

И он галантно встал навстречу входящей мисс Марпл. Она выглядела немного обеспокоенной, и инспектор поспешил ободрить ее:

— Прошу вас, не волнуйтесь, мадам.

— Инспектор был убежден, что старые девы любят, чтобы их называли «мадам». Для них, думалось ему, полицейские, без сомнения, принадлежат к тем слоям общества, которые просто обязаны быть почтительными.

— Я знаю, что все это очень неприятно для вас, но мы должны разобраться в этом деле.

— Да, да, я понимаю, — ответила мисс Марпл. — Ведь так трудно разобраться до конца в чем-нибудь. Мы же не можем одновременно разглядывать два предмета. И увы, очень часто мы пристально вглядываемся именно в тот из них, который не представляет никакого интереса. Зачастую это происходит просто случайно, а иногда нас кто-то понуждает к этому, а мы попросту не замечаем понуждения. Наше внимание нередко направляют на какую-то определенную деталь, отвлекая от другой, более важной. Фокусники называют это «ложным направлением». До чего же ловкие люди, вы не находите? Никак не могу понять, как у них получается этот фокус с золотыми рыбками в бокале... Бокал же ведь не складывается.

Инспектор в растерянности заморгал и попытался вежливо перевести разговор в нужное русло:

— Вы совершенно правы, мадам. Мисс Белевер подробно рассказала, что произошло здесь сегодня вечером. Полагаю, для вас это было большим потрясением.

— Да... Все это выглядело очень драматично...

— Прежде всего, конечно, эта дикая сцена между мистером Серроколдом и... (он заглянул в свой блокнот) Эдгаром Лоусоном.

— Весьма странный молодой человек, — заметила мисс Марпл. — Мне кажется, у него не все дома...

— Не сомневаюсь. А затем после этого неприятного эпизода — смерть мистера Гэлбрандсена. Если я правильно понял, вы вместе с миссис Серроколд ходили взглянуть на... тело?

— Совершенно верно. Она ведь попросила меня проводить ее. Мы очень давние подруги.

— Да-да... Значит, вы вместе с миссис Серроколд вошли в комнату мистера Гэлбрандсена. Скажите, вы случайно не заметили в пишущей машинке какое-нибудь письмо или лист бумаги?

— Там ничего не было, — без колебаний ответила мисс Марпл. — Мне это сразу бросилось в глаза и показалось странным. Ведь мистер Гэлбрандсен сидел перед пишущей машинкой, значит, он должен был что-то печатать... Да... все это весьма странно...

Инспектор внимательно посмотрел на нее.

— Со времени приезда сюда мистера Гэлбрандсена вы много разговаривали с ним?

— Очень мало.

— Не говорил ли он вам чего-нибудь такого, что привлекло ваше внимание?

Мисс Марпл на мгновение задумалась.

— Он задавал мне вопросы о здоровье миссис Серроколд, в частности, о ее сердце.

— Сердце? А у нее больное сердце?

— Насколько я знаю, нет.

Помолчав немного, инспектор продолжил:

— Слышали ли вы во время ссоры Лоусона с мистером Серроколдом выстрел?

— Сама я его не слышала. Должна вам признаться, я немного туговата на ухо. Но выстрел слышала миссис Серроколд и сказала, что это где-то на улице, вернее, в парке.

— Скажите, я правильно понял — мистер Гэлбрандсен покинул холл сразу после ужина?

— Да. Ему надо было написать письмо.

— А он не говорил, что хочет побеседовать с мистером Серроколдом о делах?

— Нет. Видите ли, они уже немножко побеседовали.

— Правда? Когда же? Я думал, что мистер Серроколд вернулся прямо перед ужином.

— Да, так оно и было. Но он прошел пешком, через парк, а мистер Гэлбрандсен вышел ему навстречу, и они вдвоем немного погуляли по террасе.

— Кроме вас об этом кто-нибудь знает?

— Думаю, никто, — ответила мисс Марпл. — Ну, разумеется, если

мистер Серроколд не рассказал об этом жене. А я как раз стояла перед окном, наблюдая... за птицами.

— За птицами?

— Да, за птицами, — повторила мисс Марпл. И почти сразу добавила:

— Я еще подумала, не чижи ли это?

Но чижи совсем не заинтересовали инспектора Карри.

— А... скажите, пожалуйста, — инспектор старался быть максимально дипломатичным, — какие-нибудь обрывки их разговора случайно не долетели до вас?

Мисс Марпл простодушно взглянула на него и тихо сказала:

— Всего лишь обрывки...

— И что же это были за слова?

Помолчав, мисс Марпл произнесла:

— Точно тема их разговора мне неизвестна, но, кажется, они оба были, в основном, озабочены тем, чтобы скрыть что-то от миссис Серроколд. «Уберечь ее от этого», — именно такие слова употребил мистер Гэлбрандсен. А мистер Серроколд сказал: «Прежде всего нужно подумать именно о ней». Также они говорили о какой-то огромной ответственности и сошлись на том, что им, возможно, следовало бы принять какое-то другое решение.

После некоторой паузы она добавила:

— Я думаю, что вам стоит поговорить с самим мистером Серроколдом.

— Мы так и сделаем, мадам. Не было ли сегодня вечером еще чего-нибудь такого, что бросилось бы вам в глаза?

— Все было так необычно... Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Понимаю. Совершенно верно.

— Был еще один, как мне кажется, немного странный эпизод. Мистер Серроколд помешал своей жене принять лекарство... Но это столь незначительная деталь, что право...

— Разумеется. Ну что же, мисс Марпл, мы вам очень благодарны.

Когда дверь за мисс Марпл закрылась, сержант Лэйк произнес:

— Ну и хитрющая же старуха!

Затем наступила очередь Льюиса Серроколда. Когда он вошел в комнату, то создалось впечатление, будто они с инспектором странным образом поменялись ролями. Можно было подумать, что именно Серроколд направлен сюда возглавить комиссию по расследованию. Даже то, как он закрыл за собой дверь, один этот жест, казалось, должен был обеспечить предстоящей беседе полную секретность. Он пересек кабинет и уселся в

свое рабочее кресло, стоящее перед письменным столом. (Мисс Белевер поставила для инспектора стул сбоку от письменного стола, как бы бессознательно оставляя кресло мистера Серроколда лишь для него самого.)

Сев за стол, Льюис отсутствующим взглядом посмотрел на обоих полицейских. Черты лица его заметно обострились. Это было лицо человека, уставшего от свалившихся на него трудных испытаний. Поймав его взгляд, инспектор даже слегка удивился. Конечно, смерть Гэлбрандсена могла взволновать Серроколда, но ведь они не были ни близкими друзьями, ни родственниками.

Необычность ситуации не понравилась инспектору, и он сухо произнес:

— Итак, мистер Серроколд...

Льюис, по-прежнему погруженный в себя, со вздохом произнес:

— Как трудно сказать, что именно следует предпринять...

— Мистер Серроколд, решение будем принимать мы сами. Поговорим лучше о мистере Гэлбрандсене. Если я правильно понял, его приезд оказался неожиданностью?

— Совершенно верно.

— И вы не знали, что он собирался приехать?

— И думать не думал об этом.

— И у вас не было никаких предположений относительно причины его приезда?

— Нет, почему же, — совершенно спокойно произнес Льюис Серроколд. — Эта причина была мне хорошо известна. Он сообщил ее мне.

— Когда же?

— Сегодня вечером. Я шел от вокзала пешком через парк. Он заметил меня и вышел мне навстречу. Тогда же он и объяснил мне, зачем приехал.

— Наверное, по какому-то делу, связанному с Центром?

— О нет! Ничего общего с этим Центром.

— Однако мисс Белевер так подумала.

— Разумеется, таково было единственное объяснение, и Гэлбрандсен ничего не делал, чтобы опровергнуть его. Впрочем, и я тоже.

— Почему же, мистер Серроколд?

— Потому что нам обоим представлялось крайне важным, чтобы истинная причина его приезда оставалась никому не известной, — ответил Льюис, тщательно подбирая каждое слово.

— А какова была истинная причина?

Помолчав с минуту, Льюис Серроколд серьезно сказал:

— Я прекрасно понимаю, что смерть... убийство Гэлбрандсена — ведь в этом нет сомнений — обязывает меня сообщить обо всех фактах. Не скрою, для меня это непросто, ибо то, что я собираюсь сообщить, скажется на состоянии духа моей жены. А я дорожу ее счастьем. Был бы вам весьма признателен, инспектор, если бы вы — в пределах возможного, разумеется — могли скрыть от нее некоторые подробности. Дело в том, что Кристиан приехал сюда специально для того, чтобы предупредить меня, что кто-то пытается отравить мою жену.

Инспектор вздрогнул:

— Что?

— Да! Вы понимаете, каким ударом оказалось бы для нее это известие. У меня не было ни малейших подозрений, но, слушая Гэлбрандсена, я вспомнил о кое-каких болезненных симптомах, возникших у жены в последнее время. Все это вполне согласуется с тем, что говорил Кристиан. То, что она принимала за ревматизм — боли, судороги в ногах — в точности совпадает с симптомами отравления мышьяком.

— Мисс Марпл нам сказала, что мистер Гэлбрандсен интересовался у нее здоровьем миссис Серроколд, в частности, ее сердцем.

— Вот как? Это интересно. Он, видимо, боялся, что кто-то использовал яд, продолжительное действие которого влияет на сердце и приводит к внезапной смерти, не вызывая подозрений. Я же склонен думать, что скорее применяли мышьяк.

— Вы полагаете, что подозрения мистера Гэлбрандсена были обоснованны?

— Да. Конечно. Прежде всего, Кристиан не приехал бы делиться со мной случайными догадками. Он был человеком осторожным, плохо поддавался на уговоры и был очень проницательным.

— Какие у него были доказательства?

— Нам не хватило времени поговорить об этом. Впрочем, я не совсем понимаю, как он смог о чем-то узнать, находясь в Америке. Беседа наша была короткой. Он только успел объяснить мне, зачем приехал, и мы решили не волновать мою жену до тех пор, пока не будем располагать фактами.

— Кто же, по его мнению, пытался отравить вашу жену?

— Этого он мне насказал. Думаю, что и сам не знал. Возможно, у него были подозрения, которые я должен был подтвердить... Иначе зачем же его убили?

— Он называл какие-нибудь имена?

— Нет. Мы решили основательно во всем разобраться, и он

посоветовал обратиться за помощью и советом к доктору Гэлбрайту, епископу Кромерскому. Доктор — давнишний друг семьи Гэлбрандсенов и один из администраторов Фонда. Это опытный и мудрейший человек. Мы собирались узнать его мнение и насчет обращения в полицию.

— Невероятно! — воскликнул Карри.

— Гэлбрандсен оставил нас сразу после ужина, чтобы написать письмо доктору Гэлбрайту. Он был убит, когда сидел за машинкой.

— Откуда вы знаете?

— Я вынул это письмо из пишущей машинки. Оно у меня.

Он извлек из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо лист белой бумаги и протянул инспектору. Тот сухо произнес:

— Вы не должны были этого делать.

— Больше я ни к чему не прикасался. Знаю, я совершил непростительную ошибку. Но я боялся, что жена, войдя в комнату, сможет прочесть это письмо или хотя бы часть его. И если бы ситуация повторилась, все равно я поступил бы точно так же. Я сделал бы все возможное, лишь бы оградить миссис Серроколд от огорчений.

Инспектор промолчал и стал читать письмо.

«Дорогой доктор Гэлбрайт!

Могу ли я попросить Вас, если это, конечно, возможно, приехать в Стоунгейтс сразу после получения этого письма. Я столкнулся с чрезвычайными обстоятельствами и, честно, говоря, не представляю, как с ними справиться.

Мне известна Ваша глубокая привязанность к нашей дорогой Кэрри-Луизе, а также то, что вам небезразлична ее судьба. Что она должна знать? Что имеет смысл от нее скрыть? Мне так трудно ответить на эти вопросы.

Постараюсь все же объяснить, в чем дело. У меня имеются все основания полагать, что эту прекрасную и добрую женщину пытаются отравить. Впервые подозрение возникло у меня, когда...»

Письмо на этом обрывалось.

— На этой фразе Гэлбрандсена убили, — сказал инспектор Карри. — Но почему письмо оставили в машинке?

— Могу объяснить это лишь двумя причинами. Либо убийце не было известно ни то, кому это письмо писалось, ни его суть, либо у него просто не хватило времени вынуть письмо из машинки. Видимо, он услышал чьи-

то шаги и еле-еле успел скрыться.

— А Гэлбрандсен не сказал вам, кого он подозревает? Или, может быть, просто поделился своими подозрениями, не называя никого конкретно?

— Нет! — ответил Льюис поспешно. И добавил странную фразу. — Кристиан был очень справедлив.

— А как вы считаете, этот яд — мышьяк или что-то другое — ей еще продолжают давать?

— Я как раз недавно думал об этом. Наиболее вероятным мне кажется, что яд подмешивали к какому-нибудь лекарству. Ну, например, к укрепляющей микстуре. Возможность незаметно добавлять мышьяк во флакон есть в доме у многих.

— Мы возьмем его с собой, чтобы сделать анализ.

— Я как раз перед обедом отобрал на пробу немного микстуры из этого флакона, — совершенно спокойно произнес Серроколд.

Он пошарил рукой в одном из ящиков письменного стола и извлек маленькую бутылочку, наполненную красноватой жидкостью.

Инспектор выразительно посмотрел на него:

— Вы все предусмотрели, мистер Серроколд.

— Я считаю, что надо действовать решительно. Сегодня вечером я помешал жене принять ее обычную порцию лекарства. стакан с ним еще стоит на сундуке в холле, а флакон находится в столовой.

Инспектор Карри облокотился локтями на стол и, конфиденциально понизив голос, спросил почти по-дружески:

— Простите, мистер Серроколд, но я не понимаю, почему все-таки вы так стараетесь скрыть от жены правду о происходящем. Вы боитесь ее напугать? Но для ее же блага лучше, если бы она была предупреждена.

— Да, пожалуй... Но постарайтесь меня понять.

Вы же не знакомы с моей женой. Она так доверчива. О ней можно сказать — и это будет чистой правдой, — что она никогда не видит, не слышит и не говорит ничего плохого. Для нее услышать, что кто-то пытается ее убить, было бы совершенно невероятным. Да к тому же этот «кто-то», возможно, человек из ее окружения. А это все близкие и дорогие ей люди.

— Вы считаете, что это кто-то из близких?

— С фактами приходится соглашаться. Человек, использующий медленно действующий яд, должен принадлежать лишь к узкому кругу лиц, близких к жертве. Вот кто эти люди: я, дочь, внучка, зять, которого она считает почти сыном, мисс Белевер — давний и преданный друг. Все это

близкие и дорогие миссис Серроколд люди. И тем не менее получается, что кто-то из нас хочет ее смерти!

— Но есть же в доме и посторонние, — медленно произнес инспектор.

— Да... Конечно... Вы совершенно правы. Есть еще доктор Мэйверик и некоторые люди из руководящего персонала Центра, они часто бывают у нас. Есть и слуги... Но скажите откровенно, какой у них может быть мотив преступления?

— А еще этот молодой человек... Как его зовут? Эдгар Лоусон.

— Да. Но он здесь как бы случайно. Поступил к нам совсем недавно. Зачем ему замысливать убийство? Кроме того, как и все остальные, он очень привязан к Каролине.

— Согласен. Но ведь он человек неуравновешенный. Чего стоит одно это сегодняшнее нападение на вас?

Серроколд нетерпеливо махнул рукой.

— Ребячество! Он не собирался сделать мне ничего плохого.

— Однако следы от пуль в стене доказывают обратное. Он же стрелял в вас.

— Он даже не пытался целиться в меня, просто разыгрывал комедию.

— Пожалуй, это несколько странный и опасный способ разыгрывать комедию, мистер Серроколд.

Льюис глубоко вздохнул.

— Боюсь, инспектор, вы не совсем в курсе дела. Вам следует побеседовать с нашим психиатром, доктором Мэйвериком. Эдгар Лоусон — незаконнорожденный... к тому же весьма скромного происхождения. Дабы не страдать от этого, он убедил себя, что он сын знаменитости. Поверьте, такое встречается часто. В последнее время он чувствовал себя неплохо, и вдруг такой рецидив, причина которого мне неизвестна. Он вообразил, что его отец — это я, и устроил буквально представление: угрозы, выстрелы из револьвера... Правда, на меня это не произвело впечатления. Потом он раскис и начал рыдать. Доктор Мэйверик увел его и дал ему успокоительное. Думаю, что завтра он будет совершенно нормален.

— Вы хотите подать на него жалобу в полицию?

— Я думаю, для него это было бы наихудшее из решений.

— Честно говоря, мистер Серроколд, его следовало бы поместить в лечебницу. Юноша, который способен стрелять из револьвера во всех подряд... Надо ведь думать и об обществе.

— Поговорите об этом с доктором Мэйвериком. Он выскажется с точки зрения врача. Во всяком случае, несчастный Эдгар уж наверняка не

убивал мистера Гэлбрандсена. Он был заперт в этой комнате и угрожал убийством мне!

— Мистер Серроколд, я хотел бы коснуться вот какого обстоятельства. Мы осмотрели дом снаружи. Любой человек мог войти в него и убить мистера Гэлбрандсена, потому что дверь на террасу не заперта. Придется основательно изучить дом и изнутри, хоть здесь поменьше возможностей. А кто из обитателей дома, по вашему мнению, мог бы убить мистера Гэлбрандсена?

— Мне трудно что-либо вам сказать, — медленно произнес Серроколд. — Полагаю, что все мы у вас на подозрении. Могу сказать лишь одно: все мы, кроме слуг, находились в холле, когда Кристиан ушел к себе, и никто больше из холла не выходил.

— Совсем никто?

Льюис нахмурился, что-то усиленно вспоминая.

— Ах, да! Перегорели пробки, и Уолтер Хадд пошел их заменить.

— Мистер Хадд — это молодой американец?

— Да. Разумеется, мне неизвестно еще, что происходило в холле, пока мы с Эдгаром находились в моем кабинете.

Инспектор Карри секунду подумал и потом вздохнул:

— Скажите остальным, что они могут идти спать. Я поговорю с ними завтра.

Когда Серроколд вышел, инспектор обернулся к сержанту Лэйку.

— Ну, что скажете?

— Он знает, чьих рук это дело. Или ему кажется, что знает.

— У меня тоже такое впечатление. И это, я думаю, не доставляет ему особого удовольствия.

* * *

На следующее утро, когда мисс Марпл спускалась к завтраку, ей навстречу бросилась Джина.

— Полицейские еще здесь, — быстро проговорила она. — На этот раз они устроились в библиотеке. Уолли от них прямо-таки в восторге. Его восхищает их спокойствие и как бы отстраненность в этой ужасной истории. Я так не считаю. Это же просто кошмар! Может быть, я так переживаю, потому что наполовину итальянка?

— Возможно, — любезно улыбаясь, ответила мисс Марпл. — Во всяком случае, это объясняет, почему вы так открыто выражаете свои чувства.

Джина взяла ее под руку и увлекла в сторону столовой, продолжая говорить на ходу.

— У Джолли зверское настроение, наверное, потому, что полицейские сами ведут расследование и ей не позволено вмешиваться. Что касается Алекса и Стефана, то им на все наплевать.

Последние слова были произнесены как раз при входе в столовую, где братья уже заканчивали свой завтрак.

— Джина, дорогая, это гнусная ложь! — воскликнул Алекс. — Доброе утро, мисс Марпл. Мне вовсе, как вы выразились, не наплевать. Просто я был едва знаком с вашим дядюшкой Кристианом, но как подозреваемый я стою под номером один. Надеюсь, вам это понятно?

— Подозреваемый? Но почему же?

— А вот почему. Мой приезд как раз совпал с критической ситуацией. И похоже, я затратил слишком много времени, чтобы дойти от сторожки до дома. Мой путь хронометрировали и говорят, что я вполне мог бы добежать до террасы, войти в боковую дверь, убить Кристиана и бегом вернуться назад к машине.

— А как было на самом деле?

— Можете мне не верить, но я сидел в машине, наблюдая, как клубится туман при свете фар. Мне хотелось бы добиться такого эффекта на сцене, и я как раз размышлял об этом.

Стефан жестко усмехнулся.

— Что касается меня, то я абсолютно спокоен. За весь вечер я ни разу не выходил из холла.

Джина пристально посмотрела на него, и ее большие черные глаза наполнились ужасом.

— Неужели они вообразили, что преступник — кто-то из нас? Это невозможно!

— Только не говорите, что убийца — это кто-то случайный или посторонний, — произнес Алекс, щедро намазывая хлеб апельсиновым джемом. — Это слишком банально.

В этот момент приоткрылась дверь, и мисс Белевер сказала:

— Мисс Марпл, не зайдете ли вы в библиотеку сразу после завтрака?

— Опять вы опередили нас, — воскликнула Джина обиженным тоном.

— Что такое? В чем дело? — воскликнул Алекс. — Похоже, опять где-то стреляют?

— Это они стреляют в той комнате, где был убит дядя Кристиан, и на улице. Уж не знаю зачем, — ответила Джина.

Дверь снова отворилась, и вошла Милдред Смит. На ней было черное платье и бусы из оникса. Она поздоровалась, ни на кого не глядя, и села за стол.

— Налей мне, пожалуйста, чаю, Джина, — сказала она вполголоса. — Я съем только немного поджаренного хлеба.

Она деликатно поднесла платок к носу и к глазам. Ее пристальный взгляд был обращен на братьев, но, казалось, не замечал их. Стефан и Алекс были явно смущены. Разговор их перешел на шепот, и буквально через несколько минут они встали из-за стола и вышли.

— Не надеть даже черного галстука! — вздохнула Милдред, казалось, беря в свидетели не только мисс Марпл, но и всю Вселенную.

— Вряд ли они предвидели, что произойдет убийство, — скромно заметила мисс Марпл.

Джина с трудом подавила смешок, а Милдред, сурово посмотрев на нее, спросила:

— А что с Уолтером?

— Не знаю. Я его не видела, — покраснев, ответила Джина и замерла на стуле, будто нашаливший ребенок.

Мисс Марпл встала.

— Я иду в библиотеку, — сказала она.

В библиотеке был Льюис Серроколд, стоявший перед окном. Услышав шаги, он обернулся и подошел к мисс Марпл поздороваться.

— Надеюсь, — сказал он, — вас не слишком взволновало все происходящее. Представляю, какое это тяжелое испытание для людей, никогда не сталкивавшихся с убийствами.

Скромно промолчав о том, что она давным-давно знакома со всевозможными преступлениями, мисс Марпл лишь заметила, что обитатели ее маленькой деревушки Сент Мэри Мид на самом деле гораздо меньше защищены от зла, чем это может показаться постороннему.

— Уверяю вас, в деревне происходят самые ужасные вещи. Возможностей для изучения человеческой природы там гораздо больше, чем в городе.

Льюис Серроколд слушал ее вежливо, но рассеянно, и не успела мисс Марпл договорить, как он тут же произнес:

— Мне нужна ваша помощь.

— Какая угодно, мистер Серроколд!

— Речь идет о проблеме, имеющей отношение к моей жене... к

Каролине... мне кажется, вы к ней нежно привязаны.

— Совершенно верно. Впрочем, ведь Каролину любят все.

— Я тоже так думал. Однако у меня сейчас есть все основания полагать, что я ошибался. С разрешения инспектора Карри я расскажу вам кое-что, никому пока не известное. Вернее, известное только одному человеку.

И он вкратце пересказал мисс Марпл то, что сообщил накануне вечером инспектору.

Казалось, мисс Марпл пришла в смятение.

— Я не могу в это поверить, мистер Серроколд! Я просто не в состоянии поверить!

— Когда я услышал все это от Кристиана, у меня было точно такое же ощущение.

— Я буквально готова поклясться, что у нашей дорогой Кэрри-Луизы нет на земле ни одного врага.

— Понимаю, что это невозможно представить. Но... Яд... медленно действующий яд... значит, речь может идти о самом узком семейном круге. Здесь замешан кто-то из нашей маленькой компании, кто-то из живущих в доме.

— Если это правда... А вы уверены, что мистер Гэлбрандсен не ошибался?

— Кристиан не мог ошибиться. Он был слишком осторожным человеком, чтобы, не имея доказательств, решиться на подобные выводы. Кроме того, полиция исследовала содержимое флакона из-под лекарства, которое принимает Каролина. Найден мышьяк, который не выписывал врач! Неясно пока, каково его количество, но само его присутствие несомненно доказано.

— Значит, ее ревматизм... и эти ее приступы, и трудности при ходьбе... все это?..

— Вот именно! Кажется, судороги в ногах типичны для такого отравления. Еще до вашего приезда Каролина несколько раз жаловалась на боли в желудке... Если бы не Кристиан, я никогда бы не подумал... Теперь вы видите, мисс Марпл, в каком я оказался положении... Как вы считаете, должен ли я обо всем рассказать Кэрри-Луизе?

— О нет! — живо откликнулась мисс Марпл.

Она была смущена и как-то неуверенно взглянула на Серроколда.

— Значит, вы согласны со мной? Впрочем, Кристиан считал так же. Ну, а если бы речь шла о другой, более простой, обыкновенной женщине?

— Кэрри-Луиза — женщина необыкновенная. Вся ее жизнь основана

на доверии к людям. Бог мой, я так неудачно выразила свою мысль! Но все-таки мне кажется, что до тех пор, пока мы не узнаем...

— Совершенно верно... в этом главное. Но вы ведь понимаете, мисс Марпл, какой опасности будет подвергаться Каролина?

— Значит, вы хотите, чтобы я... как бы это сказать? Чтобы я присмотрела за ней?

— Видите ли, вы единственный человек в этом доме, кому я могу довериться, — просто сказал Льюис Серроколд. — Внешне все выглядят очень преданными Кэрри-Луизе, но, как выяснилось, кто-то дает серьезный повод сомневаться в его преданности. А вашей дружбе уже много лет.

— И к тому же я приехала всего несколько дней назад, — многозначительно заметила мисс Марпл.

Льюис улыбнулся:

— Вот именно!

— Я хочу задать вам очень неприятный вопрос, — явно сконфуженно сказала мисс Марпл. — Кто бы выиграл от смерти нашей дорогой Кэрри-Луизы?

— Деньги! — с горечью воскликнул Серроколд. — Все ведь всегда сводится к деньгам, правда?

— В данном случае на ум приходит только это. Кэрри-Луиза — прекрасная очаровательная женщина и невероятно, чтобы кто-то мог ее так ненавидеть. Вряд ли у нее могут быть враги. Но мы же с вами хорошо знаем, мистер Серроколд: ради денег люди готовы на все.

— Да-да. Поэтому естественно, что инспектор Карри как раз занимается этой стороной дела. Сегодня из Лондона прибудет господин Джилфуа. Он сможет нам кое-что разъяснить. Джеймс и Джилфуа — очень известные юристы. Отец Джилфуа был одним из первых администраторов Фонда. Оба они помогли составить завещание Каролине и Эрику Гэлбрандсену. Сейчас я объясню это более понятно.

— Спасибо, а то я всегда путаюсь в правовых вопросах.

Льюис понимающе кивнул и продолжал:

— Эрик Гэлбрандсен, оказав значительную материальную поддержку как самому Фонду, так и тому, что с ним связано, а также многочисленным благотворительным организациям, вызвавшим его интерес, оставил в наследство одинаковую сумму своей родной дочери Милдред и приемной Пиппе, матери Джины. Остальную часть своего огромного состояния он распределил так: Каролина получала право пользования всем имуществом и доходами, а управление капиталами поручалось администраторам Фонда Гэлбрандсена.

— А после смерти Каролины?

— После ее смерти состояние должно быть разделено между Милдред и Пиппой, а в случае их преждевременной кончины — между их детьми.

— Таким образом, все переходит Милдред и Джине?

— У Каролины есть и собственное значительное состояние, не идущее, конечно, ни в какое сравнение с состоянием Гэлбрандсена. Половину его она передала в дар мне четыре года назад. Из другой же половины десять тысяч фунтов предназначаются Джульетте Белевер, а остальное должно быть поделено поровну между Алексом Рестариком и его братом Стефаном.

— О боже! — воскликнула мисс Марпл. — Все это так неприятно, так неприятно.

— Конечно!

— Ведь любой человек в доме из корысти мог желать ее смерти?

— Да. Но в то же время я не могу себе представить, чтобы кто-то из них смог совершить убийство. Это невероятно. Милдред — ее дочь, и к тому же достаточно обеспечена. Джина боготворит свою бабушку. Она благородна, хоть и несколько экстравагантна, и страсти к деньгам у нее нет. Джолли Белевер искренне предана Каролине. Оба Рестарика любят Каролину как родную мать. Правда, ни тот ни другой не имеют состояний, однако из доходов Каролины на их счета поступают приличные суммы. Особенно повезло Алексу. Я полностью исключаю, чтобы один из этих парней мог хладнокровно ее отравить, чтобы получить наследство.

— Но еще есть муж Джинны?

— Да, — серьезно сказал Серроколд. — Есть муж Джинны.

— В сущности, вы так мало о нем знаете. К тому же видно, что этот человек не очень счастлив.

Льюис вздохнул:

— Он не смог приспособиться к жизни в Соунгейтсе. Он не проявляет ни малейшего интереса, а тем более симпатии к тому, чем мы здесь занимаемся. Между тем мне известно, что он хорошо воевал.

— Это ни о чем не говорит, — наивно заметила мисс Марпл. — Война — это совсем другое, нежели повседневная жизнь.

— Однако я не вижу у Уолтера достаточных мотивов для совершения преступления, подобного этому.

— Вы так думаете? Он же ненавидит Стоунгейтс. А если ему нужны деньги, то для него важно, чтобы Джина получила все, что ей причитается, прежде чем они... расстанутся, если она свяжет свою жизнь с кем-нибудь другим.

— Свяжет жизнь с кем-нибудь другим? — повторил с изумлением Серроколд.

— Именно это я и хотела сказать. Ведь оба Рестарика влюблены в нее. — Мисс Марпл восхитило неведение этого знатока психологии.

— Не думаю, — сказал намеренно безразличным тоном Льюис. — Стефан для нас просто незаменим. Как он умеет привлечь всех этих сорванцов, занять их, заинтересовать! В прошлом месяце он устроил такое чудесное представление. И сама постановка, и костюмы... Кстати, это подтверждает мою мысль, которую я все время повторял доктору Мэйверику: отсутствие драматургического элемента в существовании толкает этих детей на преступления. Ребенку необходима игра, это его естественный инстинкт. Мэйверик же считает, что... А! Да... Мэйверик...

Он помолчал, а затем продолжил:

— Я хочу, чтобы Мэйверик встретился с инспектором. Эта история с Эдгаром настолько нелепа!

— Мистер Серроколд, а что вы точно знаете об Эдгаре Лоусоне?

— Все, — решительно ответил Льюис. — То есть, все то, что необходимо знать... В какой среде он жил, в каких условиях формировался... Это самоуничижение, так укоренившееся в его душе...

Мисс Марпл была вынуждена прервать его:

— А Эдгар Лоусон не мог быть отравителем миссис Серроколд?

— Ну, это маловероятно. Он здесь всего лишь несколько недель. И в любом случае это абсурд. Зачем ему нужно было отравлять мою жену? Что бы ему это дало?

— Готова согласиться, что ничего реального. Но вдруг у него была какая-то невероятная цель? Он же такой странный.

— Вы хотите сказать, неуравновешенный?

— Пожалуй... Я хочу сказать, что в нем всегда что-то не так...

Хоть мисс Марпл и не совсем ясно выразила свое впечатление, но Серроколд согласился с ее словами и, вздыхая, повторил:

— Да, у него всегда было что-то не так. Бедный мальчик! А ведь казалось, что он заметно прогрессировал! Не могу понять, чем вызван подобный срыв...

Мисс Марпл доверительно склонилась к собеседнику.

— Да. Именно об этом я все время спрашиваю себя. А что, если...

Ее прервал приход инспектора Карри.

Часть 3. Идеальный подозреваемый

Инспектор Карри уселся напротив мисс Марпл и взглянул на нее с многозначительной улыбкой.

— Итак, мистер Серроколд попросил вас играть роль... сторожевой собаки?

— Ну да, — ответила мисс Марпл. И добавила, тоже улыбаясь, несколько смущенно. — Надеюсь, вы не против?

— Разумеется, нет. Мало того, я думаю, что это прекрасная идея. А знает ли мистер Серроколд, насколько квалифицированно вы можете справиться с этим заданием?

— Я не совсем вас понимаю, инспектор.

— Он видит в вас совершенно очаровательную женщину определенного возраста, одноклассницу своей жены. Но мы, — инспектор со значением покачал головой, — мы-то знаем, что вы значите гораздо больше. Суперинтендант Блейкер поведал нам вчера вечером о вашем истинном призвании — об уголовных делах. Ну, а если это так, то кто, по-вашему, мог систематически потчевать ядом миссис Серроколд?

— В подобных делах всегда есть соблазн подозревать самых близких людей — жену или мужа. Это первое, что приходит в голову, когда речь заходит об отравлении, не правда ли?

— Совершенно с вами согласен, — заявил Карри.

— Но на самом деле в данном случае все обстоит иначе. Честно говоря, я не могу подозревать мистера Серроколда. Видите ли, инспектор, он очень любит свою жену.

— К тому же у него нет никакого мотива для преступления. Деньги свои она ему уже отдала. И в любом случае он не мог убить Гэлбрандсена. По-моему, эти два преступления связаны друг с другом. У меня нет никаких сомнений. Человек, который пытается отравить миссис Серроколд, убил Гэлбрандсена, чтобы тот не смог его разоблачить. Теперь нам лишь требуется выяснить, кто же этот таинственный икс, убивший вчера вечером Гэлбрандсена. И подозреваемый номер один, без сомнения, молодой Уолтер Хадд. Это ведь он, зажигая лампу, пережег пробки, что позволило ему выйти из холла. И как раз в его отсутствие раздался выстрел. Значит, его следует подозревать в первую очередь — ведь именно у него были все возможности совершить преступление.

— А кто подозреваемый номер два? — осведомилась мисс Марпл.

— Алекс Рестарик. Он был один в машине и потратил слишком уж много времени, чтобы добраться от сторожки до дома.

— А остальные?

Мисс Марпл в любопытном ожидании подалась вперед, не преминув при этом заметить:

— Как любезно с вашей стороны, что вы рассказываете мне обо всем этом!

— Это не просто любезность, — как бы возразил инспектор Карри. — Мне нужна ваша помощь. И вы попали в точку, спросив про остальных. Дело в том, что именно здесь я должен просить вас о помощи. Вчера вечером вы были в холле и можете точно сказать, кто оттуда выходил...

— По правде говоря, мне трудно вам что-нибудь сказать. Понимаете, мы все были очень напуганы. Похоже было, что мистер Лоусон просто сошел с ума. Он так кричал, и такие ужасные вещи. Уверяю вас, мы не пропустили ни слова. К тому же было темно. Ничего другого я и не заметила.

— Короче говоря, вы считаете, что во время этой сцены любой мог выскользнуть из холла, пройти по коридору до комнаты мистера Гэлбрандсена, убить его и вернуться незамеченным?

— Вполне допускаю это.

— А есть кто-нибудь, о ком вы с уверенностью можете сказать, что он не выходил из холла?

Мисс Марпл задумалась.

— Могу сказать это о миссис Серроколд. Я все время наблюдала за ней. Она сидела рядом с дверью в кабинет и ни разу не встала с кресла. Ее спокойствие меня даже удивило.

— А остальные?

— Мисс Белевер выходила. Но я думаю... почти уверена, что это было уже после выстрела. Миссис Смит?.. О ней не могу сказать ничего — она сидела позади меня, у окна. Мне кажется, она оставалась там все время, но все же я в этом не уверена. Стефан сидел за роялем. Он перестал играть лишь когда ссора стала такой угрожающей.

— Не стоит придавать слишком большого значения моменту, когда вы услышали выстрел. Это довольно известный прием, — сказал инспектор. — Допустим, нас хотят уверить, что преступление совершено в какой-то определенный момент. В этот момент и может раздаться выстрел. Если мисс Белевер придумала что-то в этом роде... маловероятно, но предположим... она бы покинула холл совершенно открыто, как только все услышали выстрел. Повторяю, мы не должны придавать уж слишком

большого значения самому моменту выстрела. Мы должны быть ограничены лишь тем временем, когда Кристиан вышел из холла, и тем, когда мисс Белевер нашла его убитым. Из числа подозреваемых мы можем исключить лишь тех лиц, про которых нам уж точно известно, что они не имели никакой возможности совершить это преступление. К ним мы отнесем Льюиса Серроколда и молодого Лоусона, находившихся в кабинете, и миссис Серроколд, не оставлявшую холл ни на минуту. Очень досадно, что мистер Гэлбрандсен был убит в тот вечер, когда разразилась эта ссора...

— Вы думаете, всего лишь досадно? — тихим голосом осведомилась мисс Марпл.

— Что вы хотите сказать?

— Это могло быть не просто случайностью.

— Интересно! Вот что, оказывается, пришло вам в голову!

— Не правда ли, любопытно, что внезапное ухудшение состояния Эдгара Лоусона все нашли совершенно необыкновенным. Он страдает от своего странного комплекса — можете называть его как хотите. Уинстон Черчилль, лорд Монтгомери — оба они столь же подходят на роль его отца, как и любая другая знаменитость. И представьте себе, будто кто-то специально вбивает ему в голову, что на самом деле его отец — Льюис Серроколд и что именно он преследовал и обижал его, в то время как по справедливости Эдгар Лоусон является законным наследником Стоунгейтса. Эдгар рано или поздно должен был сорваться. Это и случилось с ним вчера. А какая прекрасная возможность отвлечь внимание! Все присутствующие в ужасе, полностью поглощены трагической сценой, да еще кто-то постарался дать ему в руки револьвер...

— Например, револьвер Уолтера Хадда.

— Да, — сказала мисс Марпл. — Я об этом думала, но, видите ли, Уолтер скрытный, малообщительный, любит поворчать, однако он не показался мне глупым.

— Значит, вы не считаете Уолтера убийцей?

— Разумеется нет. Если бы убийцей оказался он, все бы испытали большое облегчение. Он иностранец...

— А его жена? Она бы тоже испытала облегчение?

Мисс Марпл не ответила. Она вновь представила себе Джину и Стефана вдвоем на берегу пруда, там, где она увидела их в первый день. Подумала она и об Алексе Рестарике, который, приехав накануне вечером, сразу же стал искать глазами Джину. А что думала об всем этом сама Джина?

Через два часа инспектор Карри вздохнул, потянулся в глубоком кресле и объявил:

— Ну так вот, мы неплохо расчистили площадку!

Сержант Лэйк думал так же.

— Слуги здесь не замешаны, — произнес он. — Все, кто ночует в доме, в момент убийства были вместе. А остальные разошлись по домам раньше.

Карри утвердительно кивнул. Он порядком устал, допрашивая психиатров, преподавателей и тех трех «молодых каторжников» (как он их мысленно называл), которым в день убийства подошла очередь ужинать в семейном кругу. Все показания сходились и лишь дополняли друг друга. Под конец был оставлен доктор Мэйверик, который, насколько инспектор мог об этом судить, был самым главным лицом в заведении.

— Теперь мы встретимся с ним, — сказал он Лэйку.

Молодой врач вошел в кабинет с очень озабоченным видом. Он был элегантно, с иголки, одет, пенсне придавало ему немного отсутствующий вид. Мэйверик подтвердил показания остальных сотрудников и был во всем согласен с инспектором Карри.

— А теперь, доктор, я попрошу вас дать полный отчет о том, чем вы занимались в этот день.

— Мне это будет очень просто. Специально для вас я записал все, что делал, и приблизительно указал время. Я покинул холл в 21.15 вместе с мистером Лэси и доктором Баумгартнером. Затем мы зашли к доктору Баумгартнеру, и я оставался у него до того момента, когда вбежала мисс Белевер и попросила меня вернуться в холл. Это было примерно в 21.30. Я тотчас отправился туда и нашел Эдгара в состоянии полной прострации.

Инспектор Карри шевельнулся.

— Одну минутку, доктор. Этот молодой человек в самом деле душевнобольной?

Доктор Мэйверик обескураживающе улыбнулся и произнес с оттенком некоторого превосходства:

— Каждый из нас душевнобольной, инспектор!

«Очень глупо», — подумал инспектор. Он-то нисколько не сомневался,

что сам он вовсе не болен. Чего однако не мог сказать определенно о докторе Мэйверике.

— Таким образом, он отвечает за свои поступки?

— Полностью.

— Значит, стреляя в мистера Серроколда, он совершил попытку умышленного убийства?

— Да нет же, инспектор. Об этом и речи не может быть. Лоусон не имел желаний причинить ему ни малейшего вреда. Он очень любит мистера Серроколда.

— И нашел весьма странный способ это ему доказать.

Мэйверик снова улыбнулся. Инспектор с трудом выдержал эту улыбку.

— Я хотел бы побеседовать с этим юношей, — заявил он.

— Нет ничего проще. После вчерашнего приступа он, похоже, успокоился. Сегодня ему гораздо лучше. Мистер Серроколд будет доволен.

Карри пристально взглянул на доктора, но тот был все так же непроницаемо серьезен.

— У вас есть мышьяк? — неожиданно спросил инспектор.

Было видно, что Мэйверик не ожидал такого вопроса.

— Мышьяк? При чем тут мышьяк?

— Отвечайте только на мой вопрос!

— Нет. У меня нет мышьяка. Ни в каком виде.

— Но у вас же есть лекарства?

— Разумеется. Успокоительное, снотворное, морфий... — в общем, самые обычные средства.

— А миссис Серроколд лечите вы?

— Нет. Она пациентка доктора Гантера из Маркет-Кэмбл, он их домашний врач. У меня, естественно, медицинское образование, но я работаю исключительно как психиатр.

— Понимаю. Ну что ж, спасибо, доктор!

Мэйверик закрыл за собой дверь, и инспектор сразу же сказал сержанту Лэйку, что от психиатров у него уже начинается приступ ревматизма.

— Теперь возьмемся за семейку, — объявил он. — Прежде всего, я хочу видеть молодого Уолтера Хадда.

Уолтер Хадд держался настороженно. Он с некоторым недоверием посмотрел на полицейского офицера, но выразил полную готовность к сотрудничеству.

Он объяснил, что электропроводка в Стоунгейтсе очень старая, многие провода уже истлели, и что у них, в Соединенных Штатах, такую проводку

давно бы уже заменили. Пробки, с которыми были связаны почти все лампы в холле, перегорели, и он пошел посмотреть, что случилось. Заменив предохранитель, он вернулся в холл.

— Сколько времени у вас это заняло?

— Точно сказать не могу. Пробки расположены в таком неудобном месте. Пришлось искать стремянку, свечи... Пожалуй, мне понадобилось минут десять... или пятнадцать.

— Вы слышали выстрел?

— Нет. Ничего похожего я не слышал. Двери, выходящие в коридор и кухню, обиты войлоком.

— Хорошо. А что происходило в холле, когда вы туда вернулись?

— Они все столпились перед дверью в кабинет мистера, Серроколда. Миссис Смит кричала, что мистер Серроколд убит, но это ведь была неправда. Этот псих промахнулся!

— Вы узнали револьвер?

— Да, это был мой револьвер.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Два или три дня назад.

— Где вы его обычно храните?

— В ящике стола у меня в спальне.

— Кто еще знал, что он там находился? — спросил инспектор.

— В этом доме никогда не знаешь, что о тебе известно окружающим, а что неизвестно.

— Что вы имеете в виду, мистер Хадд?

— Они все здесь чокнутые.

— Да, возможно. Но кто, по-вашему, мог убить мистера Гэлбрандсена?

— На вашем месте я бы поставил на Алекса Рестарика.

— Что заставляет вас так думать?

— У него была хорошая возможность убить. Он был в парке, в своей машине, совсем один.

— А зачем ему убивать Кристиана Гэлбрандсена?

Уолтер пожал плечами.

— Я иностранец. И мне трудно понять все здешние семейные истории и проблемы. Может, старик что-то узнал об Алексе и хотел раскрыть все это Серроколдам.

— И к чему это могло бы привести?

— Они бы лишили его своих денег. А уж тратить-то денежки он умеет!

— Вы имеете в виду его театральные постановки?

— Так он это называет.

— Вы считаете, что он их тратит на что-то другое?
Уолтер снова пожал плечами.

* * *

Алекс Рестарик был весьма словоохотлив. Разговаривая, он много жестикулировал.

— Знаю! Знаю! Я — идеальный подозреваемый. Приезжаю сюда один, на машине, и вдруг в парке, на аллее, меня озаряет. Я даже не прошу вас меня понять. Догадываюсь, что это невозможно.

— А может быть, мне и повезет, — иронически заметил Карри.

Но Алекс продолжал:

— Иногда бывает бесполезно пытаться понять, как и почему... Правда! Приходит мысль, идея... и все остальное меркнет, исчезает, как облака. На следующей неделе я ставлю в театре «Ночи в Лаймхаузе». И вот вчера вечером я вдруг увидел удивительную декорацию... Освещение, о котором я мог только мечтать. Казалось, туман отбрасывал свет фар. И, отраженный туманом, этот свет впыхивал на стенах построек. Тут было все: выстрелы, быстрые шаги, шум мотора...

Инспектор перебил его:

— Вы слышали выстрелы? Где?

Алекс небрежно махнул своими гладкими ухоженными руками.

— Где-то в тумане, инспектор. Это и впрямь было великолепно!

— А... вам не пришло в голову, что происходит нечто серьезное?

— Серьезное? Почему?

— Разве вы так уж часто слышите револьверные выстрелы?

— Я так и знал, что вы не поймете. Эти выстрелы! Они же так подходили к сцене, которую я себе в тот момент представлял. Мне нужны были выстрелы... опасность... истории с наркотиками... подозрительные сделки... И абсолютно было наплевать на то, что эти выстрелы означали на самом деле!

— Сколько выстрелов вы слышали?

— Не знаю! — выкрикнул Алекс, которого безумно раздражало это грубое вмешательство в ход его мыслей. — Два или три!.. Два подряд, это я хорошо помню.

Инспектор Карри покачал головой.

— А быстрые шаги, о которых вы упоминали — с какой стороны вы их слышали?

— Они слышались сквозь туман. Где-то около дома.

— Это наводит на мысль, — тихо сказал инспектор — что убийца Кристиана Гэлбрандсена шел по улице.

— Ну конечно! Почему вы в этом сомневаетесь? Надеюсь, вы, по крайней мере, не думаете, что он шел из дома?

Не замечая этого вопроса, инспектор спокойно сказал:

— Интересуют ли вас яды, мистер Рестарик?

— Яды? Но Кристиана ведь не отравили, прежде чем в него выстрелить! Это уж совсем походило бы на полицейские романы!

— Нет, его не отравили. Но вы не ответили на мой вопрос.

— В ядах есть нечто соблазнительное. Яд — менее грубое средство, чем пуля, и более изощренное, чем кинжал. Ничего другого я вам, пожалуй, сказать не могу. Вы именно это хотели узнать?

— У вас когда-нибудь был мышьяк?

— Мне это никогда не приходило в голову. Если не ошибаюсь, мышьяк входит в состав препаратов, применяемых против мух и сорняков.

— Вы часто бываете в Стоунгейтсе, мистер Рестарик?

— Когда как, инспектор. Иногда не бываю неделями. Но всякий раз, когда есть возможность, я приезжаю сюда на выходные. Я всегда считал Стоунгейтс своим родным домом.

— Это заслуга миссис Серроколд?

— Я никогда не смогу отплатить миссис Серроколд за все, что она сумела дать мне: свою симпатию, понимание, привязанность...

— Плюс весьма кругленькие суммы, как мне кажется.

На лице Алекса появилась гримаса отвращения:

— Миссис Серроколд, инспектор, относится ко мне как к сыну и верит в мое искусство.

— Она когда-нибудь говорила с вами о своем завещании?

— Конечно. Позвольте мне спросить вас, инспектор, почему вы задаете подобные вопросы? За миссис Серроколд ведь не приходится волноваться?

— Надеюсь, что нет, — многозначительно произнес Карри.

— Что вы хотите этим сказать, черт побери?

— Если вам ничего не известно, то тем лучше для вас... Ну, а если знаете, то считайте, что я вас предупредил.

Когда Алекс вышел, сержант Лэйк повернулся к инспектору:

— Что за чушь он нам нес про туман?

Карри покачал головой.

— Трудно сказать. Может, у него и вправду талант. А может, просто любит легкую жизнь и высокопарные слова. Неизвестно. Он якобы слышал чьи-то шаги — правда ли это? Держу пари, что он это выдумал.

— С какой целью?

— С совершенно определенной целью. Мы еще до нее не дошли, но когда-нибудь доберемся.

— В конце концов, шеф, один из этих милых субчиков вполне мог потихоньку сбежать из своего заведения. В такой компании всегда найдется парочка взломщиков, и тогда...

— Нас очень хотят в этом убедить. Это ведь очень удобно. Но, видите ли, Лэйк, я скорее проглочу свою новую шляпу, чем поверю, что все было так на самом деле.

* * *

Когда Стефан Рестарик занял место брата, он тут же заявил:

— Когда произошла эта сцена между Льюисом и Эдгаром, я сидел за роялем и что-то потихоньку играл.

— Что вы тогда подумали?

— Честно говоря, я не принял все это всерьез. С Эдгаром бывают такие приступы. Он ведь не совсем сумасшедший. Все эти штучки — просто способ выпустить пар. Правда в том, что все мы, сколько бы нас ни было, действуем ему на нервы... А Джина, разумеется, больше других.

— Джина? Вы хотите сказать, миссис Хадд? А почему она его так раздражает?

— Потому что она женщина... и очень хорошенькая. И находит его смешным. Знаете, отец Джины — итальянец. А у итальянцев есть в душе такая бессознательная жестокость. Им незнакомо сострадание к старикам, к людям некрасивым или уродливым. Так и Джина ведет себя по отношению к Эдгару. Разумеется, я говорю про жестокость не в прямом смысле. Эдгар выглядит смешным, когда важничает, потому что на самом деле он совершенно не уверен в себе. Он хочет произвести впечатление, а получают лишь идиотские выходки. А Джина, даже если этот бедняга сильно страдает, только смеется!

— Вы намекаете на то, что Эдгар Лоусон влюблен в Джину?

— Ну конечно! — весело сказал Стефан. — Мы здесь все в нее влюблены... кто больше, кто меньше. Ей это доставляет удовольствие.

— А ее муж? Ему это тоже доставляет удовольствие?

— Он не может толком разобраться в происходящем, хотя, конечно, догадывается и наверняка страдает. Это не может долго продолжаться... Я говорю об их браке. Нарыв скоро лопнет. В наше беспокойное время происходит множество подобных историй.

Инспектор прервал его:

— Все это очень интересно, но мы порядком отвлеклись от нашей основной темы — убийства Кристиана Гэлбрандсена.

— Совершенно верно. Только я ничего не могу добавить. Я сидел за роялем и не двигался с места до той минуты, пока эта милая Джолли не притащила целую связку старых ключей, которыми она пыталась открыть дверь кабинета.

— Итак, вы оставались за роялем. А играть вы продолжали?

— Нет. Я остановился, когда голоса стали слишком уж громкими. И не потому, что беспокоился за исход этой сцены, У Льюиса очень властный взгляд, и ему было достаточно разок пристально посмотреть на Эдгара, чтобы тот провалился сквозь землю.

— Правда? Не могли бы вы сказать мне, мистер Рестарик, кто выходил из холла за это время, когда вы... За то время, которое нас интересует?

— Уолли, чтобы заменить пробки... Джульетта Белевер — за ключом, который подошел бы к двери кабинета... По-моему, это все.

— Если бы кто-то другой вышел, вы бы заметили?

Стефан подумал.

— Вероятно, нет. Если бы кто-нибудь тихо встал вышел и так же тихо вернулся, я вряд ли заметил бы. В холле было так темно! Да и все наше внимание было поглощено этим скандалом.

— Кто, по-вашему, совсем не выходил из холла в этот вечер?

— Миссис Серроколд... Да, и Джина. За них двоих я готов поручиться.

— Спасибо, мистер Рестарик.

Стефан пошел к двери, остановился возле нее как бы в нерешительности, потом вернулся.

— А что это за история с мышьяком, инспектор?

— Кто вам сказал про мышьяк?

— Мой брат.

— Понятно.

Стефан продолжал:

— Кто-то пытался дать мышьяк миссис Серроколд?

— Почему вы подумали о миссис Серроколд?

— Я где-то прочел статью, в которой говорилось о симптомах отравления мышьяком. Их называют периферическим невритом. Это более или менее похоже на то недомогание, которое она начала испытывать некоторое время назад. К тому же вчера Льюис отобрал у нее лекарство в тот самый момент, когда она собиралась его выпить...

— А кто, по-вашему, мог бы давать мышьяк миссис Серроколд?

На красивом лице Стефана Рестарика мелькнула странная усмешка.

— Не тот, на кого вы бы могли подумать в первую очередь. Без колебаний вы можете вычеркнуть из вашего списка мужа. Льюис Серроколд ничего бы не выиграл от ее смерти. К тому же он боготворит свою жену. Если у нее заболит хотя бы мизинец, для него это уже трагедия.

— Кто же тогда? У вас есть какие-нибудь идеи?

— Конечно! И не только идеи, а уверенность.

— Не хотите ли поделиться со мной вашими соображениями?

Стефан покачал головой.

— Эта уверенность чисто психологическая. У меня нет никаких доказательств. К тому же вы скорее всего не согласитесь со мной.

Произнеся безразличным тоном эти слова, Стефан Рестарик поклонился и вышел из комнаты.

Инспектор Карри рисовал кошек на лежащем перед ним листке бумаги. Из последнего разговора он сумел сделать три вывода:

а) Стефан Рестарик был высокого мнения о себе;

б) Стефан Рестарик с братом выступали единым фронтом;

в) Стефан Рестарик был красивым молодым человеком в отличие от Уолтера.

Было еще два вопроса, на которые инспектор никак не мог найти ответ: во-первых, что имел в виду Стефан, говоря о «психологической уверенности», и, во-вторых, мог ли он, сидя за роялем, видеть Джину? В последнее Карри не верил.

* * *

Появление Джинны в полумраке библиотеки внесло элемент экзотики в строгую процедуру сбора показаний. Сам инспектор заморгал глазами при виде этой яркой молодой женщины, на которой была алая блузка и

зеленоватые брюки. Она присела к столу, положив на него локти, и не без любопытства и вызова спросила:

— И что дальше?

— Я вижу, вы не в трауре, миссис Хадд, — сухо вато заметил Карри.

— Я ненавижу черный цвет, считаю его отвратительным. Цвет кассирш, уборщиц и им подобных. К тому же Кристиан Гэлбрандсен мне вовсе не родственник. Он был всего лишь пасынком моей бабушки.

— Мне кажется, вы мало знали его.

— Верно. Когда я была маленькая, он приезжал сюда три или четыре раза. Во время войны я была в Америке и поселилась здесь снова всего полгода назад.

— Так вы вернулись в Стоунгейтс насовсем?

— По правде говоря, я об этом еще не думала.

— Скажите, миссис Хадд, эта вчерашняя сцена... кто находился в холле в тот момент?

— Мы все были там... разумеется, кроме дяди Кристиана.

— Не все, миссис Хадд. Кто-то входил, кто-то выходил...

— Вы так думаете? — неопределенно произнесла Джина.

— Например, ваш муж выходил, чтобы заменить пробки.

— Верно! Уолли потрясающе умеет все чинить.

— В его отсутствие, кажется, раздался выстрел. Вам всем тогда еще показалось, что он послышался со стороны парка.

— Не помню... Ах, да!.. Лампочки зажглись, и Уолли уже вернулся.

— А еще кто-нибудь выходил из холла?

— Не думаю... не помню.

— А где вы сидели?

— В глубине холла, возле окна.

— Рядом с дверью в библиотеку?

— Да.

— А вы сами выходили из холла?

— Я?.. Когда там такое творилось! Конечно нет.

— Где сидели все остальные?

— Большинство — вокруг камина. Тетя Милдред вязала, тетя Джейн — я хотела сказать, мисс Марпл — тоже. Бабушка ничего не делала.

— А мистер Стефан Рестарик?

— Сначала он играл на рояле, потом не помню.

— Мисс Белевер?

— Она как всегда ходила по холлу. Можно сказать, что она никогда не сидит на месте. Кажется, она искала то ли ключи, то ли что-то еще... А что

это за история с лекарством для бабушки? — вдруг спросила Джина. — Ошибка аптекаря или дело в чем-то еще?

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Флакон от лекарства пропал. Джолли от этого прямо-таки заболела. Она перевернула все вверх дном, чтобы отыскать этот пузырек, Алекс говорит, что флакон взяла полиция. Это правда?

Не ответив на ее вопрос, инспектор задал следующий:

— Так вы утверждаете, что мисс Белевер была очень взволнована?

— Джолли всегда устраивает трагедии из-за пустяков. Это ей нравится. Иногда я спрашиваю себя: как бабушка может ее терпеть?

— Последний вопрос, миссис Хадд. Кто мог убить Кристиана Гэлбрандсена? У вас есть какие-нибудь предположения?

— Лично я думаю, что убил кто-нибудь из этих юных кретинов. У настоящих преступников хватает здравого смысла: они убивают, чтобы завладеть деньгами или драгоценностями, но не ради удовольствия. А эти ненормальные, знаете, их еще зовут «умственно неполноценные», запросто прикончат любого, чтобы только поразвлечься. Вы не верите? А я не вижу, зачем они могли убить дядю Кристиана, если не ради развлечения.

— Вы хотите сказать, безо всякой причины?

— Вот именно. Ведь ничего же не было украдено, правда?

— Но знаете, миссис Хадд, в тот момент все помещения были закрыты, двери заперты на замок, никто оттуда не мог выйти без разрешения.

— Вы так думаете? — Джина расхохоталась. — Эти «мальчики» выберутся отовсюду! Уверяю вас, им известна масса приемов, они мне сами об этом рассказывали!

— А она забавная! — сказал сержант Лэйк, когда Джина вышла из библиотеки. — Я впервые вижу ее вблизи... Как сложена! Фигурка иностранки... Понимаете, что я имею в виду?..

Инспектор строго взглянул на него, и сержант Лэйк поспешил только добавить, что миссис Хадд не наводит на окружающих тоски.

— Похоже, что во время всех этих событий она ни минуты не скучала.

— Не знаю, прав ли Стефан, говоря о разводе, — продолжал инспектор. — Но она постаралась нам сказать, что Уолтер Хадд уже вернулся в холл, когда раздался выстрел.

— А по словам остальных было иначе.

— Вот именно!

— Она не сказала нам также, что мисс Белевер выходила из холла за ключами.

— Верно, — подумав, согласился инспектор.

* * *

Миссис Смит выглядела сейчас в библиотеке более уместно, чем несколько минут назад Джина. Строгое черное платье с ониксовой брошью, тщательно уложенные седые волосы, прикрытые сеточкой — во всем этом не было ничего экзотического. К тому же выглядела она явно оскорбленной.

— Я думала, инспектор, что вы могли бы сообщить мне, в котором часу сочтете нужным со мной побеседовать. Мне пришлось прождать целое утро.

Она была высокого мнения о себе и чувствовалось, что гордость ее уязвлена. Инспектор сразу понял это и попытался немного подсластить пилюлю.

— Простите нас, миссис Смит. Дело в том, что вам не особенно знакомы наши методы. Мы ведь начинаем с опроса второстепенных свидетелей... Можно сказать, стараемся от них поскорее отделаться. Для нас важно именно в последнюю очередь побеседовать с человеком, умеющим наблюдать, с человеком, в правильности суждений которого мы полностью уверены. Это позволяет проверить достоверность того, что нам сообщили раньше.

Миссис Смит смягчилась:

— Ах так! Понимаю. Я об этом не подумала.

— Опыт делает ваши суждения значительными и верными, миссис Смит. Кроме того, здесь ваш дом. Вы дочь миссис Серроколд и, следовательно, знаете все об окружающих ее людях.

— Разумеется, — согласилась Милдред. — Но думаю, что вам должно быть уже известно, кто убил моего брата. Это же бросается в глаза!

Инспектор Карри откинулся на спинку стула и провел рукой по тщательно ухоженным усикам.

— Важно соблюдать осторожность, — заметил он. — Вы говорите, бросается в глаза?

— Ну да. Это ужасный американец, муж бедной Джины. Он единственный, кто не является подлинным членом семьи. Мы о нем абсолютно ничего не знаем. Наверняка он один из тех ужасных гангстеров,

которых так много в Соединенных Штатах.

— Достаточно ли этого для объяснения убийства мистера Гэлбрандсена? Почему он его убил?

— Потому, что Кристиан обнаружил что-то, касающееся убийцы. Именно поэтому мой брат вернулся сюда по прошествии столь короткого времени после его предыдущего визита.

— Вы в этом уверены, миссис Смит?

— Для меня это совершенно очевидно. Он хотел нас убедить, что приехал по поводу здешнего учреждения... Но это ведь абсурд. С такой целью он приезжал в прошлом месяце. С тех пор не произошло ничего важного. В прошлый раз он видел Уолтера. Может быть, он о нем что-нибудь узнал? Может быть, наводил справки в Соединенных Штатах? Моего брата было нелегко обмануть. Я уверена, он вернулся, чтобы навести порядок во всем этом... чтобы разоблачить Уолтера, вывести его на чистую воду. И тогда Уолтер убил его. Это выглядит вполне естественным.

— Да-да... Возможно... — протянул инспектор, пририсовывая невероятно длинный ус одному из котов, изображенных на листке бумаги.

— А вы разве не согласны со мной, что все именно так и было?

— Возможно... Пожалуй... — ответил инспектор. — Но пока мы не сможем доказать, что у него была причина убить мистера Гэлбрандсена, мы не сдвинемся с места.

— По-моему, Уолтер Хадд думает только о деньгах. Поэтому он переселился в Англию и живет здесь на средства Серроколдов. Но ему не достанется ничего существенного, пока жива моя мать. А после ее смерти Джина унаследует огромное состояние...

— И вы тоже, миссис Смит.

Щеки Милдред слегка порозовели.

— И я тоже, как вы говорите. Мы с мужем всегда жили скромно. Он тратил очень мало. Только на книги... Он был очень культурным человеком. Мое личное состояние увеличилось вдвое или около того. Для моих нужд этого более чем достаточно. Но деньги ведь следует использовать и на благо ближних. Если бы я когда-нибудь унаследовала состояние, я бы относилась к нему как к священному неприкосновенному запасу.

Инспектор сделал вид, что плохо понял сказанное.

— Но ведь это не будет неприкосновенным запасом в полном смысле слова, как мне кажется. Это состояние безусловно принадлежит вам, не правда ли?

— Да... в каком-то смысле... Да, оно будет принадлежать мне

безусловно.

Тональность ее последних слов несколько удивила инспектора. Он поднял голову и внимательно посмотрел на Милдред. Взгляд миссис Смит был отрешенным, а тонкие губы кривились в торжествующей усмешке.

Инспектор продолжал с тем же уважением в голосе:

— Итак, у вас были достаточные основания, чтобы прийти к столь серьезным выводам... Мистер Уолтер Хадд собирался завладеть состоянием, которое должно было перейти к его жене после смерти миссис Серроколд. В связи с этим не заметили ли вы каких-нибудь ухудшений состояния здоровья вашей матушки в последнее время?

— У нее бывают приступы ревматизма, но это возрастное. К старости у всех что-нибудь появляется. Люди же, которые устраивают всякие сцены из-за начала новых неизбежных болей, не вызывают у меня симпатии.

— А миссис Серроколд устраивает сцены?

Милдред помолчала с минуту.

— Нет, — сказала она наконец. — Но она привыкла, что их устраивают ради нее другие. Заботливость ее мужа чрезмерна. Что касается мисс Белевер, она выглядит просто смешной. Ее преданность достойна восхищения, но превратилась в настоящее бедствие. Она буквально терроризирует бедную маму. Мисс Белевер здесь заправляет буквально всем и считает, что ей все позволено.

Инспектор медленно покачал головой.

— Понимаю... понимаю... — произнес он и добавил, внимательно наблюдая за миссис Смит. — Есть еще одно обстоятельство, которое мне не совсем ясно. Что делают здесь братья Рестарики?

— Опять наша детская сентиментальность! Их папаша женился на моей бедной матери ради денег и через два года сбежал с югославской певичкой сомнительных моральных достоинств. Мать имела слабость пожалеть этих двух мальчиков. Она их почти усыновила, и с тех пор они все время толкуются здесь, паразитируя на ее доброте. Смею вас уверить, нахлебников нам здесь хватает!

— Алекс Рестарик имел возможность убить Кристиана Гэлбрандсена. Он был один в машине... между сторожкой и домом. А Стефан?

— Стефан был с нами в холле. Поведение Алекса мне не нравится. Он становится все вульгарнее, думаю, что ведет беспорядочную жизнь, но, по правде говоря, я не представляю его убийцей. Да и зачем ему было убивать моего брата?

— Мы все постоянно возвращаемся к этому вопросу, — заметил инспектор Карри. — Что такого мог знать Кристиан Гэлбрандсен про

некоего икса, чтобы тот... счел необходимым убить его?

— Вот именно! — с неожиданной живостью воскликнула миссис Смит. — И наверняка убийца — Уолтер Хадд! Какой ужас! Какой ужас! И только я одна от всего этого страдаю. Что другим? Никто из присутствующих здесь даже не является родственником Кристиана. Для моей матери он был всего лишь взрослым пасынком. Не было родства и между ним и Джиной. Но мне он приходился братом!

— Сводным братом, — уточнил инспектор.

— Да, сводным, к тому же он был намного старше меня. Но мы оба Гэлбрандсены!

— Да-да... Я понимаю ваши чувства.

Милдред Смит вышла из комнаты. На глазах у нее блеснули слезы. Карри посмотрел на сержанта.

— Она уверена, что убил Уолтер Хадд, и ни на минуту не может представить себе, что это мог сделать кто-то другой.

— А кто знает, может, она и права?

— Ясно только, что все против Уолл и. Подходящая возможность... мотив. Если ему нужны деньги, то смерть бабушки его жены просто необходима. В таком случае Уолли мог рыться в ее лекарствах, а Кристиан Гэлбрандсен — застать его за этим занятием... или каким-то образом узнать об этом. Да. Все прекрасно сходится.

Инспектор умолк и через минуту добавил:

— Хочу все же заметить, что Милдред Смит любит денежки. У нее к ним страсть, как у всех скупых. Но смогла бы она совершить преступление ради денег — вот в чем вопрос?!

— Как все сложно, не правда ли? — сказал сержант Лэйк, почесывая затылок.

— Да, очень сложно, но зато интересно. Мне, право, очень хочется узнать... А Джина Хадд, Лэйк? Она, пожалуй, занимает меня больше остальных. У нее якобы плохая память, а может, она просто лжет с такой же легкостью, как дышит.

— Несомненно, — глубокомысленно подтвердил Лэйк.

Часть 4. Инспектор находит оружие

«Как трудно представить себе человека, основываясь лишь на том, что о нем рассказывают», — думалось инспектору Карри. Он видел перед собой Эдгара Лоусона, о котором столько людей говорили ему с самого утра. Их впечатления столь разительно не совпадали с его собственным, что становилось смешно.

Эдгар не казался ему ни «странным», ни «наглым», ни даже «ненормальным». Инспектор видел перед собой самого обычного юношу, очень расстроенного и выглядевшего почти таким же униженным, как Урия Гип^[2]. Совсем юный, весьма заурядный и довольно жалкий, он хотел поскорее ответить на все задаваемые вопросы и непрерывно рассыпался в извинениях.

— Я понимаю, что поступил очень плохо. Сам не знаю, что на меня нашло. Как я мог устроить эту безобразную сцену? А выстрел? Неужели я стрелял в мистера Серроколда, который был так добр ко мне, так терпелив!

Он непрерывно ломал пальцы, и эти руки с тонкими запястьями тоже вызывали жалость.

— Если меня должны судить, я готов последовать за вами. Я заслужил это. Я признаю себя виновным.

— Никто не подавал на вас жалобу, — сухо ответил инспектор. — У нас нет ни одного свидетельства против вас. По мнению мистера Серроколда, выстрелы были случайными.

— Он весь в этом высказывании! На свете никогда не было человека, столь же доброго, как мистер Серроколд! Я ему обязан всем, и вот как я его отблагодарил за доброту!

— Что заставило вас так поступить?

Казалось, Эдгар пребывал в замешательстве.

— Я вел себя как последний идиот.

— Мне тоже так кажется, — сухо заметил инспектор. — Судя по вашим словам, сказанным мистеру Серроколду в присутствии свидетелей, вы узнали, что он ваш отец. Это правда?

— Нет.

— Откуда у вас возникла эта идея? Вам кто-нибудь подсказал?

Эдгар в смущении зашевелился.

— Мне трудно объяснить вам... Не знаю, с чего начать...

Инспектор ободряюще посмотрел на него.

— Попробуйте все-таки. Мы не намерены причинять вам неприятности.

— Видите ли, у меня не было нормального детства. Другие ребята смеялись надо мной, потому что у меня не было отца. Они обзывали меня незаконнорожденным... и это была правда. Моя мать почти не бывала трезвой, время от времени к ней приходили мужчины. Я думаю, что моим отцом был какой-нибудь иностранный моряк. Дом наш всегда вызывал у меня отвращение. Сущий ад! Я стал воображать, что мой отец был не простым моряком, а каким-то знаменитым человеком, и что я — законный наследник огромного состояния. Потом я стал учиться в другой школе и там один или два раза я соврал, намекая, будто мой отец был адмиралом. Кончилось тем, что я сам в это поверил и стал, как мне казалось, менее несчастным.

Он помолчал минуту, потом продолжил:

— А потом я придумал еще одну вещь. Я останавливался в отелях и рассказывал там массу всякого вздора. Говорил, что я летчик-истребитель или служу в армейской разведке. Сам не знаю, что со мной происходило. Мне не хотелось никого обманывать, но я не мог себя остановить. Мистер Серроколд и доктор Мэйверик объяснят вам, что это такое. У них есть все соответствующие бумаги.

Инспектор Карри кивнул. Он уже видел документы Эдгара и его уголовное дело.

— В конце концов, мистер Серроколд вытащил меня из этого кошмара и привез сюда. Он сказал, что ему нужен секретарь, который должен ему помогать... и я могу утверждать, что работал прилежно! Да, я могу это сказать! Но другие люди постоянно издевались и смеялись надо мной.

— Кто же это? Может быть, миссис Серроколд?

— Нет. Миссис Серроколд — настоящая леди... Она всегда была любезна и добра ко мне. Но вот Джина, та обращалась со мной, как с последним идиотом, и Стефан тоже. Миссис Смит презирает меня за то, что я не из их круга. И мисс Белевер тоже. А сама-то она кто? Всего лишь компаньонка на жалованьи, правда?

Инспектор заметил в поведении молодого человека признаки все возрастающего возбуждения.

— В общем, они все относятся к вам безо всякой симпатии?

— Да, потому что я — незаконнорожденный! — запальчиво воскликнул Эдгар. — Если бы у меня был отец, они бы не вели себя так!

— Значит, чтобы утешиться, вы придумали себе несколько знаменитых отцов?

Эдгар покраснел и произнес сквозь зубы:

— В конце концов, я всегда лгу.

— В последний раз вы утверждали, что ваш отец — мистер Серроколд. Почему вы так говорили?

— Потому что надеялся заставить их замолчать раз и навсегда. Если бы он был моим отцом, они бы не вели себя так!

— Но вы к тому же утверждали, что он ваш враг, что он вас преследует.

Эдгар потер лоб.

— Да, я знаю. Все перепуталось у меня в голове. Со мной это бывает.

— И вы взяли револьвер в комнате мистера Хадда?

Казалось, этот вопрос привел Эдгара в явное замешательство.

— Вы так думаете? Я взял его там?

— А вы не помните?

— Я хотел воспользоваться револьвером, чтобы только испугать мистера Серроколда.

— И как же вы раздобыли этот револьвер? — спросил инспектор, терпеливо дожидаясь ответа.

— Вы же сами сейчас сказали... Я взял его в комнате Уолтера. Разве я мог найти его где-нибудь еще?

— Не знаю... Может, кто-нибудь дал его вам?..

Эдгар взглянул на инспектора безо всякого выражения.

— Если мне его и дали, я такого не припоминаю. Я был так взволнован! Стараясь успокоиться, я пошел прогуляться по парку. Мне казалось, что за мною следят, шпионят, что все против меня, даже эта симпатичная дама с седыми волосами... мисс Марпл. У меня, наверное, был приступ безумия. Не помню, где был, не помню, что делал, время перепуталось!

— Кто вам сказал, что мистер Серроколд — ваш отец? Это вы наверняка должны помнить.

Эдгар снова бессмысленно взглянул на инспектора и мрачно заявил:

Никто мне этого не говорил. Просто мне это пришло в голову.

Инспектор Карри вздохнул. Ответы его совершенно не удовлетворяли, но он отлично понимал, что в данный момент не добьется ничего большего.

— Хорошо, — сказал он. — Постарайтесь впредь быть серьезнее.

— Да, да, господин инспектор, я вам это обещаю.

Эдгар удалился, а инспектор Карри медленно покачал головой:

— Просто ужас какой-то с этими умственно неполноценными!

— Вы думаете, кто-то заставил его проделать все это?

— Разумеется, и мисс Марпл здесь абсолютно права. Эта старушка — тонкий психолог! Хотел бы я знать, кто все-таки внушил все это молодому человеку! Он не хочет говорить. Если бы только мы узнали это... Пойдемте, Лэйк. Попробуем в точности воспроизвести сцену, случившуюся в холле.

* * *

Инспектор Карри сидел за роялем, а сержант Лэйк — у окна, выходящего на пруд.

— Итак, мы заняли места, — сказал инспектор. — Сидя на этом табурете и не теряя из виду дверь в кабинет, я должен повернуться так, что уже не смогу вас видеть.

Сержант бесшумно поднялся и проскользнул в библиотеку.

— Вся эта часть холла была погружена во тьму, горели только лампы у двери в кабинет. Что ж, Лэйк, я не видел, как вы уходили. А из библиотеки легко можно через другую дверь пройти в коридор. Двух минут хватит, чтобы добежать до комнаты Гэлбрандсена, убить его, вернуться через библиотеку и снова усесться возле окна.

Карри минуту подумал и продолжал:

— Женщины возле камина сидят к вам спиной. Миссис Серроколд занимала место там, справа от камина, около двери в кабинет. Она не двигалась с места. Это утверждают все. К тому же только ее и видно отовсюду. Мисс Марпл сидела здесь, позади миссис Серроколд, и тоже смотрела на дверь кабинета. Миссис Смит была слева от камина, совсем рядом с дверью в вестибюль. Этот угол был в полной темноте. Она тоже вполне могла выйти и вернуться. Да. Это возможно.

Внезапно Карри расхохотался:

— И я ведь мог сделать то же самое.

Он тихонько встал со своего табурета и проскользнул вдоль стены.

— Только Джина могла заметить мое отсутствие у рояля. А вы ведь помните, что она сказала? «Сначала он играл на рояле, потом не помню».

— Значит, вы считаете убийцей Стефана?

— Не знаю, — признался Карри. — Это не Эдгар Лоусон, не Льюис Серроколд, не мисс Марпл... Что касается остальных... — тут он тяжело вздохнул. — Возможно, убил американец. Ох, уж эти перегоревшие

пробки! Такое удачное совпадение. Однако, знаете ли, он вызывает у меня симпатию, но... Но это ничего не доказывает.

Инспектор внимательно рассматривал ноты, лежащие на рояле.

— Хиндемит? Кто такой? Никогда не слышал... Шостакович? У них такие фамилии, что язык сломаешь!

Он посмотрел на старый вертящийся табурет и приподнял его сиденье.

— А, старая музыка здесь. «Ларго» Генделя, «Этюды» Черни, «Знал я прекрасный сад»... Жена пастора пела это, когда я был маленьким.

Он вдруг умолк, держа в руках пожелтевшие страницы. Под ними, на «Прелюдах» Шопена, лежал маленький пистолет.

— Стефан Рестарик! — радостно воскликнул сержант Лэйк.

— Не делайте поспешных заключений, сержант. Держу пари, кто-то старается нас в этом убедить.

* * *

Мисс Марпл поднялась по лестнице и постучалась к миссис Серроколд.

— Можно войти, Кэрри-Луиза?

— Конечно, милая Джейн.

Сидя перед туалетным столиком, Кэрри-Луиза расчесывала свои серебристые волосы. Она полуобернулась и посмотрела на входящую подругу.

— Меня зовет полиция? Я буду готова через несколько минут.

— Как ты себя чувствуешь?

— Очень хорошо. Джолли, правда, настояла, чтобы я завтракала в постели. И Джина принесла мне завтрак буквально на цыпочках, как тяжелобольной! Я думаю, многие просто не отдадут себе отчета в том, что в нашем возрасте даже такие трагические события, как смерть Кристиана, переносятся легче. Ведь у нас уже было достаточно времени, чтобы понять, что все происходящее в этом мире так мало значит...

— Да, пожалуй, — сказала мисс Марпл, правда, без особой уверенности.

— Ты не согласна со мной, Джейн? Меня это удивляет.

— Кристиан убит, — тихо ответила мисс Марпл.

— Да... Я понимаю, что ты хочешь сказать. Ты считаешь это важным и

существенным.

— А ты не считаешь?

— Это уже не имеет значения для Кристиана, — спокойно заметила Кэрри-Луиза. — Разумеется, это существенно для человека, который его убил.

— Кто, по-твоему, мог это сделать?

Миссис Серроколд покачала головой. Видимо, она об этом не задумывалась.

— Понятия не имею. Не могу даже представить себе мотив этого убийства. Наверняка есть какая-то связь между преступлением и причиной, заставившей Кристиана приехать сюда месяц назад. Не думаю, что он вернулся бы так скоро, не имея веских оснований. Но, независимо от повода, та причина месяц назад уже существовала. Я пыталась докопаться до нее, но не могу припомнить ничего необыкновенного.

— Кто был тогда в доме?

— Все, кто находится здесь сейчас... Да, Алекс только что вернулся из Лондона. Чуть не забыла! Была еще Рут.

— Рут?

— Да, милочка, моя сестра Рут. Она приезжала ко мне на несколько дней.

— Рут! — повторила мисс Марпл.

Она перебирала в памяти разговор с миссис Ван Райдок перед поездкой в Стоунгейтс. Рут была взволнована, обеспокоена. Пока она гостила у сестры, ее не покидало ощущение угрозы, нависшей над Кэрри-Луизой. Почему не покидало? Она ведь ничего не заметила. Что-то было не в порядке — вот все, что она могла сказать. Кристиан Гэлбрандсен тоже был взволнован и обеспокоен, но он либо кое-что знал, либо подозревал, что кто-то пытается отравить Кэрри-Луизу.

— От меня что-то скрывают? — вдруг спросила миссис Серроколд. — У всех такой таинственный вид.

Мисс Марпл вздрогнула.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что я это вижу. Я говорю не о Джолли, а обо всех остальных, включая и Льюиса. Когда я завтракала, он вошел в мою комнату и показался мне очень странным. Выпил со мной кофе и даже съел кусочек поджаренного хлеба с апельсиновым джемом. А ведь он всегда пьет только чай и терпеть не может этот джем. Наверняка он думал о чем-то важном... Может быть, даже забыл позавтракать. С ним это часто случается, но сегодня он выглядел таким озабоченным и взволнованным!

Наступила неловкая пауза, но миссис Серроколд, казалось, не замечала этого. Она улыбалась.

— О чем ты думаешь, Кэрри-Луиза?

Похоже, в мыслях миссис Серроколд была очень далеко.

— ...Я думала о Джине, — ответила она. — Ты говорила, что Стефан Рестарик влюблен в нее. Знаешь, Джина — такое очаровательное дитя. И она обожает Уолли. В этом я совершенно уверена.

Мисс Марпл промолчала, а миссис Серроколд продолжала, как бы стараясь найти оправдание для своей внучки.

— Молодые женщины вроде нее любят ощущать свою власть над мужчинами! Это же вполне естественно. Очевидно, что Уолли Хадд — не совсем тот человек, которого мы бы хотели видеть мужем Джины. Все выпадало так, что их встреча не должна была состояться. Но девочка встретила его и влюбилась... Думаю, она лучше нас знает, кто ей подходит.

— Вполне возможно, — согласилась мисс Марпл.

— Так важно, чтобы Джина была счастлива!

Мисс Марпл удивленно взглянула на свою собеседницу.

— Да, Джина — это особый случай. Когда мы удочерили ее мать... когда мы удочерили Пиппу, мы сказали друг другу, что этот эксперимент обязательно должен быть удачным. Видишь ли, мать Пиппы...

Кэрри-Луиза замолчала.

— Кем была мать Пиппы? — спросила мисс Марпл.

Казалось, Кэрри-Луиза не может решиться все рассказать.

— Мы с Эриком приняли решение никогда никому об этом не рассказывать. Даже сама Пиппа так никогда и не узнала.

— А я очень хотела бы знать все, — заявила мисс Марпл.

Миссис Серроколд посмотрела на нее. Она все еще колебалась.

— Это не просто любопытство. Мне действительно нужно знать. Ты можешь рассчитывать на мое молчание.

— Ты всегда умела хранить тайну, Джейн, — заметила Кэрри-Луиза и улыбнулась своим мыслям о прошлом. — Только доктор Гэлбрайт... он сейчас епископ Кроумера... один он знает все. Матерью Пиппы была Катрин Элсворт.

— Элсворт? Женщина, отравившая своего мужа мышьяком?

— Вот именно.

— Ее ведь повесили?

— Да. Но точно не доказано, что она отравила своего мужа. У него была мания принимать препараты мышьяка, просто какая-то патология. В то время в этих вещах еще мало что понимали.

— Она вымачивала в воде ядовитые бумажки от мух.

— Мы всегда думали, что горничная дала свои показания под влиянием злобы и прочих дурных чувств.

— Так Пиппа была ее дочерью...

— Да. Мы с Эриком решили, что малышка будет носить нашу фамилию — Гэлбрандсен, и что мы дадим ей в некотором роде новую жизнь, окружив ее любовью, заботой и всем тем, что необходимо ребенку. Нам это удалось. Невозможно было представить себе более милое и счастливое существо, чем Пиппа!

Мисс Марпл молчала.

— Ну вот, я и готова, — произнесла Кэрри-Луиза, поднявшись со стула. — Будь любезна, попроси инспектора — не знаю, так ли его следует называть? — попроси его подняться в мою маленькую гостиную. Думаю, он не станет возражать.

Инспектор Карри действительно не стал возражать. Он был даже доволен возможностью увидеться с миссис Серроколд в более непринужденной обстановке. Ожидая ее, он с любопытством осматривался. Среди прочего в глаза бросилась фотография двух девочек. Одна из них — очаровательная брюнетка — радостно улыбалась, а другая — стриженная дурнушка — недовольно смотрела на мир из-под своей челки. В это утро ему уже встречалось такое выражение лица. Фотография была подписана: «Пиппа и Милдред». Инспектор еще рассматривал ее, когда вошла миссис Серроколд.

На ней было черное платье из мягкой воздушной ткани. В ореоле серебристых волос черты ее бледно-розового личика выглядели удивительно трогательными. Она вся была живым воплощением хрупкости и незащитности. Инспектор сразу понял, почему все, кто ее знал, так старались защитить Кэрри-Луизу от чего бы то ни было.

Она поздоровалась, предложила инспектору сесть и устроилась в кресле рядом с ним. Инспектор Карри начал задавать ей вопросы. Она охотно, без колебаний отвечала на них, рассказав о том, как погас свет в холле, о ссоре между Эдгаром и ее мужем, о выстреле, который все слышали...

— Вам не показалось, что этот звук раздался в доме?

— Нет. Я думала, что он донесся из парка.

— Не заметили ли вы, как кто-нибудь выходил из холла во время этой сцены?

— Уолли уже пошел искать замену перегоревшим пробкам. Мисс Белевер вышла немного позже... тоже искать что-то, но я не знаю, что

именно.

— А кто еще?

— Насколько мне известно, больше никто.

— Вы могли бы увидеть всех, кто выходил, миссис Серроколд?

— Нет, не думаю, — ответила она после минутного размышления.

— Вы были слишком поглощены тем, что происходило в кабинете мистера Серроколда?

— Да.

— И вы с беспокойством спрашивали себя, что может произойти дальше?

— Нет... пожалуй нет, я бы этого не сказала. По правде говоря, я не думала, будто что-то может случиться.

— Но ведь у Лоусона был револьвер?

— Да.

— И он угрожал вашему мужу?

— Да. Но у него не было намерения причинить ему зло.

Инспектор Карри с трудом подавил в себе раздражение.

— Вы ведь не могли быть в этом твердо уверены, миссис Серроколд!

— Тем не менее, такая уверенность у меня была. Эдгар не ребенок. Он только прикидывается идиотом. Он разыгрывал эту мелодраму для самого себя, играя роль смелого, способного на все романтического героя. Я была совершенно убеждена, что он никогда не воспользуется этим револьвером.

— Однако он им воспользовался, миссис Серроколд!

— Наверняка это был случайный выстрел.

Карри снова почувствовал раздражение.

— Ничего подобного. Лоусон выстрелил дважды. Он целился в вашего мужа. По счастливой случайности пули не задели мистера Серроколда.

Казалось, Кэрри-Луиза была потрясена. Лицо ее мгновенно стало очень серьезным.

— Никак не могу поверить в это... — задумчиво начала она и тут же быстро продолжила, чтобы предупредить возражения инспектора: — Разумеется, я должна поверить, поскольку вы это утверждаете. Но у меня все-таки остается ощущение, что объяснение всему происшедшему должно быть каким-то очень простым. Доктор Мэйверик может все объяснить... Я знаю, все, что мы делаем здесь, кому-то может показаться глупым и бессмысленным, — вдруг неожиданно произнесла миссис Серроколд. — Мне известно также, что психиатры иногда бывают несносны. Но видите ли, инспектор, у нас кое-что получается. Разумеется, вы не поверите, но Эдгар действительно предан моему мужу. Если он придумал свои дурацкие

истории и утверждает, что Льюис его отец, то лишь потому, что ему так хочется иметь отца, похожего на Льюиса! Правда, я никак не возьму в толк, почему он вдруг сделался столь агрессивным. До этого он делал успехи, был почти нормальным. Кстати, мне-то он всегда казался нормальным.

Последнее высказывание инспектор даже не пытался оспорить.

— Оружие, которым воспользовался Эдгар Лоусон, принадлежит мужу вашей внучки. Лоусон наверняка взял его в комнате мистера Хадда. Вы видели раньше этот пистолет?

Инспектор протянул к миссис Серроколд руку. На его ладони лежал маленький черный пистолет. Кэрри-Луиза внимательно рассмотрела его.

— Нет, не думаю.

— Я нашел его у рояля, среди нот. Видно, что им недавно пользовались. У нас еще не было времени провести экспертизу, но я почти уверен, что мистер Гэлбрандсен был убит именно из этого оружия.

Кэрри-Луиза нахмурилась.

— Вы нашли его у рояля?

— Да. Под старыми сборниками нет. К ним наверняка никто не прикасался много лет.

— Значит, оружие было там спрятано?

— Да. Вы не припомните, кто вчера вечером сидел за роялем?

— Стефан Рестарик.

— Он что-нибудь играл?

— Да, очень тихо, какую-то немного грустную мелодию.

— Когда он закончил играть?

— Когда закончил?.. Не знаю.

— Но он действительно прекратил играть? Не играл ли он в то время, когда происходила эта сцена?

— Нет. Музыка прекратилась незаметно для меня.

— Вставал ли он со своего табурета?

— Не знаю. Мне совершенно неизвестно, что он делал до того момента, когда подошел к двери кабинета, чтобы попробовать подобрать ключ.

— Считаете ли вы, что у Стефана Рестарика могла быть причина убить мистера Гэлбрандсена?

— Абсолютно никакой.

Миссис Серроколд минуту подумала и добавила:

— Я уверена, у него не было такой причины.

— Может быть, мистеру Гэлбрандсену было известно что-либо, компрометирующее Стефана Рестарика?

— Это очень маловероятно.

Инспектору Карри безумно хотелось вернуть: «Если свинья и летает, то очень маловероятно, что это птица!»

Это была любимая поговорка его бабушки, и он был уверен, что она известна и мисс Марпл.

Когда Кэрри-Луиза спускалась по лестнице, навстречу ей бросились женщины: Джина — из коридора, мисс Марпл — из библиотеки, а мисс Белевер — из большого холла.

— Милая бабушка! — воскликнула Джина. — Как вы себя чувствуете? Они вас не мучили, не изводили вопросами? Не причиняли вам неприятностей?

— Конечно нет! Какое у тебя богатое воображение, дорогая! Инспектор был очень мил и почтителен.

— Это все пустяки, — заявила мисс Белевер. — Возьмите, Кара, здесь все сегодняшние письма и какой-то пакет. Я как раз собиралась отнести это вам.

— Отнесите все в библиотеку.

Женщины прошли в библиотеку, и Кэрри-Луиза села, чтобы разобрать почту. Там было примерно двадцать писем. Просматривая их, Кэрри-Луиза отдавала письма мисс Белевер, которая раскладывала конверты в несколько стопок.

— Мы делим почту на три части, — объяснила мисс Белевер мисс Марпл. — Письма от родителей мальчиков я отдаю доктору Мэйверику. Просьбами о помощи занимаюсь сама. И, наконец, есть личные письма, относительно которых Кара готовит свои замечания с указанием возможных ответов.

Разобрав письма, миссис Серроколд занялась большим пакетом. Она разрешила веревочку ножницами и вынула из упаковки очень красивую коробку шоколадных конфет, перевязанную позолоченной ленточкой. Открыв коробку, она нашла в ней визитную карточку, которая очень удивила ее.

— «От Алекса с любовью и уважением». Вот странная мысль посылать мне конфеты по почте в тот же день, когда он приезжает сюда сам!

Мисс Марпл овладело какое-то беспокойство. Она вскочила.

— Минуточку, Кэрри-Луиза, подожди попробовать!

Мисс Серроколд была крайне удивлена:

— Но почему, милочка? Они выглядят так соблазнительно!

— Но я сначала спрошу... Скажите, Джина, Алекс сейчас в доме?

— Кажется, я только что видела его в холле.

Джина подбежала к двери и позвала Алекса. Он почти сразу появился на пороге. Подойдя к миссис Серроколд, он нежно поцеловал ее в обе щеки.

— Кэрри-Луиза хотела поблагодарить вас за конфеты, — сказала мисс Марпл.

Алекс выглядел крайне удивленным:

— Какие конфеты?

— Вот эти, — показала Кэрри-Луиза.

— В коробке была ваша визитная карточка, — объяснила мисс Белевер.

Алекс посмотрел на карточку.

— И правда... Как занятно... Пожалуй, даже очень занятно. Дело в том, что я не посылал никаких конфет.

— На вид они такие вкусные! — заявила Джина, рассматривая конфеты. — Смотрите, бабушка, конфеты с вишневым ликером, ваши любимые! Вон они, в середине.

Мисс Марпл мягко, но решительно отобрала у нее коробку, взяла ее под мышку и вышла, не проронив ни слова. Она отправилась на поиски Льюиса Серроколда. Разыскать его удалось не сразу. Он был у доктора Мэйверика. Поставив перед ним коробку, мисс Марпл рассказала, что произошло. Пока она говорила, лицо мистера Серроколда мало-помалу приняло суровое выражение.

Мужчины очень осторожно вынули конфеты из коробки и стали рассматривать их по одной.

— Я почти уверен, — сказал доктор Мэйверик, — что с теми конфетами, которые я отложил в сторону, что-то делали. Посмотрите на них снизу: слой шоколада нарушен. Надо немедленно отправить их на анализ.

— Это выглядит невероятным! — воскликнула мисс Марпл. — Мы все могли отравиться!

Льюис покачал головой. Он был очень бледен, по лицу пробежала судорога.

— Да, — сказал он. — Как много жестокости и пренебрежения чужой жизнью!.. Думаю, что все конфеты, которые мы отложили, заполнены вишневым ликером. Это же любимые конфеты Каролины. Какое знание мельчайших деталей!

— Если вы не ошибаетесь, и в конфетах в самом деле яд, — сказала мисс Марпл, не повышая голоса, — боюсь, что придется предупредить

Кэрри-Луизу о происходящем. Она должна быть начеку.

— Ей придется узнать, что кто-то хочет ее смерти, — грустно произнес Серроколд. — Никогда она не сможет в это поверить.

* * *

Джина выпрямилась и откинула со лба волосы. Ее лицо и брюки были выпачканы краской. Вместе с «ассистентами» она разрисовывала задник декорации, которая должна была изображать Нил на закате солнца. Для их будущего представления такая декорация была совершенно необходимой.

— Эй, мадемуазель! Правду что ли рассказывают?.. Говорят, какая-то дрянь забавляется с ядами? — послышался позади нее немного хриплый голос.

Голос этот принадлежал ее юному помощнику Эрни Греггу, преподавшему ей когда-то такие прекрасные уроки открывания любых замков.

Эрни умел все: был отличным рабочим сцены, по случаю мог заменить любого актера, а главное, был влюблен в театр и во все то, что его касалось. Трагическая, но в то же время интересная история, несомненно, была причиной того, что в его круглых глазах зажглись искры.

— Откуда, черт возьми, вы все это взяли? — с негодованием спросила Джина.

Эрни подмигнул:

— Об этом болтают во всех спальнях. Бог ты мой, что же здесь делается? Вчера разделались со старым Гэлбрандсенем, теперь тайком отравляют! У нас говорят, что тот, кто послал конфеты, и кто пришел старика, — одно лицо. А что вы сделаете, мадемуазель, если я скажу вам, что знаю, кто это?

— Вы ничего не можете знать.

— Ничего не могу знать? А предположим, вчера вечером я гулял и кое-что видел.

— Как вы могли оказаться снаружи? Ведь двери вашего корпуса закрываются в семь часов, после переключки.

— Переключка! Да, я, мадемуазель, могу выйти, когда мне захочется. Меня замки не смущают. Выходить, прогуливаться по парку... помилуйте, это же так просто! Я это часто делаю.

— Ладно, Эрни. Хватит выдумывать!

— Кто выдумывает?

— Вы! Вы лжете, вы столько раз хвастались подвигами, которых никогда не совершали.

— Зря вы это! Подождем, пока меня допросят эти сыщики о том, что я видел вчера вечером.

— Ну и что же вы видели?

— А вы хотели бы это знать?

Джина с угрожающим видом двинулась на Эрни, но он сделал вид, что испугался и отступил. Стефан, работавший на другом конце сцены, подошел к Джине, чтобы обсудить какие-то технические детали предстоящей постановки. Затем они вместе направились в дом.

— Мальчики в курсе истории с конфетами для бабушки, — сказала Джина. — Как они об этом узнали?

— Они знают все, поверьте мне.

— Что меня больше всего удивляет, так это визитная карточка Алекса. Ведь это глупо — присылать свою визитную карточку в тот день, когда он уже прибыл. Вы не находите?

— Конечно. Но никто не знал, что он прибывает. Он сам решил это буквально за две минуты и послал телеграмму. А к тому времени коробка была уже отправлена. Идея была блестящая. Он, случалось, и раньше посылал шоколад Каролине.

Стефан на мгновение замолчал, а затем продолжал:

— Но что меня поражает, так это...

Джина прервала его:

— ...то, что был некто, хотевший отравить бабушку. Это невысказано. Ведь все ее обожают, абсолютно все.

Стефан не отвечал. Джина с интересом на него посмотрела.

— Я знаю, о чем вы думаете, Стив.

— О чем же?

— Вы думаете, что... Уолли... ее не любил. Но Уолли никогда бы никого не отравил. Это смешно.

— Какая вы, однако, преданная жена!

— Не говорите в таком насмешливом тоне.

— А я совершенно не намерен насмехаться над вами. Я ценю вашу преданность и потому еще более восхищаюсь вами. Но, моя маленькая Джина, это не может более так продолжаться.

— Что вы хотите сказать?

— Вам это прекрасно известно. Вы с Уолли мало подходите друг

другу. И он это тоже знает. Однажды все лопнет, и как только это произойдет, вы оба будете гораздо счастливее.

— Как вы глупы, — сказала Джина.

— Допустим! Но вы же не станете мне рассказывать, что вы буквально созданы друг для друга и что Уолли здесь счастлив.

— Да, я не знаю, что у него на душе. Он все время дуется, говорит сквозь зубы. Не знаю, что я могу для него сделать. Почему я не могу сделать так, чтобы ему здесь нравилось? А как мы были счастливы когда-то! Как мы умели развлекаться!.. А теперь это другой человек. Почему все так меняется?

— А я, разве я изменился?

— Нет, старина Стив. Вы все такой же... Помните, прежде, во время каникул, я ни на шаг не отходила от вас?

— Как я могу об этом забыть! И как же мне надоедала эта крошка Джина! Но сейчас все иначе. Вы достигли цели. Разве не так, Джина?

— Глупец! — горячо сказала молодая женщина и поспешила перевести разговор на другую тему. — Вы считаете, что Эрни солгал? Стоит ли верить тому, что он вчера вечером прогуливался в тумане и мог бы многое рассказать? Как по-вашему, это правда?

— Правда? Конечно нет. Вы ведь знаете, какой он хвостун. К тому же, чтобы вызвать к себе интерес, он готов наговорить что угодно.

— Это я знаю. Между тем я задаю себе вопрос...

Весь оставшийся путь они прошли молча.

* * *

Заходящее солнце осветило западный фасад дома, на который в эту минуту был направлен взгляд инспектора Карри.

— Вы остановили свою машину вчера вечером именно здесь? — спросил он.

Алекс Рестарик отступил на шаг и, подумав, ответил:

— Примерно. Мне трудно сказать точно: был туман. Да, пожалуй, именно здесь.

— Доджетт! — сказал инспектор.

Полицейский агент Доджетт, стоявший до сих пор в ожидании, бросился к дому, пробежал по диагонали через газон, поднялся на террасу и

скрылся в боковой двери. Спустя несколько секунд невидимая рука резко сдвинула занавески на одном из окон, выходящих в сад. Затем агент снова появился в дверях, выходящих в парк, и снова побежал к тому месту, где его ожидала группа людей. Он тяжело дышал.

— Две минуты сорок две секунды, — сказал инспектор, звонким щелчком остановив секундомер, и добавил любезным тоном, как бы продолжая светский разговор. — Для подобных дел требуется не так уж много времени, вот так-то...

— Вы, без сомнения, хотели узнать, сколько времени мне могло понадобиться, чтобы добежать туда и вернуться? — спросил Алекс.

— Я просто хотел удостовериться в том, что вы могли совершить преступление. Это все, мистер Рестарик. В настоящий момент я никого не обвиняю... пока...

Впервые Алекс пришел в замешательство.

— Но помилуйте, инспектор! Вы ведь не можете быть убеждены в том, что я являюсь убийцей или в том, что именно я послал коробку с отравленным шоколадом миссис Серроколд, да еще вложил туда свою визитную карточку?

— Возможно, кто-то хочет, чтобы мы в это поверили, мистер Рестарик.

— А! Теперь я понимаю. Вы очень хитры, инспектор.

Инспектор Карри бросил заинтересованный взгляд в сторону молодого человека. Он обратил внимание на слегка заостренную форму его ушей, на то, сколь мало английского проступало в чертах его монгольского лица, на хитроватое выражение глаз. Он подумал, что узнать, о чем на самом деле думает этот юноша, очень нелегко.

Едва отдышавшись, агент Доджетт заговорил:

— Я двигал занавески, как вы мне велели, патрон. И я досчитал до тридцати. Один из крючков наверху оторван, и занавески плотно не закрываются. Когда комната освещена, это должно быть видно снаружи.

— Вы видели просачивающийся свет из этого окна вчера вечером?

— Я не мог видеть дом из-за тумана. Я вам об этом уже говорил.

— Бывает, что плотность тумана меняется, и тогда он местами рассеивается на несколько минут.

— Но вчера вечером он не рассеивался настолько, чтобы я смог увидеть весь дом или, по крайней мере, главный фасад. Гимнастический зал, который был совсем рядом со мной, и то вырисовывался в тумане весьма смутно, имел вид чего-то фантастического. Это меня и восхитило. Впечатление было настолько прекрасное, что создавало ощущение полной ирреальности происходящего. Я говорил вам уже, что

использую это в декорации балета, который сейчас ставлю.

— Да. Вы мне об этом говорили, — сказал Карри.

— Знаете, когда привыкаешь смотреть на вещи, как на декорацию, то забываешь о реальности.

— Возможно. Но все же декорация — это нечто вполне реальное, мистер Рестарик.

— Я не совсем понимаю, что вы хотите этим сказать, инспектор.

— Они делаются из материалов, в которых нет ничего сверхъестественного... холст, дерево, краски, картон. Иллюзию создают глаза зрителей, а не декорации сами по себе. Именно это я и хотел сказать: декорация — это нечто реальное, откуда бы мы на нее ни смотрели: из зала или из-за кулис.

Алекс взглянул на Карри, широко раскрыв глаза.

— Знаете, инспектор, это очень глубокое замечание. Оно дало мне еще одну идею...

— Для нового балета?

— Нет. Речь идет о совершенно другом. Я спрашиваю себя, не были ли мы в какой-то степени слепы?

Часть 5. Алекс делает предложение

Алекс Рестарик медленно поднимался по аллее, размышляя о том, что могла бы дать его новая идея. Ход его мыслей неожиданно прервался, как только на дорожке, проходившей вдоль пруда, он заметил Джину. Дом стоял на небольшой возвышенности, которая мягко опускалась песчаными уступами к пруду, окруженному рододендронами и другими кустами.

Алекс немедленно присоединился к Джине и преувеличенно капризно заговорил, указывая на дом:

— Если бы убрать это уродливое викторианское здание, то можно было бы представить себя на берегу Лебединого озера. А вы, Джина, стали бы Царевной-лебедью... Хотя вы более похожи на Снежную королеву. В вашей головке не укладываются такие понятия, как доброта, жалость и даже самое простое милосердие... Хотя при этом вы очень женственны, моя дорогая Джина!

— А вы при этом очень противны, мой дорогой Алекс!

— Потому что я не позволяю кое-кому ездить на себе! Вы же очень довольны собой, разве не так, Джина? Вы сделали из нас то, что хотели — я говорю и о себе, и о Стефане, и о вашем простофиле-муже.

— То, что вы говорите — глупо.

— Нет, не глупо. Стефан в вас влюблен, я тоже, а Уолли в отчаянии. Чего еще может желать женщина?

Джина посмотрела на него и рассмеялась. Алекс покачал головой.

— Я рад, что вы хотя бы искренни. Это свойственно итальянской крови. Вы не утверждаете, что специально не привлекаете мужчин или расстроены тем, что они вами увлечены. Вам нравится, моя жестокая Джина, что окружающие мужчины влюблены в вас, даже если речь идет о несчастном Эдгаре Лоусоне.

Джина посмотрела на него и сказала на удивление серьезным и спокойным голосом:

— Вы говорите, я жестока. Жесток мир! Настанет день, когда он и со мной жестоко обойдется. А пока что я молода, красива, и меня считают чертовски соблазнительной, — ослепительная улыбка обнажила ее зубы. — Да, я нахожу это очень приятным. А почему бы и нет?

— Почему бы и нет? Я тоже задаю себе этот вопрос, — ответил Алекс. — При этом мне особенно хотелось бы знать, что вы намерены делать. Вы выйдете замуж за Стефана или за меня?

— Я уже вышла замуж за Уолли.

— Временно. Один раз ошибиться для женщины — нормально... Но что мешает ей эту ошибку исправить? После дебюта в провинции приходит время сыграть пьесу в Вест-Энде^[3].

— И вы — тот самый Вест-Энд?

— Вне всякого сомнения.

— Вы действительно хотите жениться на мне? Я не могу представить вас женатым, — и Джина рассмеялась своим серебристым смехом. — Как вы меня позабавили, Алекс!

— Кстати, это мой главный козырь. Стефан гораздо лучше меня. Он очень красив и очень серьезен.

Женщинам такие нравятся. Но серьезный муж со временем утомляет. Со мною, Джина, вам скучать не придется.

— Не собираетесь ли вы еще сказать, что безумно меня любите?

— Даже если и так, я вам этого не скажу. Иначе было бы очко в вашу пользу. Нет. Все, что я намерен сделать — это лишь весьма прозаически предложить вам выйти за меня замуж.

— Мне ведь следует обдумать ваше предложение, — сказала Джина.

— Естественно. Кстати, для начала вам необходимо заняться Уолтером. Этот несчастный Уолли! Он мне очень симпатичен. Его жизнь стала сущим адом с тех пор, как он на вас женился. Он, даже не успев сообразить, что произошло, оказался прикованным к Башей колеснице и втянут в эту дикую атмосферу семейной филантропии.

— Алекс, вы просто грубиян!

— Всевидящий грубиян.

— Иногда, — сказала Джина, — у меня создается впечатление, что я нужна ему меньше всего на свете. Он просто не замечает, что я существую.

— Вы даже пытались вызвать в нем ревность, а он и на это не отреагировал. Это очень скучно!

Джина резко подняла руку и звонко ударила Алекса по гладко выбритой щеке.

— Вот это да! — воскликнул молодой человек.

Порывистым ловким движением он обнял ее, и не успела еще Джина начать сопротивляться, как их губы слились в продолжительном и страстном поцелуе... Какое-то мгновение она еще отбивалась, а затем перестала...

— Джина!

Они отпрянули друг от друга. Вся красная, с дрожащими поджатыми губами, Милдред Смит буквально испепеляла их взором. Она только и

смогла с трудом выговорить:

— Какой ужас!.. Девка! Пропавшая! Презренное создание!.. Ты воистину дочь своей матери... Потаскуха!.. Изменяешь мужу... и к тому же еще преступница! Да! Это верно... Я это знаю!

— И что же вы знаете? Не будьте смешной, тетя Милдред!

— Я не твоя тетя, Боже сохрани! В наших жилах течет разная кровь! Ты забываешь, кто была твоя мать. Ты не знаешь, откуда она появилась! Но моего отца и мою мать ты знаешь прекрасно. Как они могли взять в дом такого ребенка? Дочь преступницы или проститутки! Как они не подумали, что пороки передаются по наследству? И я подозреваю, что твоя итальянская кровь вполне могла сделать из тебя отравительницу!

— Как вы смеете так говорить?!

— Я говорю то, что хочу! Кто-то пытался отравить мою мать. А кто способен на это? Кто получит в наследство большое состояние после ее смерти? Это ты, Джина. И полиция, будь уверена, это учтет!

Продолжая кипеть, Милдред быстро удалилась.

— Это какая-то патология, — сказал Алекс. — Совершенно очевидно, что патология. Но это очень интересно. К тому же возникает вопрос, кем же был этот каноник Смит... Чересчур праведным святошей? Или импотентом?

— Алекс, вы отвратительны! О, как я вас ненавижу! Ненавижу! — Джина дрожала от гнева, кулаки ее сжимались.

— К счастью, в складках одежды у вас не спрятан кинжал. А то дорогая миссис Смит смогла бы познакомиться с преступником, сделавшись его жертвой.

— Как смеет она говорить, будто я пыталась отравить бабушку!

— А подумайте, дорогая! Ведь у вас для этого достаточно побудительных причин.

Джина пристально посмотрела на него. Она была поражена.

— О! Алекс... Неужели полиция тоже так считает?

— Мне трудно представить, о чем думают люди из полиции. Они умеют хорошо хранить свои тайны и к тому же не глупы. Это мне напоминает...

— Куда же вы уходите?

— Посмотреть, чего стоит пришедшая мне в голову идея.

Ошеломленная Кэрри-Луиза скептически посмотрела на своего мужа. Затем с трудом произнесла:

— Ты считаешь, что кто-то пытался меня отравить. Но ты же не можешь... Я абсолютно не в состоянии в это поверить.

— Мне так хотелось уберечь тебя от всего этого, моя дорогая! — тихо сказал Льюис.

Мисс Марпл, сидевшая рядом со своей приятельницей, понимающе кивнула головой.

— Это действительно так, Джейн?

— Боюсь, что да.

— Но тогда... — миссис Серроколд осеклась, однако тут же продолжила. — Я всегда считала, что умею отличать истинное от ложного. Все происходящее кажется мне нереальным. Я могу во всем ошибаться. Но кто бы мог захотеть для меня такой ужасной смерти? И разве есть в этом доме кто-то, кто мог бы желать мне ее...

В тоне ее по-прежнему звучало сомнение.

— Я вначале тоже так думал, — сказал Льюис. — И оказался неправ.

— А Кристиан, видимо, все знал. Это теперь очень многое объясняет.

— Что именно?

— Его поведение. Оно было очень странным. Кристиан выглядел совсем не таким, каким он обычно бывал — словно пережил какое-то потрясение. Теперь я понимаю, что это из-за меня... Я чувствовала, что он хочет поговорить со мной, но он так ничего и не сказал. Спросил только, в порядке ли мое сердце и о моем самочувствии в последнее время. Возможно, так он пытался предупредить меня. Но почему же он не поговорил со мною прямо?

— Он не хотел тебя огорчать своими подозрениями.

Казалось, глаза Каролины сделались еще больше.

— Огорчение? Но почему же... О! Понимаю... Значит, ты думаешь, что поэтому! Но ты ошибаешься, Льюис. Ты абсолютно не прав, и я могу тебе это доказать.

Льюис отвел глаза.

— Извините, но я все же не могу поверить в то, что происшедшее за эти дни — правда, — сказала миссис Серроколд после некоторого раздумья, — что Эдгар стрелял в тебя... Что Джина и Стефан... И эти конфеты... Все это так не похоже на правду.

Воцарилось тягостное молчание. Кэрри-Луиза вздохнула.

— Я вообразила, что можно очень долго жить, не обращая внимания

на реалии окружающего мира. Извините. Я хочу остаться одна. Я хочу попытаться понять.

Мисс Марпл спустилась в холл. Около двери, выходящей на улицу, она увидела Алекса Рестарика, стоящего в несколько театральной позе с распростертыми руками.

— Входите! Входите! — сказал он преувеличенно-радостным голосом, будто представляя себя хозяином этого большого холла. — Я как раз размышлял о том, что вчера здесь происходило.

Льюис Серроколд, следовавший за мисс Марпл, буквально прошмыгнул в свой кабинет, дверь которого он тут же закрыл.

— Вы пытаетесь воссоздать картину преступления? — спросила мисс Марпл, стараясь не показать своей заинтересованности происходящим.

— Не совсем так. Я на все смотрю сейчас с совершенно новой точки зрения. Я смотрю на этот дом как на театр. Пытаюсь перевести жизнь из реального плана в сценический. Подойдите сюда. Представьте себе, что окружающее вас — только декорация: освещение, двери, через которые входят и выходят персонажи, шумы за кулисами — в общем, все. Это исключительно интересно. Идея, кстати, принадлежит не мне, а инспектору. Простое замечание, которое он мне высказал. Сценические эффекты создают иллюзию лишь у зрителя... Думаю, что он несколько жесток, этот человек. Сегодня утром он так старался меня запугать.

— Ему это удалось?

— Не уверен.

Алекс рассказал мисс Марпл про эксперимент Карри, как тот заставил запыхаться Доджетта, хронометрируя его пробежку до дома и обратно.

— А ведь время столь обманчиво! — сказал он. — Считается, что необходимо много времени для того, чтобы что-то совершить, но это совсем не так.

— Да. Это совсем не так, — повторила мисс Марпл.

Она немного переместилась, чтобы удобнее было изображать публику. Стена, украшенная ковром, представляла теперь как бы задник сцены. Слева рояль, справа, совсем рядом с входом в библиотеку, диван в проеме окна. Табурет стоял примерно в двух с половиной метрах от двери в вестибюль, из которого начинался коридор. Два очень удобных выхода. Публика прекрасно видела как один, так и другой.

Но накануне вечером публики не было. Иначе говоря, никто не сидел лицом к декорации, которую сейчас рассматривала мисс Марпл. Накануне вечером публика была повернута к этой декорации спиной.

Мисс Марпл сейчас задалась вопросом, а сколько времени

понадобилось бы, чтобы выскользнуть из комнаты, пробежать по коридору, убить Гэлбрандсена и вернуться. Получилось, что намного меньше, чем предполагалось ранее.

И о чем же могла думать Кэрри-Луиза, когда говорила своему мужу: «Значит, по-твоему, причина в этом! Но ты ошибаешься, Льюис.»

Голос Алекса вывел мисс Марпл из раздумья.

— Это замечание инспектора по поводу декорации действительно глубокое. Дерево и картон, соединенные клеем, одинаково реальны как с окрашенной стороны, так и с тыльной. «Иллюзия, — сказал он, — возникает только в глазах зрителей».

— Это как трюки фокусника, — пробормотала мисс Марпл, — где иллюзия достигается «игрой зеркал», их магией. Последнее мне кажется более точным...

Стефан Рестарик вихрем ворвался в холл.

— Скажи, Алекс, ты помнишь этого маленького негодяя Эрни Грегга?

— Который изображал Феста, когда вы играли «Ночь королей»? Мне помнится, он производил впечатление, подавал какие-то надежды.

— Да. Он не лишен сценического обаяния и исключительно ловок. А как рабочий сцены просто незаменим. Он хвастался перед Джиной, что может спокойно выходить ночью для прогулок. И что вчера вечером он был в парке и якобы кое-что видел.

Алекс резко обернулся.

— И что же он видел?

— А вот этого он не говорит. Я, правда, почти уверен, что он пускает пыль в глаза, хочет нас заинтриговать. Это первоклассный лгун. Но все же не стоит ли его допросить?

— Сейчас этого лучше не делать, — живо сказал Алекс, — и не следует ему показывать, что его рассказы нас заинтересовали.

— Возможно, ты прав... Посмотрим вечером.

Стефан прошел в библиотеку. Мисс Марпл, увлеченная идеей представить себя на месте публики, столкнулась с Алексом, не успевшим вовремя отступить.

— Прощу меня извинить, — сказала она.

Алекс нахмурил брови и рассеянно произнес:

— Извините меня... Ах, это вы! — добавил он таким тоном, будто был крайне удивлен присутствием мисс Марпл.

Мисс Марпл это показалось странным.

— Я думал о другом, — сказал Алекс. — Этот малый, Эрни...

Неожиданно он махнул рукой и последовал за Стефаном в библиотеку.

За закрытой дверью слышались голоса, но мисс Марпл едва ли это интересовало. Слова инспектора, о которых сказал ей Алекс, породили и в ее голове смутную мысль, нечто вроде внезапной догадки, которая сейчас занимала ее целиком. Совпадали ли ее мысли с соображениями Алекса? Или были совсем иными?

Мисс Марпл прошла на то место, где недавно стоял Алекс Рестарик. «Это не настоящий холл, — говорила она себе. — Это всего лишь дерево, картон, холст... Это сцена театра...» В памяти всплывали обрывки фраз: «Иллюзия... В глазах публики... Игра зеркал...»

В ее голове уже сформировался некий образ, подсказанный словами Алекса, когда он рассказывал о следственном эксперименте. Запыхавшийся после пробежки агент Доджетт... Теперь она ясно все видела...

— Ну конечно, — сказала она полупшепотом. — Это могло быть только так...

* * *

— О! Уолли, как ты меня напугал!

Высокий силуэт Уолтера возник из тени так внезапно, что Джина, возвращавшаяся из театра, буквально подскочила. Ночь еще не наступила, и таинственные сумерки, парившие над землей, придавали вполне реальным вещам некие фантастические формы, наподобие тех, что преследуют нас в кошмарах.

— Что ты здесь делаешь? Ты обычно никогда не заходишь в театр.

— Может, я тебя искал, Джина. Театр ведь то место, где тебя наверняка можно найти.

Мягкий монотонный голос Уолли, казалось, не содержал никакого подвоха, и все же Джина ощутила легкое беспокойство.

— Мне очень нравится эта работа, — сказала она. — Я обожаю запах красок, холста, дерева, саму атмосферу кулис.

— Да. Я понял, что ты к этому привязана... Скажи мне, Джина, сколько времени, по-твоему, понадобится, чтобы закончилось следствие?

— Видимо, оно закончится не раньше чем через пятнадцать дней. По крайней мере, мы так поняли из заявления инспектора.

— Пятнадцать дней, — задумчиво повторил Уолтер. — Скажем, три недели. А затем мы будем свободны... Тогда я возвращусь в Америку.

— Но я не могу так быстро собраться. Не могу оставить бабушку... И потом, мы сейчас готовим две новые постановки.

— Я ведь не говорил «мы». Я сказал, что поеду я.

Джина запнулась и посмотрела на мужа. В полумраке он показался ей огромным. И в этом привычном облике тихого великана ей почудилось что-то угрожающее...

— Итак, ты не хочешь, чтобы я поехала с тобой?

— Почему? Я этого не говорил.

— Тебе плевать, поеду я или останусь. Не так ли? — спросила она с внезапным гневом.

— Слушай, Джина, мы уже дошли до того предела, когда необходимо объясниться. Когда мы поженились, мы мало знали друг о друге, еще меньше о наших семьях, тем более об их окружении. Нам казалось, что это не имеет значения, а важно то, что мы вдвоем и начинаем новую прекрасную жизнь. Теперь первый акт завершился. Твоя семья меня не очень-то ценит. Возможно, она и права. Я ведь другой породы. Но если ты думаешь, что я могу оставаться здесь и, закусив губу, смиренно заниматься делами того, что я называю «обществом сумасшедших», ты ошибаешься. Я хочу жить в своей стране и делать работу, ту, которая мне по душе и на которую способен. Ты, как оказалось, ни в чем не соответствуешь тому образу жены, который существует в моем воображении. Мы слишком быстро поженились. И я это понял только теперь. Вина здесь моя. Сейчас ты вправе освободиться и начать новую жизнь — какую захочешь. Решать тебе. Ты можешь предпочесть кого-нибудь из этих театралов. Дело твое, тебе и выбирать. А я возвращаюсь на родину.

— Ты последний идиот! — воскликнула Джина. — Мне здесь просто очень интересно!

— Действительно? Хорошо. Но не мне. Итак, все тебя забавляет? Даже убийца?

Джина подскочила.

— То, что ты говоришь, жестоко и несправедливо. Я очень любила дядю Кристиана. А ты можешь себе представить, каково человеку, когда он знает, что уже в течение нескольких месяцев кто-то хочет отравить его бабушку?

— Я много раз говорил тебе, что не люблю эти места. И уж тем более мне не нравится то, что здесь происходит. Поэтому я уезжаю.

— Если тебе разрешат. Разве ты не понимаешь, что тебя могут арестовать? Ведь считают, что это ты убил дядю. Я была в ужасе от того, как инспектор Карри смотрел на тебя. Он был точно кот, поджидающий

мышь: когти выпущены, готов к прыжку. Я уверена, тебе припишут это убийство только потому, что ты выходил из холла, чтобы заменить пробки и потому, что ты не англичанин.

— Прежде всего, необходимы доказательства.

— Я боюсь, Уолли. С самого начала я боюсь за тебя.

— Бояться не нужно. Я тебе говорю, у них нет никаких улик против меня.

Когда они уже молча шли к дому, Джина вновь сказала:

— Мне кажется, ты не хочешь, чтобы я с тобой возвращалась в Америку.

Уолтер не ответил.

Джина повернулась к нему, топнула ногой.

— Я тебя презираю! Ты мерзкая бессердечная скотина! Тебе наплевать на то, что ты больше не увидишь меня. Ну и ладно! Мне тоже наплевать на тебя. Как я сглупила, выйдя за тебя! Я хочу как можно быстрее развестись, а потом выйду за Алекса или за Стефана и буду, без сомнения, более счастлива, чем с тобой.

— Bravo! — воскликнул Уолтер. — Теперь, по крайней мере, все стало ясным.

* * *

Мисс Марпл видела, как Джина и Уолтер вместе вошли в дом. Она находилась как раз в том самом месте, где утром инспектор Карри проводил следственный эксперимент.

— Мисс Марпл, вы простудитесь, если будете еще оставаться на улице вот так, не двигаясь, после захода солнца!

Неожиданно раздавшийся за спиной мисс Марпл голос мисс Белевер заставил ее вздрогнуть, и она покорно пошла следом за ней к дому.

— Я размышляла о трюках фокусников, — сказала мисс Марпл. — Они так непонятны, когда на них смотришь, и вдруг оказываются столь простыми, когда вам их объясняют. Вы когда-нибудь видели женщину, которую распиливают пополам? Этот фокус завораживал меня с детства. Я помню его еще с одиннадцати лет. Мне так и не удалось самой понять, как это делается. И вот недавно я прочитала в газете статью, где раскрывается секрет. Оказывается, там не одна, а две женщины. Зрители видят голову

одной и ноги другой. Все считают, что женщина одна, а их в действительности две... Это разгадка и для другого...

Мисс Белевер недоуменно посмотрела на нее. Впервые речь мисс Марпл была такой непоследовательной и бессвязной. Видимо, все эти ужасные события оказались действительно серьезным испытанием для столь немолодой дамы.

— Когда наблюдаешь вещи с одной стороны, то и видишь только эту сторону, — продолжала мисс Марпл, — но если удастся определить, где реальность, а где иллюзии, все становится ясным.

Затем она вдруг добавила:

— А Кэрри-Луиза?.. Как она себя чувствует?

— Она чувствует себя хорошо, — ответила мисс Белевер. — Но, должно быть, это ужасно — узнать, что кто-то пытался тебя отравить. Особенно для нее, всецело отвергающей насилие.

— Кэрри-Луиза хорошо чувствует то, что от нас ускользает, — задумчиво произнесла мисс Марпл. — И так было всегда.

— Я знаю, что вы хотите сказать. Но она живет вне реального мира.

— Вы так считаете?

Мисс Белевер посмотрела на нее с удивлением.

— Я не знаю никого другого, кто, подобно Кэрри, был бы так далек от повседневной жизни.

Сзади них раздались чьи-то шаги. Это был Эдгар Лоусон, который, обгоняя их, смущенно поклонился.

— Вот-вот! — продолжала мисс Марпл. — Я вдруг вспомнила. Этот молодой человек напоминает мне некоего Леонарда Вилли, зубного врача. Его отец, который тоже был дантистом, состарился. Стал терять зрение, руки у него тряслись, и больные, естественно, предпочитали лечиться у его сына. Старик был от этого несчастен, непрерывно жаловался и хныкал. Леонард, у которого было доброе сердце и не очень умная голова, стал притворяться, что излишне много пьет. От него всегда пахло виски, и, принимая пациентов, он старался делать вид, что находится «под мухой». Он был убежден, что несчастные больные, видя сына явно не на высоте, вновь пойдут к его отцу.

— И они шли?

— Конечно нет. Они пошли к мистеру Рейли, конкуренту. Многие добрые люди не в ладах со здравым смыслом. Кроме того, Леонард Вилли не умел как следует притворяться. Не имея никакого представления о том, как ведут себя настоящие пьяницы, он явно преувеличивал...

Они вошли в дом через боковую дверь и увидели, что вся семья

собралась в библиотеке.

Льюис шагал из угла в угол. Чувствовалось, что обстановка была напряженной.

— Что здесь происходит? — спросила мисс Белевер.

— Эрни Грегг не явился сегодня вечером на переключку, — сухо ответил Льюис.

— Он удрал?

— Пока неизвестно. Мэйверик и часть персонала осматривают все имение. Если его не найдут, нам следует предупредить полицию.

— Бабушка! У вас такой больной вид!

Это Джина, обратившая внимание на бледность Кэрри-Луизы, бросилась к ней.

— Нет. Но я огорчена. Бедный мальчик!

— Я как раз намеревался спросить у него, не видел ли он вчера вечером чего-нибудь необычного. У меня как раз была для него хорошая вакансия, и я думал, что после разговора о деле можно будет легко перейти на вчерашнее. А теперь...

Льюис больше ничего не сказал.

— Дурачок! Бедный дурачок! — тихо пробормотала мисс Марпл, качая головой.

Вошел Стефан Рестарик.

— Я не застал вас в театре, Джина! — воскликнул он. — Я думал, что вы сказали... Что? Что здесь происходит?

Льюис повторил свое объяснение, и, прежде чем Стефан смог произнести хоть слово, в вестибюле послышались голоса.

Дверь резко отворилась, и неверными шагами вошел доктор Мэйверик. Он был мертвенно бледен.

— Мы его нашли... Мы их нашли... Это ужасно!

Тяжело дыша, он рухнул в кресло и дрожащими руками вытер пот со лба.

— Что вы хотите этим сказать?.. Вы «их» нашли? — живо спросила Милдред Смит.

— Там... в театре, — сказал он. — Головы обоих раздавлены... Большой противовес занавеса, видимо, упал на них... Алекс Рестарик и малыш Эрни Грегг — они оба мертвы!

— Кэрри-Луиза, я принесла тебе в этой чашке бульон. Он придаст тебе силы, — сказала мисс Марпл. — Доставь мне удовольствие — выпей.

Миссис Серроколд сидела в своей огромной кровати и казалась ребенком. Щеки ее утратили свой цвет, а глаза говорили о том, что мысли женщины сейчас очень далеки от чашки с бульоном.

Она покорно взяла чашку, протянутую ей мисс Марпл, и отпивала бульон маленькими глотками. Ее давняя подруга присела в кресло рядом с кроватью.

— Сначала Кристиан... — сказала Кэрри-Луиза, — теперь Алекс и этот бедный малыш Эрни, который казался и хитрым и глупым одновременно. Он, может, действительно что-то знал?

— Не думаю, — ответила мисс Марпл. — Он просто соврал — глупая мальчишеская похвальба. Но, к сожалению, кто-то ему поверил.

Кэрри-Луиза вздрогнула, и взгляд ее опять стал отстраненным.

Мисс Марпл взяла со стола маленькие ножницы и стала с любопытством разглядывать их.

— Это Алекс подарил их мне сегодня утром, — сказала Кэрри-Луиза. — А третье кольцо на них якобы для того, чтобы легче стричь ногти на правой руке. Бедный Алекс, он так умел увлекаться. Он настоял на том, чтобы я их немедленно опробовала.

— И обрезки ногтей, наверное, вынес сам, чтобы не было беспорядка?

— Да. Он...

Каролина запнулась и постаралась перевести разговор.

— Почему ты это спросила?

— Я думаю об Алексе. Он был умен. Да. Очень умен.

— Ты считаешь, что поэтому он и умер?

— Да.

— Эрни и он... Мне и думать об этом страшно! Когда, по-твоему, это произошло?

— Во второй половине дня, ближе к вечеру. Возможно, между шестью и семью часами.

— Работа уже была закончена?

— Да. В театре в этот момент могла быть Джина... Уолтер Хадд также, да и Стефан пошел туда, чтобы посмотреть, там ли Джина... Короче говоря, любой мог...

Кэрри-Луиза прервала размышления мисс Марпл, задав спокойным тоном неожиданный вопрос:

— А что известно тебе, Джейн?

Мисс Марпл с интересом подняла голову. Глаза обеих женщин встретились, и мисс Марпл медленно ответила:

— Если бы я была вполне уверена...

— Думаю, что это так, Джейн.

И мисс Марпл спросила в том же тоне:

— Что ты хочешь, чтобы я сделала?

Кэрри-Луиза откинулась на подушки.

— Я целиком полагаюсь на тебя, мой друг. Делай то, что считаешь нужным.

Она прикрыла глаза.

— Завтра... — сказала мисс Марпл, мгновение поколебавшись. — Завтра я попытаюсь поговорить с инспектором, попрошу, чтобы он выслушал меня.

Заключение

Мисс Марпл все объясняет

— Ну и что, мисс Марпл? — сказал инспектор Карри с некоторым нетерпением.

— Если вы не возражаете, мы могли бы пройти в большой холл, — ответила мисс Марпл.

Казалось, инспектор несколько удивился.

— Вы полагаете, что именно там мы сможем избавиться от любопытных? Ведь этот кабинет, мне кажется, лучше приспособлен... — сказал он, осматриваясь вокруг.

— Я не собираюсь избавляться от любопытных. Я просто хотела вам показать кое-что, на что сама обратила внимание только благодаря Алексу Рестарику.

Инспектор, едва сдержав вздох недовольства, последовал за мисс Марпл.

— Вам что-нибудь рассказали? — спросил он, надеясь услышать утвердительный ответ.

— Нет, — сказала мисс Марпл. — Речь будет идти не о том, о чем кто-то мог рассказать. Речь пойдет о манипуляциях, совершаемых фокусниками... как бы игре двух зеркал, о магии этих зеркал... Вы понимаете, о чем речь?

Инспектор Карри ничего не понимал. Он просто пялил глаза и спрашивал себя, в здравом ли уме мисс Марпл.

А она остановилась и сделала ему знак сесть рядом с собой.

— Да. Я понимаю, что все это кажется вам глупым. Но если вы вообразите, что находитесь в театре, а сцена представляет большой холл Стоунгейтса, то что окажется позади кулис? Терраса, не так ли? На которую выходит ряд окон. И вот фокус получается. На эту мысль меня натолкнула «Женщина, распиливаемая пополам».

— Женщина, распиливаемая пополам?

На этот раз инспектор Карри окончательно убедился, что мисс Марпл не в своем уме.

— Это знаменитый фокус. Вы его, конечно, видели... Только в действительности там две женщины.

Зритель видит голову одной и ноги другой. Видно одну женщину, но

на самом деле их две. И я подумала, что таким же образом можно сделать обратное. То есть зритель видит двух людей, а на самом деле там только один человек.

— Видит двух, а на самом деле оказывается один?

Инспектор уже не понимал, где находится он сам.

— Да. Но не долго. Вашему полицейскому понадобилось две минуты сорок две секунды, не так ли? Чтобы бегом пересечь парк, войти в дом и вернуться обратно. Я же уверена, что для этого достаточно куда меньше двух минут.

— Для чего?

— Для фокуса. Фокус в том, что было не два человека, а один. Там... в кабинете. Мы же смотрим только на видимую часть, на сцену. А позади декорации имеется терраса и ряд окон. И если два человека находятся в кабинете, то одному из них очень легко вылезть в окно, пробежать по террасе (Алекс же слышал быстрые шаги), войти через боковую дверь, убить Гэлбрандсена и бегом возвратиться обратно. В это время человек, который остается в кабинете, имитирует разговор, и у нас создается иллюзия того, что в комнате находятся двое. И это верно, исключая, конечно, тот промежуток времени, который длился менее двух минут.

Инспектору Карри стало легче дышать. К нему вернулся дар речи...

— Таким образом, вы считаете, что это Эдгар Лоусон пробежал по террасе и убил Гэлбрандсена? И то, что именно он пытался отравить миссис Серроколд?

— Видите ли, инспектор, миссис Серроколд никто не пытался отравить. Вот именно здесь мы и запутались. Кто-то очень ловко воспользовался тем, что ревматические боли, которые мучают миссис Серроколд, схожи с симптомами отравления мышьяком. Это тоже старый трюк фокусников, когда вы вытягиваете именно нужную им карту... Очень легко всыпать немножко мышьяка во флакон с лекарствами и добавить несколько строк в письмо, напечатанное на машинке. А причина, которая заставила так неожиданно вернуться сюда Гэлбрандсена, теперь становится вполне понятной. Он вернулся, чтобы срочно заняться делами Фонда. Финансовыми делами. Предположим, что произошла растрата, очень большая растрата... Вы видите, куда ведут следы?.. Можно думать лишь об одном человеке...

— Льюис Серроколд?

— Да. Льюис Серроколд.

Отрывок из письма Джинны Хадд своей тете миссис Ван Райдок:

«...И вы понимаете, дорогая тетушка, это был настоящий кошмар, особенно в конце. Я уже говорила вам об этом странном молодом человеке Эдгаре Лоусоне. Он мне все время напоминал кролика... Когда инспектор начал задавать ему вопросы, что называется, в лоб, он потерял всякое спокойствие и удрал, как кролик. Именно так: удрал бегом. Он выпрыгнул в окно, обежал вокруг дома. На аллее полицейский хотел его задержать, но он увернулся и бросился напрямик к пруду. Прыгнув в старую прогнившую плоскодонку, бесцельно находившуюся там уже много лет, попытался оттолкнуться веслом от берега.

Тогда Льюис с истошным криком «Лодка ведь совсем прогнила!» быстро побежал к пруду. Лодка действительно пошла ко дну, и Эдгар отчаянно барахтался в воде — плавать он не умел. Льюис бросился в воду и поплыл в его сторону. Он смог добраться до него, но выбраться на берег им не удалось. Они завязли в зарослях камыша. Один из полицейских тоже попал в камыши, и его еле вытащили веревкой.

Тетя Милдред начала так истошно кричать: «Но они же утонут! Они утонут! Они оба утонут!..» А бабушка ответила на это очень просто: она сказала «Да». И ничего больше. Я не могу вам передать, каким тоном было сказано это единственное слово «Да». Можно сказать, это слово пронзило мое тело, как шпага.

Затем их вытащили из воды и пытались привести в чувство. Но искусственное дыхание уже не помогло. Инспектор подошел и сказал бабушке: «Боюсь, миссис Серроколд, что надежд больше нет».

Бабушка очень спокойно ответила: «Спасибо, инспектор» и обвела нас взглядом. Я хотела хоть чем-то помочь ей, но не знала, что делать. Джолли — тоже. Стефан протянул ей руки. У мисс Марпл, которая всегда выглядела несколько комично, был очень грустный вид. Видно было, что она очень устала. Даже Уолли казался потрясенным. Мы все любим бабушку и очень хотели ей чем-нибудь помочь.

Но она лишь сказала «Милдред!» и тетя ответила: «Мамочка!» Вернулись в дом они вместе. Бабушка казалась совсем маленькой и очень хрупкой. Тетя Милдред поддерживала ее под руку. До этого момента я и не представляла себе, насколько нежно они относятся друг к другу. Это ведь не всегда видно, вы знаете».

Джина на минуту остановилась, погрызла ручку и продолжила письмо:

«Мы с Уолли намерены как можно скорее возвратиться в Соединенные Штаты...»

* * *

Мисс Марпл задумчиво смотрела на двух людей, находившихся с ней в комнате: Кэрри-Луиза, удивительно невозмутимая, но сильно похудевшая и от того казавшаяся еще более хрупкой, и старый доктор Гэлбрайт, епископ Кромера, спокойное и улыбочивое лицо которого обрамляли красивые седые волосы.

Епископ взял руку Кэрри-Луизы в свою.

— Это большое горе для вас, мое бедное дитя, и вы, должно быть, потрясены:

— Да. Это большое горе, но я не потрясена.

Миссис Серроколд повернулась к мисс Марпл:

— Как ты узнала правду, Джейн?

— Честно говоря, это твоя заслуга, Кэрри-Луиза, — ответила мисс Марпл, и создалось впечатление, что она хотела извиниться. — Как только я поняла, что окружающие обманываются, считая, что ты живешь в собственном замкнутом мире и потеряла всякий контакт с реальностью, я начала догадываться о действительности, то есть о том, что ты, напротив, преспокойно живешь именно в реальном мире, а не в плену каких-то иллюзий, как большинство из нас. Когда я это сообразила, я подумала, что моим поводырем должны стать именно твои чувства и твоя манера смотреть на окружающее. Ты ведь была уверена, что никто не помышлял тебя отравить. Ты не могла в это поверить... и ты была права: это

действительно было так. Ты никогда не могла поверить, что Эдгар мог причинить вред Льюису... И в этом ты была права — он ему никогда не сделал ничего плохого. Наконец, ты была уверена, что Джина любит своего мужа — и это оказалось правдой.

И если уж я решила следовать за тобой, то должна была понять, что все, что казалось настоящим, было на самом деле иллюзией. И иллюзии эти создавались очень продуманно... Чтобы обмануть публику, фокусник действует именно так. А мы здесь были публикой.

Алекс Рестарик догадался обо всем раньше меня, так как ему представился случай посмотреть на вещи под иным углом, как бы со стороны... Когда он был на аллее с инспектором и смотрел на дом, то его осенило, как можно воспользоваться окном. К тому же он слышал чьи-то быстрые шаги в тумане. Когда он узнал о том, сколько времени потратил полицейский агент, чтобы добежать до дома и вернуться обратно, то понял, что для убийства могло понадобиться еще меньше времени. Кстати, Алекс говорил, что полицейский очень тяжело дышал после пробежки, и я сразу вспомнила, что таким же мы увидели Льюиса Серроколда, когда он открыл дверь своего кабинета в тот вечер.

Но душой всей этой ужасной истории был Эдгар Лоусон. Я всегда относилась к нему с недоверием. Все, что он говорил или делал, слишком уж совпадало с тем, каким его нам хотели представить. Во всем этом что-то было не так. Этот вполне нормальный парень слишком переигрывал, изображая полубезумца.

Конечно, все это задумывалось и подготавливалось с очень большой тщательностью. Льюис наверняка принял во внимание, что мистер Гэлбрандсен, приехавший сюда в прошлом месяце, уже тогда что-то подозревал. А он не мог не знать, что Кристиан Гэлбрандсен не успокоится до тех пор, пока сам не убедится в обоснованности своих подозрений.

Кэрри-Луиза вмешалась:

— Да, это в его характере. Кристиан был хоть и медлителен, но зато дотошен и крайне осмотрителен. Мне не известно, что вызвало его подозрения, но уж до сути вещей он докопался... и правду узнал.

— Я упрекаю себя в том, что был не очень-то компетентным администратором, — сказал епископ.

— Мы никогда не думали, что вас могли бы заинтересовать финансовые проблемы, — сказала Кэрри-Луиза. — Сначала ими целиком занимался мистер Джилфуа. После его смерти — Льюис, поскольку у него был большой опыт дельца. Мы позволили ему управлять всем в соответствии с его идеями, и это вскружило ему голову.

Щеки миссис Серроколд несколько порозовели.

— Льюис был по-своему замечательным человеком, — сказала она. — Он был дальновиден и убежден в том, что с помощью денег возможно все... Они были ему нужны не для себя. По крайней мере, ни алчность, ни другие чувства им не владели. Он стремился лишь к могуществу, которое могли дать деньги. А оно ему нужно было для того, чтобы совершать больше благих дел.

— Он хотел стать богом, — сказал епископ. И вдруг его голос стал строгим. — Он забыл, что человек — лишь жалкое орудие воли бога.

— И... он расхитил капиталы Фонда? — осторожно спросила мисс Марпл.

— Ну, это еще не все...

Гэлбрайт колебался.

— Не скрывайте ничего, — вмешалась Кэрри-Луиза. — Она моя самая давняя подруга.

— По части финансовых дел Льюис Серроколд был самым настоящим чародеем, — сказал епископ. — В свое время, когда он со знанием дела исполнял функции эксперта-бухгалтера, он развлекался тем, что довел до совершенства разнообразные приемы, позволявшие мошенничать без всякого риска. Причем, делал это из чисто спортивного интереса. Но когда понял, что для осуществления намеченного проекта ему понадобится много денег, то решил эти приемы применить на практике. Благо, возможностей для этого у него было предостаточно. Из местных парней ему удалось создать что-то вроде маленькой, но тщательно подобранной банды. Эти парни, естественные наклонности которых толкали их к дурному, любили сильные ощущения, а многие из них были к тому же очень умны.

Епископ ненадолго замолчал и продолжил:

— Многое нам еще неясно. Но представляется, что большинство членов этой своеобразной тайной организации, получив в нашем заведении специальную подготовку, затем внедрялись на ключевые посты в различных финансовых учреждениях. Они с успехом подделывали записи в бухгалтерских книгах, что позволяло похищать значительные суммы без особого риска быть заподозренным. Мне говорили, что самым лучшим экспертам понадобилось бы много месяцев, чтобы все это распутать. Известно уже, что Льюис Серроколд имел много счетов в банках, открытых, разумеется, не на его имя, и обладал акциями многих компаний. Он рассчитывал в скором времени скопить колоссальную сумму, с помощью которой собирался основать колонию в каком-нибудь отдаленном

месте. Там он намеревался создать сообщество на кооперативных началах, а юные правонарушители стали бы в конце концов владельцами и администраторами. Мечта, несомненно, фантастическая...

— Эта мечта в конечном счете могла бы быть реализована, — сказала Кэрри-Луиза.

— Да, Возможно. Но применяемые Льюисом Серроколдом средства были бесчестными, и Кристиан Гэлбрандсен об этом догадался. Он был очень обеспокоен еще и потому, что понимал: неминуемое разоблачение и судебное разбирательство отразилось бы каким-то образом и на вас, Кэрри-Луиза.

— Так вот почему он спросил, в порядке ли у меня сердце, — сказала миссис Серроколд. — Он был очень озабочен моим здоровьем, а я и не догадывалась о причинах этого.

— Льюис вернулся из своей поездки, — продолжил епископ. — Кристиан встретил его перед домом и сказал ему, что знает о происходящем. Думаю, Льюис это выслушал спокойно. Они решили сделать все возможное, чтобы постараться избавить вас от неприятностей. Кристиан сказал, что обратится ко мне с просьбой приехать, чтобы посоветоваться. Я ведь тоже являюсь администратором Фонда.

— Но, естественно, — сказала мисс Марпл, — Льюис предусмотрел и эту возможность. Он все заранее подготовил. Он привез сюда этого молодого человека, которому была поручена роль Эдгара Лоусона. Разумеется, Эдгар Лоусон существует и на самом деле. Это было необходимо на тот случай, если полиция начала бы наводить справки о лже-Эдгаре. И наш «Эдгар» точно знал, что ему надлежит делать — разыгрывать роль нервного юноши, боящегося преследования, и обеспечить Льюису Серроколду алиби на те несколько минут...

Но это еще не все. Льюис заранее придумал эту историю с отравлением. Кто-то якобы пытался тебя медленно отравлять, Кэрри-Луиза... Но если все как следует сопоставить, то эта история была основана лишь на том, что Кристиан якобы рассказал Льюису, а также на тех нескольких словах, которые были добавлены самим Льюисом к письму, оставленному в пишущей машинке. Было очень легко добавить мышьяк к лекарству, но для тебя это не представляло никакой опасности... Он был рядом и помешал тебе его принять. Шоколадные конфеты тоже были лишь декорацией. Совершенно очевидно, что в тот момент, когда они были получены, там не было никакого яда. Но перед тем, как передать их инспектору Карри для анализа, Льюис подменил их другими, уже содержавшими мышьяк.

— А Алекс об этом догадался, — сказала Кэрри-Луиза.

— Да. Именно поэтому он тебе и подарил маленькие ножницы с тремя кольцами. Если бы тебе в течение длительного времени давали мышьяк, то его остатки можно было бы найти в обрезках ногтей.

— Льюис подвергался огромному риску, беря в сообщники Эдгара, даже если он и имел на него большое влияние, — произнес епископ.

— Нет, — ответила Кэрри-Луиза. — Это не совсем так. Ведь Эдгар действительно любил Льюиса.

— Да, — пробормотала мисс Марпл, — как Леонард Вилли любил своего отца. Я спрашиваю себя...

Деликатность не позволила ей продолжить.

— И от тебя тоже не ускользнула схожесть их лиц? — прошептала Кэрри-Луиза.

— А ты давно об этом знала?

— Я догадывалась. Я знала, что задолго до нашего знакомства у Льюиса был непродолжительный роман с одной актрисой, он сам мне об этом говорил. Я убеждена, что Эдгар — сын его и этой актрисы.

— Это все объясняет, — сказала мисс Марпл. — В финале он погиб, спасая сына.

Кэрри-Луиза бросила умоляющий взгляд на епископа и добавила:

— Знаете, это правда.

После долгого молчания миссис Серроколд продолжила:

— Странно, но я счастлива. Счастлива оттого, что все закончилось именно так, что он отдал свою жизнь в надежде спасти жизнь сына.

А затем она как-то очень просто и мило добавила:

— Но меня он искренне любил, и я отвечала ему тем же.

* * *

— Думаю, бабушка и тетя Милдред очень хорошо уживутся, — сказала Джина. — Тетя Милдред стала значительно добрее, она теперь не такая странная. Вы понимаете, что я этим хочу сказать?

— Очень хорошо понимаю, — ответила мисс Марпл.

— Итак, через две недели мы с Уолли едем в Соединенные Штаты.

Краешком глаза Джина посмотрела на мужа.

— Я забуду Стоунгейтс, Италию, все прошлое и стану настоящей

американкой. Рожу ребенка. Мы на зовем нашего сына Уолтер-Джуниор. Мне кажется, лучше и не придумаешь. Что ты об этом скажешь, Уолли?

Мисс Марпл поочередно посмотрела на Уолтера и Джину, думая о том, как приятно видеть столь нежно любящих друг друга людей. Уолтер Хадд очень изменился. Хмурый молодой человек, каким он еще недавно был, превратился в улыбающегося юного великана, всегда пребывающего в хорошем настроении.

— Вы оба мне напоминаете... — начала мисс Марпл.

Джина вскочила и сделала умоляющий жест, прикрывая своей рукой рот старой дамы.

— Нет, дорогая мисс Марпл, молчите! Я боюсь ваших сравнений. У этих сельских жительниц последнее слово всегда ядовито! А вы мастерица говорить разные колкости!

Взгляд Джины снова стал нежным, и она тихо продолжала:

— Когда я думаю о вас, о тете Рут, о бабушке, мне порой очень хочется увидеть мысленно трех молодых девушек. Но я не могу представить себе, какими вы были в юности.

— Вы действительно не можете себе этого представить, — тихо сказала мисс Марпл. — Это ведь было так давно...

АГАТА КРИСТИ

Десять негрят. Тайна «Голубого поезда». Игра зеркал.

Детективные романы.

ИБ 0009

Оформление и техническое редактирование В. Сафронова
Корректоры Т. Соловарова, Г. Устьянцева.

Сдано в набор 23.04.1993 г. Подписано к печати 29.07.1993 г. Формат 84 X 108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать высокая. Гарнитура школьная. Усл. печ. л. 27,7. Усл. кр. — отт. 27, 7. Уч. — изд. л. 28,1. Тираж 250 тыс. экз. Заказ 95.

Издательство Гермес, 630048, Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104.

Отпечатано в типографии издательско-полиграфического предприятия «Советская Сибирь», 630048, Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104.

Примечания

1

Ковент-Гарден — Лондонский оперный театр (*прим. перев.*)

Урия Гип — персонаж одного из романов Ч. Диккенса (*прим. перев.*)

Вест-Энд — театральный квартал Нью-Йорка (*прим. перев.*)